

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 3 (23)

2022

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Технический секретарь

А. Е. Жукова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС77-68612,
March 04, 2016
The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the list of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Technical secretary

A. E. Zhukova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Editorial Board

- A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
- O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
- L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
- S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
- V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia
- S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia
- K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
- N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
- D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
- M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
- L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
- T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

В. О. Левашко

[8]

Социалистическое соревнование как важнейший фактор повышения боеготовности на Краснознаменном Балтийском флоте в преддверии и в ходе Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

М. С. Каменских

[24]

«Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на Тобольском Севере в 1920-е гг.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Ю. Н. Красникова

[41]

Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в.)

М. С. Трегубова

[63]

Любовь и брак в жизни дворян-мужчин второй половины XIX – начала XX в. (по материалам личного происхождения)

В. А. Верменко

[82]

«В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- С. Н. Брежнева** [103]
Отражение национальной политики Российской империи на среднеазиатских окраинах в трудах русских востоковедов (конец XIX – начало XX в.)
- А. Г. Журавлева** [124]
Путешествия П. Е. Щербова на Восток в 1891–1893 гг. по документам тайника усадьбы художника
- В. С. Мильбах, А. В. Дусин** [142]
Архивно-следственное дело бывшего командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2 ранга Н. Д. Каширина как источник для исследования массовых политических репрессий в Красной армии в 1937–1938 гг.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- И. Г. Иванцов, И. В. Дубинин** [164]
Малоизвестные страницы биографии генерал-лейтенанта И. Д. Попко
- Е. А. Скоп** [178]
Повседневная жизнь одной семьи «бакинских» немцев в годы депортации (по воспоминаниям, архивным и экспедиционным материалам)
- Д. А. Астафьев** [189]
Детская тыловая повседневность в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по воспоминаниям З. М. Астафьевой)
- Сведения об авторах [202]

CONTENTS

GOVERNMENT AND SOCIETY

Vadim O. Levashko

Socialist competition as the most important factor in increasing of the combat readiness of the Red Banner Baltic Fleet on the eve of the Soviet-Finnish war and during its course (1939–1940)

[8]

REGIONAL EVERYDAY LIFE

Mikhail S. Kamenskikh

“We should annul the antagonism that exists in tundras between Russians, Zyrians and Samoyeds”: everyday life of Soviet cooperation in the Tobolsk North in the 1920s

[24]

EVERYDAY LIFE OF INDIVIDUAL SOCIAL GROUPS

Yuliya N. Krasnikova

Is it easy to be a volost clerk? (on the example of an appanage village in the first half of the 19th century)

[41]

Marina S. Tregubova

Love and marriage of noblemen in the second half of the 19th – early 20th centuries
(based on materials of personal origin)

[63]

Valentina A. Veremenko

«In the healthy body – healthy mind»: physical education and sports in the capital noble-intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries

[82]

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Svetlana N. Brezhneva** [103]
Reflection of the national policy of Russian Empire
on the Central Asian outskirts in the works of Russian
Orientalists (late 19th – early 20th century)
- Aleksandra G. Zhuravleva** [124]
P.E. Shcherbov's travels to the East in 1891–1893 according
to the documents of the artist's estate cache
- Vladimir S. Milbakh, Aleksey V. Dusin** [142]
Archival and investigative file of the former commander
of the North Caucasus Military District, army commander
of the 2nd rank N.D. Kashirin as a source for the study
of mass political repressions in the Red Army in 1937–1938

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Igor G. Ivantsov, Igor V. Dubinin** [164]
Little-known pages of the biography of Lieutenant General
I.D. Popko
- Evgenia A. Skop** [178]
Daily life of one family of «Baku» Germans during the years
of deportation (based on memoirs, archival and expedition
materials)
- Dmitry A. Astafiev** [189]
Children's rear everyday life during the Great Patriotic War
of 1941–1945 (according to the memoirs of Z.M. Astafieva)

- About Authors [202]

Социалистическое соревнование как важнейший фактор повышения боеготовности на Краснознамённом Балтийском флоте в преддверии и в ходе Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.)

В. О. Левашко

Данная статья посвящена изучению роли социалистического соревнования в политической работе с личным и командным составом Краснознамённого Балтийского флота в 1939–1940 гг., во время Советско-финляндской войны. Автор разделяет два вида соревнования: краткосрочное и долгосрочное.

Для анализа первого вида соцсоревнования анализируются соревнования, проводимые в ходе боевых операций надводных и подводных кораблей флота, авиационных частей и подразделений флота, сражающихся на берегу. Раскрывается порядок заключения договоров о соцсоревновании, содержание социалистических обязательств, порядок подведения итогов соцсоревнования. В кратких выводах по первому разделу отражены основные особенности социалистического соревнования в боевой обстановке, и делается вывод о его эффективности.

Во второй части работы рассматриваются примеры проведения долгосрочных социалистических соревнований и соцсоревнований вне боевой обстановки. Для рассмотрения этих вопросов рассматривается порядок проведения социалистических соревнований в период зимнего ремонта кораблей и организации зимней обороны.

Ключевые слова: социалистическое соревнование, договор, личный состав, высказывания, советское общество, Краснознамённый Балтийский флот, обязательства, боевые действия, общесоюзные компании, подведение итогов.

Для цитирования: Левашко В.О. Социалистическое соревнование как важнейший фактор повышения боеготовности на Краснознамённом Балтийском флоте в преддверии и в ходе Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) // История повседневности. 2022. № 3. С. 8–23. DOI 10.35231/25422375_2022_3_8

Историография социалистического соревнования в СССР была практически необъятной. Только в первой половине 1970-х гг. было опубликовано более 350 монографий и статей на эту тему. Немало работ посвящено и первому периоду становления и развития социалистического соревнования – 1930-м гг. [1; 2]. Гораздо меньше внимания уделяли исследователи истории соцсоревнования в Красной армии и Рабоче-крестьянском Красном флоте в этот период [3; 4], притом, что его роль в становлении морально-политического состояния красных командиров и бойцов никем не ставилась под сомнение. В немалой степени это объясняется тем, что с 1942 г. и до конца Великой Отечественной войны социалистическое соревнование в Красной армии и на флоте было запрещено.

Данная статья призвана до некоторой степени восполнить этот пробел и показать место социалистического соревнования в политической работе с личным составом Краснознамённого Балтийского флота непосредственно перед началом и в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Социалистическое соревнование стало важнейшим символом построения нового общества в СССР на всём протяжении его истории. Впервые это движение проявило себя в годы гражданской войны в форме субботников и других формах безвозмездной помощи советскому государству. Но началом глобальной государственной кампании по повсеместному внедрению соцсоревнования в трудовую деятельность и повседневную жизнь советских людей можно считать 1929 год, когда 20 января в газете «Правда» была опубликована написанная ещё в 1918 г. статья В.И. Ленина «Как организовать соцсоревнование». Основатель советского государства указывал: «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе – непочатой родник...» [5, с. 197].

Уже 5 марта 1929 г. в той же «Правде» был опубликован призыв рабочих завода «Красный выборжец» ко всем рабочим страны организовать соревнование за снижение себе-

стоимости промышленной продукции. 9 апреля в газете «Голос текстилей» был опубликован договор о соцсоревновании 58 тыс. текстильщиков Твери, Москвы и Иванова. А 9 мая 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов»

Поддерживая и развивая начинание, И.В. Сталин писал 11 мая 1939 г.: «...Одним из самых важных факторов, если не самым важным фактором, нашего строительства является в данный момент социалистическое соревнование миллионов масс рабочих...» [6, с. 108]. Показывая отличия социалистического соревнования от капиталистической конкуренции, лидер Советского государства отмечал: «Принцип социалистического соревнования: товарищеская помощь отстающим со стороны передовых с тем, чтобы добиться общего подъёма. Конкуренция говорит: добивай отстающих, чтобы утвердить своё господство. Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, – догоняй лучших и добейся общего подъёма...» [6, с. 110].

В 1930-х гг. первой формой социалистического соревнования стало движение ударников. Помимо этого, внедрялись такие формы соцсоревнования как принятие встречного плана, организация бригад «догнать и перегнать», движение «общественного буксира»; развёртывалась борьба за повышение производительности труда. В 1935 г. зародилось стахановское движение.

Стремясь максимально стимулировать социалистическое соревнование, партийно-государственный аппарат активно поощрял его участников и особенно победителей. СНК СССР в сентябре 1929 г. постановил образовать на предприятиях премиальный фонд в размере 40 % экономии, полученной в результате соревнования. Российско-американский исследователь Е.А. Осокина отмечала в этой связи: «Лучший пример тому – стахановцы. За свой ударный труд они получали не только большие деньги, но и машины, одежду, возможность отовариваться в специальных бюро заказов и шить одежду в ателье крупных магазинов» [7, с. 194].

Вполне естественно, что РККА и РККВМФ как важнейшие составляющие советского общества, не могли остаться в стороне от этого процесса. 10 мая 1929 г. Политическое управле-

ние РККА издало директиву № ПС/5858 «О социалистическом соревновании в Красной Армии», в которой подчеркивалось, что соревнование в армии и на флоте не кратковременная кампания, а средство постоянной политической и трудовой активизации воинов, воспитания их в духе коллективизма. Главным содержанием социалистического соревнования в тот период было повышение боевой готовности Красной армии, совершенствование воинского мастерства и политической подготовки, укрепление политико-морального состояния личного состава, воинской дисциплины и организованности, воспитание бережного отношения к народному имуществу, улучшение материально-бытовых условий воинов [3, с. 5].

Структура и порядок проведения социалистического соревнования в Красной армии и на Красном флоте были окончательно утверждены директивой Политуправления РККА № 7824 от 28 июля 1930 г. «О руководстве социалистическим соревнованием», согласно которой общее руководство этим движением возлагалось на командиров и политорганы. М.Н. Тухачевский, подчёркивая роль в этот момент значение социалистического соревнования для повышения боеготовности армии и флота, укреплению его морально-политических качеств отмечал: «На основе соревнования и ударничества должен проходить каждый этап и ход маневров. В первую очередь соцсоревнование должно охватывать развитие самостоятельности, мобильности и смелости. Способность к обтеканию флангов и к проникновению в щели боевого порядка противника, способность к быстроте и решительности на основе образцовой, классово-сознательной дисциплины должны особенно проверяться в соцсоревновании. Соцсоревнование должно охватывать политическую, тактическую и специальную подготовку войск, организацию тыла, порядок движения в колонне, работу среди населения (организация красных обозов с хлебом, распространение займа третьего года решающего года пятилетки и т. п.) ...» [8, с. 2].

Как и в целом в стране, в армии и на флоте на первом этапе социалистическое соревнование приобрело характер ударнического движения. По данным Политуправления РККА, уже в 1930 г. многие части, подразделения и корабли стали ударными. Так, в апреле насчитывалось: в 51-й дивизии – 1000

ударников, в 1-й кавалерийской – 2000, в 80-й – 15 ударных отделений, 2 ударных взвода, 2 ударные роты, школа и 2 дивизиона [3, с. 7]. Отмечали большую роль социалистического соревнования в повышении боеготовности кораблей и соединений флота и военные моряки. Так, авторы исследования «Краснознамённый Черноморский флот» отмечают значение соцсоревнования для выполнения планов боевой и политической подготовки на флоте. Одним из его направлений в 1930-е гг. стало широкое распространение научно-технической пропаганды и деятельность рационализаторов и изобретателей [9, с. 129]. Хотя, конечно, к этим цифрам и фактам следует относиться с большой осторожностью, факт широкого распространения соцсоревнования в войсках и на флотах оспорен быть не может.

Таким образом, можно констатировать, что соцсоревнование во второй половине 1930-х гг. стало действительно общенародным. Рассмотрим, как реализовался этот процесс на Краснознамённом Балтийском флоте в преддверии и в ходе Советско-финляндской войны.

Во второй половине 1930-х гг. без охвата социалистическим соревнованием не оставалось ни одно мало-мальское начинание, будь то в мирной жизни или в условиях войны. Главным стержнем политической работы в течение года было общесоюзное социалистическое соревнование, в которое, естественно, включались и военные моряки Балтики. Так, в 1938–1939 гг. направлениями общесоюзной кампании на КБФ были организация социалистических соревнований к 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической Революции и в честь 22-й годовщины РККА и РККФ [10, л. 51]. В начале 1940 г. проводилось общефлотское соцсоревнование, приуроченное к выборам в местные Советы. Понятно, что если судить по отчётам, в этих компаниях принимали участие абсолютно все моряки флота. Но помимо общесоюзных и общефлотских компаний, и в повседневной службе, и при выполнении боевых задач, проведение социалистических соревнований было строго обязательным. Рассмотрим несколько примеров проведения и организации социалистического соревнования на КБФ в период советско-финляндской войны. Начнём с соцсоревнования при выполнении боевых задач.

Как свидетельствуют политические донесения и отчёты о ходе боевых действий, заключение договора о социалистическом соревновании было обязательным и важнейшим элементом при подготовке любой боевой операции. 10 декабря 1939 г. линкор «Октябрьская революция» (командир – капитан 1 ранга Д.Д. Вдовиченко, военком – П.Я. Савин) готовился нанести удар по финским батареям Саарепня. В документах достаточно подробно рассмотрено политическое обеспечение этой операции, в котором основная роль отводилась именно соцсоревнованию. Политические работники корабля считали его главной формой своей работы как на переходе, так и непосредственно в бою. Принятые экипажем обязательства предполагали «ударное» исполнение экипажем своих служебных обязанностей [11, л. 65–70].

17 декабря этот же корабль вновь вышел на дуэль с батареями. Как и в прошлый раз, были заключены договоры о соцсоревновании между боевыми частями корабля. Это работу в период подготовки к выходу выполнили секретари партийной и комсомольской организации линкора и политруки боевых частей. Застрельщиками выступила БЧ-2 – артиллерия. При заключении договоров моряки демонстрировали горячее желание одержать победу над врагом: «...если будем ждать хорошей погоды, то эти острова будем брать до весны, надо брать сейчас...»; «...сраму будет нам, морякам, если острова возьмет армия – мы должны взять...»; «...скоро залив замерзнет – ничего не сделали...»; «...подойти надо ближе – чего их бояться, и разгромить...» [11, л. 69]. Об итогах соцсоревнования моряков информировали по громкой связи непосредственно в ходе боя.

В ходе двадцатисуточного боевого похода на подводной лодке «Щ-317» (командир – старший лейтенант А.Г. Андронов, военком – старший политрук С.Ф. Зайкин) в период с 19 декабря 1939 г. по 8 января 1940 г. непосредственно после выхода в море было организовано социалистическое соревнование. Помимо соревнования между отсеками и боевыми частями в целом, экипажем лодки были приняты обязательства на вызов передового корабля флота эсминца «Артем». Таким образом, социалистическое соревнование на этот раз разворачивалось как бы на двух уровнях – внутреннем, между боевыми частями, и между кораблями, что должно было усилить эффект. Ито-

ги социалистического соревнования были подведены в конце похода, при этом военком лодки особо подчеркивал в донесении, что собрания были проведены по отсекам, экипаж был о них информирован, и эта информация вызвала подъем у личного состава. Политорганы бригады признали, что социалистическое соревнование свою задачу выполнило [12, л. 13]. Столь же ответственно подошли к участию в этом соцсоревновании и моряки эсминца «Артём» – рулевые корабля писали в своих обязательствах: «...мы, рулевые, даем социалистические обязательства командованию корабля, что так поведем корабль, как еще никогда не водили, для выполнения боевого приказа командования КБФ...». Вызывает внимание четкость и деловитость обязательств краснофлотцев и несомненное воодушевление, с которым принято обязательство [13].

С 5 по 17 декабря 1939 г. подводная лодка «М-90» выполняла особое задание Военного Совета по разведке финских шхер. Главная нагрузка в работе по поддержанию морально-политического состояния небольшого экипажа ложилась на парторга и комсорга лодки, а также на партийный и комсомольский актив.

Как всегда, одновременно с выходом в море были взяты социалистические обязательства. Боевые части корабля подтверждали готовность максимально ответственно подойти к исполнению обязанностей боевой службы. Парторг лодки отдельно подчеркивал в своем отчете максимально конкретный характер принятых обязательств [12, л. 4]. Следует отметить, что на подводных лодках флота подведение итогов соцсоревнования обычно происходило уже после завершения похода, в базе, так как подвести итоги непосредственно на лодке к концу похода политсостав и экипаж просто не имели возможности.

Социалистическое соревнование являлось неотъемлемым элементом политической работы и в авиации флота. В качестве примера рассмотрим политическое обеспечение операции 17 февраля 1940 г., когда 18-й отдельной ближне-разведывательной авиаэскадрильи (командир – капитан Ф.А. Усачёв, военком – старший политрук М.А. Сырников) была поставлена задача на разведку противника в шхерном районе с фотографированием Виролахти. Примерный договор на организа-

цию соцсоревнования был выработан на собрании партийного и комсомольского актива сразу после получения боевой задачи. Непосредственно договора были заключены между звеньями эскадрильи под руководством комгруппоргов. Особый упор при этом был сделан на взаимовыручку и взаимодействие в бою. Итоги соцсоревнования были подведены по окончании боевых полётов и для информирования лично состава эскадрилий был выпущен боевой листок [14, л. 84].

Использовалось социалистическое соревнование и морскими частями, сражавшимися на берегу, что видно из отчёта старшего лейтенанта Боковня о политической работе в лыжном отряде капитана И.С. Лосякова. Всего в отчёте соцсоревнование упоминается 4 раза [15, л. 8–24], и видно, что с момента первого перехода лыжного отряда и до первого боестолкновения с финнами социалистическое соревнование стало одной из основных форм политической работы с бойцами-лыжниками. Обязательства, как отмечал политрук отряда, принимались в ходе кратких митингов перед началом боевой операции, при этом как явствует из документов, отсутствовала «заорганизованность», и командование приветствовало инициативу бойцов, полагая, что таким образом выявляются инициативные и смелые лыжники. Как и в рассмотренных ранее примерах, лыжники принимали обязательства максимально эффективно исполнять свои боевые обязанности. Обязательным элементом подведения итогов соревнования было обстоятельное информирование об их итогах краснофлотцев по завершению операции [16, л. 26–27].

На основании приведённых примеров можно выявить определённый порядок проведения социалистического соревнования в боевой обстановке вскрыть его сильные и слабые стороны. Договор о социалистическом соревновании заключался непосредственно перед боевой операцией на основании полученного приказа в том случае, если сторонами договора были подразделения части, получившей приказ. Если договор заключался между частями или кораблями, то он обычно устанавливал определённый временной срок. Непосредственным предметом социалистического соревнования было грамотное выполнение установленных боевых задач и обязанностей в рамках флотских документов, регламентирующих порядок

боевой деятельности кораблей и частей флота. Само соревнование можно условно разделить на три этапа: 1) подготовка и заключение договоров, принятие обязательств; 2) реализация этих обязательств в боевой обстановке; 3) подведение итогов социалистического соревнования с обязательным информированием участников и всего личного состава о его итогах.

Без полноценной реализации последнего пункта утрачивался сам смысл проведения акции. Как показывают высказывания краснофлотцев, боевое социалистическое соревнование оправдывало себя, оно становилось важным стимулом мобилизации личного состава, обязательства задевали моряков, что называется «за живое».

Однако социалистическое соревнование проводилось не только в связи с боевыми действиями. Как уже было сказано выше, флот в 1939–1940 гг. принимал участие в общесоюзных компаниях, в рамках которых так же заключались договора о социальном соревновании. Примером подобного документа можно считать обязательства сигнальщика гидрографического судна «Вест», опубликованные в боевом листке корабля. Автор брал обязательства изучить правила расхождения судов в море и сдать командиру, освоить азбуку Морзе и семафор, принимать до 20 знаков в минуту. Кроме того, он обязывался проработать труд И.В. Сталина «Марксизм и научный вопрос» и провести по нему беседу для изучающих историю ВКП(б), проработать труд В.И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и провести лекцию для изучающих историю ВКП(б). Обязательства предусматривали также выполнение на «хорошо» различных общественных поручений. «Мои обязательства прошу проверить в период с 24.12.1939 по 01.01.1940 командира, старпома, состав судкома, актив комсомола, состав членов ОСО и агитаторов. На социалистическое соревнование вызываю всех упомянутых мною арбитров и весь личный состав судна. Считать вступившим в силу с 1 декабря 1939 года» [17].

При анализе документа становятся ясными несколько интересных моментов. Итак, сигнальщик выступает в роли застрельщика социального соревнования на корабле. Это становится ясно из самого текста документа, а также из тех действий политсостава, которые последуют далее. Обязательства, упомянутые

в документе, подразделяются на профессиональные, служебные и политические. В первом случае мы видим, что сигнальщик разумно принимает на себя только те обязательства, которые и так являются минимальными для несения полноценной самостоятельной вахты. Действительно – знание силуэтов судов и кораблей, знание правил расхождения судов в море, семафор до 20 знаков в минуту и азбука Морзе – это основа службы сигнальщика, при незнании им хотя бы одного момента, командир, допуская такого специалиста до вахты, идет на страшный риск, ведь сигнальщик – это глаза корабля! Что же получается? Или мы имеем дело с молодым матросом, но тогда почему он выступает в роли застрельщика соревнования? Или другой вариант – все, в том числе и политсостав, в данном случае относятся к соревнованию формально и идут по пути наименьшего сопротивления. Что касается политических обязательств, то они отличаются бессистемностью, – ну что общего у двух вышеназванных работ вождей? Не было ли бы логичным проработать труды, посвященные военным проблемам или Красному флоту? Вызов явно носит общий характер. Автор просто пишет положенные фразы, думая только о том, как бы ему себя не перегрузить. Это резко контрастирует с вызовом на социалистическое соревнование в боевой обстановке. Похоже, повседневное, долгосрочное соревнование было, куда менее эффективно, чем краткосрочное, боевое. Это подтверждает и отношение экипажа ГИСУ «Вест» к объявленной кампании. В боевом листке от 9 декабря партактив вынужден напоминать личному составу о необходимости взять на себя подобные обязательства [18]. В условиях боевой работы личный состав относился к социалистическому соревнованию с несравненно большим энтузиазмом. Среди исследованных автором документов почти не выявлено отдельных политдонесений и других отчетных документов, посвященных подведению итогов в таких кампаниях. Объяснить это можно как тем, что итог годовичного соцсоревнования совпадал с подведением годовых итогов или итогов по учебному периоду, так и тем, что ни у личного, ни у начальствующего и политического состава не было к этому никакого интереса. Итог, что называется, «замыливался» в текущей работе!

Более удачно методика социалистического соревнования в повседневной службе была реализована в ходе зимнего ремонта надводных кораблей и подводных лодок КБФ. Задача была сложной. Ведь в составе флота были или новые корабли, слабо освоенные личным составом, либо корабли с солидным сроком службы, поддержание которых в боевой готовности требовало дополнительных усилий. Подводные лодки к тому же продолжали совершать боевые походы, поэтому восстановление готовности следовало проводить в максимально сжатые сроки. Социалистическое соревнование в этой ситуации смогло полностью раскрыть свой потенциал.

Приведём несколько примеров. На 3-й бригаде подводных лодок «Малютки» (командир – капитан 2 ранга Виноградов, военком – бригадный комиссар Елсуков А.О.) для выполнения работ флагманским инженером-механиком и политотделом бригады для каждой подводной лодки составлялся суточный план. План и порядок его реализации был доведен до личного состава, который был собран на короткие партийные и комсомольские собрания. Там же на собраниях, длящихся не более 15 минут, объявляли соцсоревнование. После собрания сразу же начиналась работа. Ход работ и выполнение обязательств по соцсоревнованию проверялись два раза в день – в обед и ужин. Все работы были выполнены раньше срока [19, л. 1–2].

Такую же эффективность показало соцсоревнование и на кораблях эскадры. Договора предусматривали подведение итогов за каждый день и за семидневку. На крупных кораблях, в частности на линкоре «Октябрьская Революция», использовалась такая форма поощрения отличившихся, как переходящее Красное Знамя. На многих кораблях и соединениях обязательства по выполнению судоремонта были взяты к 22-й годовщине РККА и РКК ВМФ. Такая практика себя полностью оправдала. Так, к 26 февраля по кораблям эскадры судоремонт был выполнен на 56 %, вместо 50 % по соц. обязательствам. При этом командование отмечало ведущую роль коммунистов и комсомольцев [20, л. 285].

В третьем дивизионе миноносцев (командир – капитан 3 ранга И.Г. Святов, военком – батальонный комиссар И.М. Леякин) между кораблями, боевыми частями и между отдельными бойцами так же заключены были договоры о соревновании. Воен-

комы докладывали о впечатляющем успехе акции: краснофлотец Потемкин выполнил свою норму на 300 %, краснофлотцы Сергеев, Ярыгин, Сандалов, досрочно, с опережением на 4 дня завершили ремонт механизмов своего заведования. Высказывания моряков в это время также подтверждали стремление личного состава как можно быстрее и качественнее завершить ремонт и восстановление кораблей: «...мы должны работать быстрее, чтобы белофинны брали с нас пример...»; «... корабль наш уже готов, и мы готовы. Скорее бы лед уходил, и мы пойдем громить белофинских бандитов...» [19, л. 142].

Потенциал социалистического соревнования в полной мере был использован и при проведении такого непопулярного на флоте мероприятия как организация зимней обороны кораблей. Приказ поступил с 5 января 1940 г., т. е. с того дня, когда флот официально прекратил участие надводных кораблей в боевых действиях. Моряки считали зимнюю оборону излишней и обременяющей формальностью, ведь помимо собственно несения усиленной караульной службы, широко практиковались дневные и ночные тренировки. Разумеется, наряду с вопросами обеспечения безопасности кораблей, это была одна из форм мобилизации личного состава с целью не допустить его расслабления в отсутствии боевой службы и плаваний, как хорошо сказал один моряк: «отвлечь его от мысли, что служить неплохо и лежа на боку!» Краснофлотцы это, конечно, понимали. На примере плавучей базы «Полярная Звезда» (командир – капитан 3 ранга И.О. Иванов, военком – старший политрук С.Я. Катков) можно увидеть, что для решения проблемы зимней обороны, среди прочего, было организовано социалистическое соревнование между боевыми частями, выставившими личный состав для несения вахтенной и дежурной службы и отдельных краснофлотцев друг с другом [20, л. 22]. До определённой степени внедрение социалистического соревнования при организации зимней обороны кораблей позволило исправить ситуацию.

Естественно, в рамках одной публикации нет возможности дать ответ абсолютно на все вопросы, связанные с внедрением социалистического соревнования на КБФ в преддверии и в ходе «зимней» войны, однако определённые выводы сделать можно. Как и в целом в стране, в РККВМФ социалистиче-

ское соревнование являлось важнейшим элементом мобилизации краснофлотцев и командиров. К концу 1930-х гг. были подготовлены и внедрены основные документы, регламентирующие порядок проведения соцсоревнования в Красном флоте, выработаны ключевые методики. Важнейшей из них стало формирование трёх приводимых выше ключевых этапов соцсоревнования.

Непосредственно в период подготовки и проведения военных действий с Финляндией на КБФ можно выделить два типа социалистического соревнования:

1. Долгосрочные общесоюзные и общекраснофлотские кампании. Этот тип соцсоревнования достался «в наследство» от мирной жизни. Обычно социалистическое соревнование заключалось на весь год и приурочивалось к какому-либо важному событию. Такое соцсоревнование характеризовалось длительной и обстоятельной подготовкой (1 этап), формальным отношением всех участников к принятию соцобязательств, которые чаще всего, были весьма размыты и малопонятны (2 этап). Как подтверждают документы, подведение итогов 3 этапа также проходило формально или отсутствовало вовсе.

2. Краткосрочное соцсоревнование, заключающееся перед выполнением боевой задачи и для решения других задач, от которых напрямую зависит боеготовность соединений, частей и кораблей. Особенности: краткосрочный первый этап – обычно в виде митинга и бесед партработников и актива с личным составом. Принимаемые социалистические обязательства носили максимально конкретный характер и были направлены исключительно на решение поставленной задачи. Объявление итогов (3 этап) строго обязательны, при этом главный упор делается на информированность всех участников о ходе соревнования. Часто, помимо подведения окончательных итогов, практиковалось и ознакомление моряков с промежуточными результатами. Это гарантировало эффективность такой формы работы.

Однако следует отметить, что абсолютно во всех случаях исполнение обязательств предполагало не более чем грамотное выполнение служебных обязанностей, регламентированных корабельным уставом и боевыми наставлениями. Это создавало определённое противоречие между приказом и иници-

ативой моряков. Так возникала двойственность, допустимая в краткосрочном локальном военном конфликте, но оказавшаяся неприемлемой в условиях длительной тотальной войны.

Список литературы

1. Евстафьев Г.Е. Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. – М.: Госполитиздат, 1952. 344 с.
2. Дадькин Р.П. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. – М.: Госполитиздат, 1954. 224 с.
3. Мельников Ю.Ф. XXVI Съезд КПСС и социалистическое соревнование в Советских Вооружённых силах // Военно-исторический журнал. – 1981. – № 7. – С. 3–12.
4. Ошурков Л.Н., Глушеч В.С. Социалистическое соревнование в армии и на флоте. – 2-е изд., доп. – М.: Воениздат, 1975. 159 с.
5. Ленин В.И. Как организовать соцсоревнование? // Полное собрание сочинений. – Т. 35. – М.: Издательство политической литературы, 1974. 600 с.
6. Сталин И.В. Соревнование и трудовой подъем масс. Предисловие к книжке Е. Микულიной «Соревнование масс» // Сочинения. – Т. 12. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – С. 108–111.
7. Сокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
8. Тухачевский М.Н. Памятка красноармейцу на маневрах. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Гос. воен. изд-во, 1931. 32 с.
9. Краснознамённый Черноморский флот. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1979. – 311 с.
10. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 34. Оп. 6. Д. 831.
11. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 34. Оп. 6с. Д. 849.
12. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 107. Оп. 6. Д. 51.
13. Центральный музей Военно-морского флота (ЦМ ВМФ). Рук.-док. сект. Д. 4144/2.
14. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 65. Оп. 35. Д. 9.
15. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 92. Оп. 2. Д. 600.
16. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 92. Оп. 201. Д. 601.
17. Центральный музей Военно-морского флота (ЦМ ВМФ). Рук.-док. сект. Д. 4143/1.
18. Центральный музей Военно-морского флота (ЦМ ВМФ). Рук.-док. сект. Д. 4143/3.
19. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 107. Оп. 7с. Д. 5.
20. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 34. Оп. 6. Д. 649.

Socialist competition as the most important factor in increasing of the combat readiness of the Red Banner Baltic Fleet on the eve of the Soviet-Finnish war and during its course (1939–1940)

Vadim O. Levashko

This article is devoted to the study of the role of socialist competition in political work with the personnel and command staff of the Red Banner Baltic Fleet in 1939–1940, during the Soviet-Finnish war. Author separates two types of competition: short-term and long-term.

To study the first type of socialist competition, we analyzed problem during combat operations of surface and submarine ships of the fleet, aviation units and subunits of the fleet fighting on the coast. The procedure for concluding agreements on socialist competition, the content of socialist obligations, the procedure for summing up the results of socialist competition are revealed. The brief conclusions on the first section reflect the main features of socialist competition in a combat situation, and a conclusion is made about its effectiveness. In the second part of the work the examples of holding long-term socialist competitions and socialist competitions outside the combat situation are considered. In order to review these questions, the procedure for holding socialist competitions during the winter repair of ships and the organization of winter defense was considered.

Key words: socialist competition, treaty, personnel, statements, Soviet society, Red Banner Baltic Fleet, promissories, military operations, all-union companies, summing.

For citation: Levashko, V.O. (2022). Socialisticheskoe sorevnovanie kak vazhnejshij faktor povyshenie boegotovnosti na Krasnoznamyonnom Baltijskom flote v preddverii i v hode Sovetsko-finlyandskoj vojny (1939–1940 gg.) [Socialist competition as the most important factor in increasing of the combat readiness of the Red Banner Baltic Fleet on the eve of the Soviet-Finnish war and during its course (1939–1940)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 8–23. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_8

References

1. Evstafiev G.E. *Sotsialisticheskoe sorevnovanie – zakonomernost i dvizhushchaya sila ekonomicheskogo razvitiya sovetskogo obschestva* [Socialist competition as the pattern and driving force of the economical development of Soviet society]. M.: Gospolitizdat, 1952. 344 p. (In Russ.)
2. Dadykin R.P. *Nachalo massovogo sotsialisticheskogo sorevnovaniya v promyshlennosti SSSR* [The beginning of large-scale socialist competition in the industry of the USSR]. M.: Gospolitizdat, 1954. 224 p. (In Russ.)
3. Melnikov Yu.F. *Dvadtsat shestoy S'yezd KPSS I sotsialisticheskoe sorevnovaniye v Sovetskikh Vooruzhennykh silah* [26th Congress of the CPSU and socialist competition in the Soviet Armed Forces] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Warfare-historical journal]. 1981. № 7. pp. 3–12. (In Russ.)

4. Oshurkov L.N. *Sotsialisticheskoye sorevnovaniye v armii I na flote* [Socialist competition in the army and navy]. M.: Voenizdat, 1975. 159 p. (In Russ.)

5. Lenin V.I. *Kak organizovat sotssorevnovaniye?* [How to organize the socialist competition] // Full composition of writings. Vol. 35. M.: Izdatelstvo politicheskoy literaturi, 1974. 600 p. (In Russ.)

6. Stalin I.V. *Sorevnovaniye i trudovoy pod'ym mass. Predisloviye k knizhke Ye. Mikulinoy «Sorevnovaniye mass»* [Competition and the labor upsurge of the masses. Preface to the book by E. Mikulina «Competition of the masses»] // Writings. Vol. 12. M.: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury, 1949. pp. 108–111. (In Russ.)

7. Osokina Ye.A. *Za fasadom «stalinskogo izobilyiya»: raspredeleniye i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of «Stalin's abundance»: distribution and the market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. M.: ROSSPEN, 1999. 271 p. (In Russ.)

8. Tukhachevskiy M.N. *Pamiatka krasnoarmeysu na maniovrakh* [Memo to the Red Army soldier on maneuvers]. M.: Gosudarstvennoye voyennoye izdatelstvo, 1931. 32 p. (In Russ.)

9. *Krasnoznamionnyy Chernomorskiy flot* [Red Banner Black Sea Fleet]. M.: Voenizdat, 1979. 311 p. (In Russ.)

10. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv Voенно-morskogo flota* (RGA VMF) [Russian State Archive of the Navy]. F. 34. Op. 6. D. 831.

11. RGA VMF. F. 34. Op. 6с. D. 849.

12. RGA VMF. F. 107. Op. 6. D. 51.

13. *Central'nyy muzej Voенно-morskogo flota* (CM VMF) [Central Museum of the Navy]. Hand-Doc. sect. D. 4144/2.

14. RGA VMF. F. 65. Op. 35. D. 9.

15. RGA VMF. F. 92. Op. 2. D. 600.

16. RGA VMF. F. 92. Op. 201. D. 601.

17. CM VMF. Hand-Doc. sect. D. 4143/1.

18. CM VMF. Hand-Doc. sect. D. 4143/3.

19. RGA VMF. F. 107. Op. 7с. D. 5.

20. RGA VMF. F. 34. Op. 6. D. 649.

Статья поступила в редакцию 11.06.2022

Одобрена после рецензирования 27.07.2022

Принята к публикации 12.08.2022

«Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на Тобольском Севере в 1920-е гг.*

М. С. Каменских

Статья посвящена особенностям политики советской модернизации на Тобольском Севере Уральской области в 1920-е годы. В советской историографии и делопроизводстве существовал устойчивый нарратив о беднеющем и эксплуатируемом населении как следствии политики царского режима. Однако источники свидетельствуют, что экономические проблемы у коренного населения севера Уральской области начались с отменой законодательных ограничений досоветского периода и началом новой экономической политики, когда советские госорганы получили право неограниченной добычи сырья, «вытеснив» из системы рыночных отношений коренных жителей.

В результате новая, более «справедливая» хозяйственная модель привела к разрушению традиционной экономики региона и спровоцировала межэтническую напряженность в борьбе за ресурсы. Попытки создать особые экономические условия через госраспределительные механизмы и закрепление родовых земель были безуспешны. Советская модернизация, таким образом, не только привела к переустройству экономики Севера, но и обозначила культурные фронтиры во взаимодействии местного и пришлого населения.

Ключевые слова: Тобольский Север, кооперация, нацмен, национальная политика, Комитет Севера.

Для цитирования: Каменских М.С. «Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на Тобольском Севере в 1920-е гг. // История повседневности. 2022. № 3. С. 24–40. DOI 10.35231/25422375_2022_3_24

Одним из направлений коренного переустройства общества, устроенного большевиками сразу после прихода к власти, стало внедрение новых форм хозяйства, которые в теории должны были стать более эффективными, чем существовавшие ранее. Особенно сложно это внедрение проходило на периферии, где в силу исторических и географических причин сложились свои специфические формы взаимодействия. Их переустройство часто натывалось не только на экономические и климатические сложности, но и на проблемы взаимодействия с местным населением, коммуникация с которым была затруднена в силу культурных и языковых различий. Вовлечению этнических сообществ («национальных меньшинств», «нацмен» или «инородцев» – в официальном делопроизводстве того времени) [1, с. 102] в социалистическое строительство советская власть придавала особое значение. Необходимо «вовлечение в кооперативное строительство трудящихся масс отсталых в культурном отношении национальных меньшинств», – писал Президиум ВЦИК 20 июня 1927 г. всем коопсоветам страны [2, л. 158].

Первым из крупных, созданных по социалистическому принципу регионов РСФСР, стала Уральская область. Здесь большевики пользовались широкой социальной поддержкой, именно Урал должен был продемонстрировать преимущества советского строя. Не случайно на этой территории создавались первые формы социалистического национально-территориального и хозяйственного устройства (национальные районы и национальные округа) для «нацмен» [3, с. 73–75, 101–123].

Северная часть Уральской области, объединенная в рамках Тобольского округа, населенная, помимо русских, финно-угорскими и самодийскими народами, вызывала наибольшие сложности в части включения территории в социалистическую модель хозяйства. Большие пространства, суровый климат, разнородное население – все это осложняло работу новой власти в данном регионе. В этой связи политика советской власти на Тобольском севере, особенно в первые годы большевизма, демонстрирует экономические и культурные фронтеры советской модернизации, и имеет большую научную ценность.

Социокультурная проблематика Тобольского Севера в первые годы советской власти уже находила отражение в историографии [4–6]. Касаясь сложностей советской кооперации Севера, Е.С. Перевалова, в частности, отмечала, что «хозяйственное строительство нового типа оказалось делом сложным, поскольку коренное население проживало разрозненно, плохо говорило по-русски и не понимало смыслов социалистических преобразований» [6, с. 173]. Американский ученый Ю.Л. Слезкин отмечал, что и в досоветский, и в советский период между пришлым русским населением и коренными народами царил атмосфера «чуждости»: «На протяжении своего знакомства с народами Севера русские считали их радикально отличными от себя» [5, с. 437]. Все исследователи обращают внимание на то, что ломка устоявшихся отношений в северных территориях страны, организованная в 1920-е гг., не всегда была успешной, а часто подчинялась сложившимся традициям.

В советских источниках 1920-х гг. содержится немало сведений о том, как реализовывалась экономическая политика в этот период, и какие это имело социокультурные последствия. Очень часто большевики, описывая в целом бедное существование северных народов, ссылались на последствия царского колониального режима. Однако в документах основной проблемой оказываются не досоветские формы хозяйства, а уже советские, – периода новой экономической политики. В рамках данной статьи на примере делопроизводственных источников 1920-х гг. реконструированы основные векторы советской экономической политики на севере Тобольского округа Уральской области, проанализирована роль в них этнокультурной составляющей.

Основным источником для написания статьи стали фонды Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) и его отделений, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). В них находится делопроизводственная документация о кооперации среди народов Севера в 1920 годы. Отчеты отдельных инструкторов содержат важные сведения, в том числе этнографического характера. Кроме этого, использованы материалы журнала «Советский Север».

Тобольский Север в первые годы советской власти

Под понятием «Тобольский север» в 1920 гг. понималась северная, лесотундровая часть Тобольского округа, включавшая территории современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Занимаемая Тобольском севером площадь превышала 1045 кв. км, составляя 2/3 площади всей Уральской области при населении чуть больше 50 тыс. чел., их которых 37 тыс. – оседлые, 1 тыс. – полuosедлые, 10 тыс. – кочевые [7, с. 9–10].

В административном отношении Тобольский север включал в себя пять районов округа: Березовский, Кондинский, Обдорский, Самаровский и Сургутский. При этом в описании Тобольского округа за 1926 г. отмечено: «Границы административных районов на севере весьма условны, поэтому данные о территории районов севера не являются твердыми», в связи с чем «административная принадлежность населения к тому или иному тузсовету не могла во многих случаях быть выявлена» [7, с. 3–4].

Учет этнического состава населения на Тобольском севере в досоветский период практически не проводился. Поэтому представления о Тобольском севере у созданных органов власти до 1926 г. были весьма обобщенными. Как правило, в отчетах местные власти ограничивались перечислением национальностей (остяки, вогулы, самоеды, зыряне) и их районами проживания. Так, например, Обдорский райисполком на соответствующий запрос Тобольского окружного комитета РКП(б) 13 февраля 1924 г. писал, что «дать сведения о количествах оленеводов и их имущественном положении, в настоящий момент райисполком не может, за отсутствием статистических данных за прошлые годы» [8, л. 204]. А Тобольский окрисполком следующим образом характеризовал в 1924 г. подконтрольную ему территорию: «Другие нацменьшинства (самоеды, остяки, вогулы, зыряне) населяют неземледельческие районы Тобольского севера. Главное занятие их – оленеводство, рыболовство и пушной промысел» [9, с. 98].

Исторически управление территорией осуществлялось через открытую еще в XVIII в. Обдорскую инородную управу, совмещавшую в себе торговые, административные, полицейские и фискальные функции [10, с. 45]. В первые годы совет-

ской власти жители Тобольского Севера пытались сохранить сложившиеся взаимоотношения, войдя полностью в новые институты. Многие из должностей в советских органах заняли бывшие учредители факторий. Так, в 1920 г. в «иностранческий стол» волостного ревкома вошли представители княжеской династии царского времени Василий и Михаил Тайшины. Василий Тайшин был избран представителем от остяков в Обдорский волисполком [6, с. 160].

Часто управление находилось не только в руках тех, кто занимал руководящие должности до советской власти, но и институционально управлялось теми же органами. В Докладной записке о деятельности Тобольской Окружной плановой комиссии от 16–19 марта 1924 г. сказано: «Во многом политика освоения севера и контактов с местным населением вынуждена была обратиться к опыту царского времени, в части организации закупки и сбыта пушнины, организации охотничьих угодий и образования» [8, л. 244]. Так, Обдорская иностранная управа работала на Тобольском севере до второй половины 1920-х гг. Посетившая Тобольский север в 1924 г. заместитель председателя Уралплана Первухина писала в отчете об ее деятельности: «в том чтоб сохранить управу как орган непосредственно сносящийся с туземцами, пользующийся его доверием и избранный ими самими – возражать не приходится, но как придать этому органу юридические права, этот вопрос требует определенной ясности» [8, л. 198].

Таким образом, приступая к социалистическому преобразованию Тобольского Севера, большевики имели о нем только общие представления, во многом опираясь на царский опыт. Этой же идеи в своей монографии придерживается Е.В. Первалова: «Советы, несмотря на резкое противопоставление себя старому режиму, в первое десятилетие своего существования были вынуждены использовать прежние механизмы управления туземным населением» [6, с. 198].

НЭП на Тобольском Севере

В основе экономики Тобольского севера лежало два основных промысла – добыча пушнины и рыбная ловля. К концу XIX в. уже сложилась определенная экономическая модель, в рамках которой местное население, занимаясь промыслом,

уплачивало «ясок» царской власти, выменивало у местных предпринимателей товары первой необходимости на дичь, рыбу и пушнину [4, с. 205–214; 11, с. 6]. В начале XX в. на севере было создано несколько крупных коммерческих объединений («факторий»), которые закупали у местных жителей продукты промысла и кредитовали их перед началом нового сезона. Помимо промысла и продажи добытого, основу экономики местного населения составлял «кортым», когда часть земельных угодий сдавалась для промысла пришлым русским. Торговля и поступавшая аренда позволяла местному коренному населению жить относительно благополучно и сохранять традиционное хозяйство даже в условиях модернизации. «Была серьезная отрицательная сторона в вотчинопользовании – слишком они были велики по площади, что давало возможность тузнаселению сдавать под «кортым» большую их часть пришлым русским промышленникам и было похоже на пользование землей помещиками», – говорится в Докладе статистико-экономического и этнографического Тобольского комитета Севера обследования [12, л. 6]. Жизнь пришлого некоренного населения строго регулировалась: «Помимо того, среди инородческого населения, совместно с ним или отдельными поселками, проживают русские выходцы: вышеуказанные тундринские крестьяне, сургутские мещане и лица из разных других местностей. Поселившись в давнее время самовольно на инородческих землях и имея там полную оседлость, лица эти тем не менее состоят до сего времени на причислении там, где были причислены их предки, и все повинности несут по месту своего причисления» [10, с. 80].

Естественно, с приходом советской власти такие формы отношений не могли сохраняться, и уровень доходов туземного населения значительно снизился. Поэтому начавшиеся экономические преобразования наткнулись на неприятие с их стороны. С другой стороны, некоренное прошлое население получило возможности для неограниченного промысла.

В 1920-е гг. продажа пушнины приобрела важную роль в советском экспорте. В официальных документах подчеркивалось, что «экспортное значение пушнины Тобсевера по некоторым ее видам довольно значительно, так по песцу оно равняется 24 %, и по соболю – 10 % всего вывоза за границу»

[7, с. 11]. Провозглашенная новая экономическая политика серьезно изменила существующий баланс, поскольку открывала возможности для масштабного промысла, не ограниченно арендными отношениями с местным населением.

С началом НЭПа сразу несколько организаций, выступавших от имени советской власти, начали заниматься промыслом пушнины.

В Докладной записке Тюменского окрисполкома говорится, что «сибирские организации при этом порядке обнаглели, например, Томский губсоюз кооперативов организовал свои фактории в Сургутском уезде, Сибпушнина выслала для этой цели свою экспедицию до Обдорска во главе с небезызвестным для Тюмени бывшим буржуем Михаилом Ивновичем Плотниковым. Все это проделывается без ведома тюменских органов и конечно вносит немалую долю зла» [2, л. 202]. Помимо Сибпушнины и Томгубсоюза на Тобольском севере работали Окружная плановая комиссия, а также представительства Закупсбыта и Центрсоюза. В записке о деятельности Окружной плановой комиссии (окрплан), 16–19 марта 1924 г. автор, Д.А. Антонов, писал, что данная структура образована постановлением президиума окрисполкома на основании Временного положения от 8 января 1924 г. От имени окрисполкома Окрплан занимался продажей пушнины Северсоюзу [2, л. 224–225]. О серьезном развитии капитала на Севере в годы НЭПа писала и Первухина: «Второй причиной роста частного капитала является та система агентуры, к контрой прибегают все оперирующие на Севере государственные хозорганизации... Оставить дело в том положении как оно есть, значит дать развиваться на пролетарском поле буржуазной змее» [2, л. 202].

Более всего страдали от «нашествия» новых закупщиков, облеченных государственной властью, местные жители. Характеризуя первые годы НЭПа, член президиума ВЦИК П.Г. Смидович писал: «Целые годы советская власть не могла сосредоточить достаточной степени внимания на укреплении туземного промыслового хозяйства. Малые народы Севера были предоставлены сами себе не только перед лицом суровой природы, но и перед хищником-спекулянтом организованным и неорганизованным, вторгшимся извне в поисках драгоценной пушнины» [13, л. 11].

Работой по поддержке и развитию именно местных хозяйств с 1917 г. занимался созданный в этом году Обь-Иртышский союз кооперативов (Северсоюз или Тобсеверсоюз). Вот как описывало ситуацию его руководство в 1924 г.: «Свои конторы для заготовки сырья открыли Закупсбыт и Центросоюз, в результате чего Северсоюз пострадал, и предлагал им вести заготовительную работу через аппарат Северсоюза. К сожалению, центральные организации, как чуждые местам, повели политику выкачивания ценностей на началах максимальной выгоды для заготовителей и игнорировали интересы населения. Это началось еще до распространения на Тобсевере соввласти, которая утвердилась здесь только во второй половине 1919 г. Приблизительно через год после того Тобольская контора Сибцентросоюза была закрыта. Северсоюз должен был получить свободу действий, но по причине военного коммунизма вынужден снова встать в зависимое положение взяв заготовку рыбы в своем районе для Облрыбы с получением снабжения от этой последней. В период НЭПа вновь пришлось уступить свои позиции гос и хозорганизациям нахлынувшим на Тобсевер в погоне за ценным валютным сырьем – пушниной. В результате все усилия пошли на мех, а рыбодобыча пошла на убыль и привела к повышению цен на рыбу. Все это очень тяжело сказывается на рыбопромышленниках, заставляя русское население ... бросить рыбный промысел и уйти куда-нибудь на юг, а нацменьшинства – продолжать начатое ранее вымирание. Пришлым организациям, повторяем, до этого дела нет, а для малонаселенного края такой уход грозит полным опустошением... пришлые деятели будь то отдельные лица или организации, увлекаются выкачиванием ценностей, и как чуждые краю не принимают во внимание насущных интересов населения, а также общей экономике края... Отсюда интересы экономики края и населения требуют, чтобы чуждые краю заготовители ушли из него, по меньшей мере, чтоб они прекратили работу своими аппаратами» [14, л. 24].

Контролировать и регулировать деятельность государственных заготовительных организаций было тяжело. В Общей сводке о работе уполномоченного нацмен Уральской области за 1925/26 годы сказано: «Всякое желание регулировать

пушную вакханалию у них (местных райиспокомов и окрисполкома – М.С.) пропадает, и они готовы сказать заготовителям: делайте, что хотите, одни неприятности с вами. 16 октября была попытка разрешить заготовку только нескольким организациям, при этом у других это вызвало негодование, которое докатилось даже до Москвы, в итоге постановление было отменено» [2, л. 227 об. – 228].

Вторая часть экономики – добыча рыбы – также подверглась жесткому изменению через советские хозорганы. Она не была такой прибыльной, как добыча пушныны, поэтому здесь быстро была введена госмонополия. Декретом от 31 мая 1921 г. «О рыбной промышленности и рыболовстве» исключительное право на использование рыбопромысловых угодий предоставлялось Главному управлению по рыболовству (Главрыбе), которое имело свои представительства в областях (в Уральской области с 1923 г. – Областьрыба). Данная структура также действовала на разрушение сложившегося уклада. Е.С. Перевалова со ссылкой на источники отмечает: «Это была «организованная преступная шайка», державшая в страхе всю округу. Она хозяйничала «в тундрах» и дебоширила в чумах, угрожая побоями и убийством «за всякое противодействие». Снабжение в районе было «поставлено из рук вон плохо», а «торговля с самоедами носила характер контрабанды» [6, с. 173]. Когда одни артельщики из местных жителей хотели получить от «Областьрыбы» часть угодий в аренду, им было отказано и те «вынуждены были идти на работу в «Областьрыбу» на условиях, какие им будут предложены, вне всякого желания от их личных пожеланий» [8, л. 200 об.]. В отчете загубуралплана за 1924 г. об «Областьрыбе» говорится: «На промыслах, так и в конторах «Областьрыба» имеет целую группу лиц из бывших буржуев, чиновников и вплоть до бывшего Березовского исправника Ямзина включительно» [12, л. 200 об.].

Как видно, в годы НЭПа госорганы попросту заменили собой царские «фактории», но при этом их промысел не был ограничен законодательно. Рассматривая ситуацию на Тобольском севере, советские власти часто противопоставляли свой режим несправедливому царскому. Однако если в досоветское время сложившаяся система отношений не влияла негативно на экономику местных жителей, то именно в пер-

вые советские годы и в период новой экономической политики началось ее разрушение, когда ведомые коммерческими интересами госорганы начали промышленную добычу пушнины, исключив практически полностью из ее процесса бывших «собственников» этого ресурса. В результате население Севера существенно обеднело, а существовавшая ранее экономическая модель взаимодействия перестала работать.

В сложившихся законодательных условиях местное население нуждалось в существенных мерах поддержки. Плановое субсидирование в условиях севера также не помогало. Тюменский губисполком, например, в навигацию 1923 г., забросил на север 58 000 пудов хлеба, планируя им «маневрировать»: выбрасывать на рынок, снижая цены, и снабжать служащих. В отчете губисполкома об этой операции говорится: «Ввиду того что в это фонде было 30000 пудов просовой крупы, которой никто не хотел брать, пришлось это фонд возить вверх и вниз по Оби с места на место; с большим трудом удалось сбыть какую-то часть по какой попало цене, а часть лежит и до сих пор, угрожая испортиться или сгореть. Никакого маневрирования понятно не было, а были громадные убытки, которые Тюмень и Тобольск никак не могут распределить до сих пор» [2, л. 227 об. – 228]. А сотрудник Комитета Севера Двораковский, работавший на Тобольском севере в 1924 г., отмечал: «Очень часты случаи, когда редкий для этих мест товар прежде всего попадает в руки служащих, а населению почти что не достается» [15, л. 10].

С 1924 г. проблемой народов Севера стал заниматься созданный после ликвидации Наркомнаца Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Решить проблему местного населения должно было кооперирование. На Урале создание кооперативов или артелей по национальному признаку и вовлечение «отсталых народов» в передовые формы хозяйства повсеместно провозглашалось одной из важнейших задач национальной политики [16, с. 18]. Но по причине архаических форм хозяйствования, сложностей в коммуникации и отсутствия специалистов, включение представителей национальных меньшинств в кооперативное движение шло более медленными темпами [17, с. 140–143]. Владели кооперативами в основном русские промысловики. Согласно «Та-

блице, характеризующей состояние кооперативной сети по 5 районам Тобсевера» на 15 декабря 1924 г. из 41 открытой лавки «туземцам» не принадлежало ни одной [18, л. 7–12]. А кооператив ТобСеверсоюз в декабре 1924 г. сообщал в Тобольский окрисполком, что «кооперативов специально из состава нацменьшинств Севера нет, а население, принадлежащее к северным нацменьшинствам, входит в русские кооперативы» [8, л. 270].

Основная проблема низких темпов кооперации заключалась в непригодности местных условий к обычным механизмам хозяйства, характерных для советской власти. Из Докладной записки Уральского облисполкома по вопросу кредитования хозяйственных организаций Уральского севера: «Нормы обычной торгово-промышленной деятельности совершенно не укладываются в обычаи и практику севера. Заброска хлеба производится обычно последними рейсами до главных пунктов, а затем и в более глухие пункты». Это положение относится и к другим товарам первой необходимости. «Трудно изживаемый обычай – кредитовать нуждающееся население продовольствием и товарами имеет за собой не только бытовое и историческое значение, но и глубоко экономическое. Имущественная состоятельность инородца невелика. Поэтому все, что он имеет ценного, – это пушнина или рыба. Если отказать ему в кредитовании продовольствием и товарами, то он попадет в цепкие руки оленеводов и спекуляторов, которые получив в свое распоряжение весь будущий урожай пушнины, будут хозяевами пушного рынка... Хозяйственные и кооперативные организации вынуждены кредитовать промысловое население, которое по истечении рыболовного или пушного сезона возвращает пушниной или рыбой весной будущего года. «Таким образом, обычные мерки финансирования единственных промыслов севера – рыболовства и охоты – не применимы... Север Уральской области находится в особых экономических условиях, вызывающих необходимость отступления от общепринятых норм хозяйственной работы... Уральские кредитные учреждения при настоящих условиях не в состоянии удовлетворить всей потребности северных хозяйственных организаций в кредите» [18, л. 13–15].

Комитет Севера видел спасение в закреплении за каждым из родов определенного участка земли, но это противоречило советскому землеустройству, нацеленному на создание крупных коллективных хозяйств, не обремененных родовыми отношениями. Председатель комитета П.Г. Смидович в проекте не принятого в итоге весьма радикального постановления ВЦИК писал, что северу необходимо «запретить въезд в эти районы частным торговцам», «установить контроль над составом агентов госторговли в этих районах», «запретить торговлю самогоном в этих районах в каком бы то ни было виде», закрепить за каждым из родов их земельные угодья: «каждое племя, каждый род знает определенную территорию, трудовое использование которой обеспечивает его существование. Пользование этой территорией без споров переходит от одного поколения в другое» [19, л. 1]. Авторы доклада «Статистико-экономическое и этнографическое Тобольского комитета Севера об обследовании р. Демьянки» также просили признать условия Тобольского севера требующими «специальных видов хозяйственного содействия» и признать для севера особые виды кредитования на срок до 9 месяцев» [12, л. 17]. В марте 1925 г. «Тобсеверсоюз» обращался в Комитет Севера и Совет труда и обороны с просьбой о предоставлении ссуды в сумме 715 тыс. рублей на срок до 3 лет «для обслуживания промыслового населения северных районов» [14, л. 17]. Но долгосрочное кредитование и родовое право собственности на землю противоречили логике советского режима, и не могли быть внедрены в жизнь даже в условиях архаических обществ Тобольского Севера. В результате чего местное население беднело, а социальное напряжение росло.

Межэтнические отношения на Тобольском Севере

Смена экономических реалий и ухудшение экономической ситуации, политические изменения спровоцировали конфликтные ситуации на межнациональной почве. Это отмечает и Е.С. Перевалова, подчеркивая, что «отмена старых законов землепользования привела к серьезным конфликтам по поводу промысловых угодий между пришлым и аборигенным населением» [6, с. 163]. В записке Д.А. Антонова о деятельности Окружной плановой комиссии говорится о пробле-

мах «между русскими пришельцами, хаотично заселяющими и инородцами в вопросах выгона и пользования рыбными угодьями» [8, л. 241].

Даже в сильно идеологизированном труде «На четвертом году» из сборника «Советский Север» П.Г. Смилович открыто писал о конфликтах в уже советской тундре: «На почве промыслов и выпаса оленей между самоедами и пришельцами – русскими происходят частые конфликты. Переселенцы захватывают исконные самоедские промысловые районы и зачастую просто угрозами заставляют самоедов отказаться от них. Многие переселенцы воруют песцов и самоедских кулемок и навагу и рюж. Некоторые из пришельцев предпочитают занятию промыслом торговлю водкой и др. товарами, конечно – по очень дорогой цене. Самоеды требуют, чтобы в тундру никто не переселялся без решения самоедских советов. Пришельцы-зыряне смотрят на вогул, как на существа низшего порядка, с их интересами не считаются. Много раздоров происходит и на почве дележа покосов. Глухая национальная вражда между туземцами и зырянами не прекращается» [20, с. 265–266].

Захват экономических рычагов управления, имеющий этнический окрас, описан в упоминавшемся выше отчете зампредгубуралплана Первухиной: «Русские изучив в достаточной степени психологию остяков и самоедов во многом стараются подчинить их своему влиянию, эксплуатировать в свою пользу. Материально русское население хорошо обеспечено. Но в эксплуатации туземцев зырянин намного опередил русского... Обыватели крупных сел, а также и городов понимая психологию туземца при их выездах стараются заманить к себе при помощи угощения. Получив угощение туземец уже хозяина считает приятелем и отлает ему свой промысел несравненно дешевле рынка, а в следующий раз он уже прямо едет в дом своего друга надеясь на угощение. А на Обдорской ярмарке, например, обыватели запугали туземцев советской властью и купили все в два раза дешевле» [12, с. 196, 202].

Проблемы местного самодийского населения с «зырянами» подробно представлены и в Докладе о состоянии совучреждений в Тобольском округе 1924 г.: «Господствующей нацией на Севере являются зыряне, которые пользуются темнотой

остяков и самоедов применяют всевозможные способы их эксплуатации, начиная с пастушества и кончая посредничеством по сбыту пушнины... необходимо внедрить в сознание остяков и самоедов чтоб они свою продукцию сбывали госучреждениям и кооперативам и этим самым избавиться от зырянского закабаления» [12, с. 196, 224]. Но «самоеды предпочитали взять в долг «на фактории», чем у советской власти (в сельском совете), т. к. с факториями отношения были давно определены, «а тут новое дело, новые люди» [6, с. 173].

Таким образом, первые годы советской власти существенно изменили сложившийся хозяйственный уклад на Тобольском севере. Новая модель не только повлияла на ухудшение жизни местного населения, но и вылилась в конфликты за право обладания ресурсами, которые быстро обрели этнический окрас, о чем косвенно свидетельствуют многие источники. В результате недовольство советской властью у местного населения имело еще и этническую составляющую.

Новая экономическая политика, как и кооперирование, стали постепенно сходить на нет ввиду начавшихся советских модернизаций (коллективизации и индустриализации). На Тобольском севере власти также пошли по пути создания крупных коллективных хозяйств. 10 августа 1928 г. Тобольский окрисполком принял постановление о введении сельхозналога для народов севера. В ноябре 1928 г. Комитет Севера обратился в Уралобком указывая, что «обложение таких туземцев налогам и может иметь вредное действие, явившись тормозом и помехою к переходу в оседлое состояние» [21, л. 1]. К протесту прикладывалось письмо инородца Уральской области Тобольского округа Уватского района Леваутского сельсовета Никития Павловича Колмакова, где он писал о двухлетнем урожае: «хлеба нет за 100 верст ни у кого. Где взять сельхозналог непонятно» [21, л. 24]. Однако налог не был отменен.

А принятое 10 сентября 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Положение о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР» в корне изменило систему землепользования, внедрив принципы организации коллективных хозяйств в условиях тундры. Попытки бойкота с призывами «не продавать оленей русским» наткнулись на жесткое подавление, а все не-

удачи в заготовках приписывались вредительству «кулаков» и «антисоветских элементов». Зимой 1931/32 г. местные жители организовали бойкот «пушно-меховых» и «олензаготовок», но его инициаторы были арестованы как «антисоветские элементы Ямальского округа» [6, с. 117, 174]. Все это, безусловно, отражалось на уровне доверия к власти, способствовало разрушению традиционных хозяйств и резкому ухудшению жизни населения и формированию на этой почве межэтнической напряженности.

Таким образом, в 1920 гг. Советские органы, в частности Комитет Севера, создали устойчивый нарратив об эксплуатируемом местном «отсталом» населении, что вписывалось в концепты классовой теории большевиков. Однако, как свидетельствуют источники, серьезные экономические проблемы Тобольского Севера были вызваны введением госмонополий и изменением существовавшего хозяйственного баланса. Попытки решить проблему созданием особых экономических условий для коренного населения были безуспешны, так как противоречили логике советского режима. Отмена арендных отношений и права на землю привели к ухудшению жизни коренного населения и спровоцировали ситуацию межэтнической неприязни и напряженности. Таким образом, советская модернизация сыграла роль и культурных фронтиров для местного коренного и пришлого населения.

Список литературы

1. Конев А.Ю. Инородческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917–1930-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 8: История. – С. 102–111.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60.
3. Каменских М.С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. – СПб.: Издательство «Маматов», 2019. 224 с.
4. Головнев А.В. Феномен колонизации. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 572 с.
5. Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.
6. Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. – СПб.: МАЭ РАН, 2019. 352 с.
7. Список населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. – Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Урастатуправления и окружных исполкомов, 1928. 231 с.
8. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41.
9. Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север. Первый сборник статей. – М.: Наркомнац, 1929. – С. 66–98.

10. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1904. 78 с.

11. Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. 258 с.

12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 41.

13. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 314.

14. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 364.

15. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 321.

16. Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). – Свердловск: Издательство Уральского облисполкома, 1927. 25 с.

17. Каменских М.С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX – начале XXI века. – СПб.: Издательство «Маматов», 2019. 312 с.

18. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 9.

19. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 99.

20. Смидович П.Г. На четвертом году // Советский Север. Первый сборник статей. – М.: Наркомнац, 1929. – С. 258–273.

21. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 57.

“We should annul the antagonism that exists in tundras between Russians, Zyrians and Samoyeds”: everyday life of Soviet cooperation in the Tobolsk North in the 1920s

Mikhail S. Kamenskikh

This article discusses the features of Soviet modernisation policy in the Tobolsk North of the Ural region in the 1920s. In Soviet historiography and paperworks there was a strong narrative about the population poverty and exploitation that was a consequence of tsar regime policy. However, sources indicate that economic problems of indigenous people in the Ural North started with the cancellation of pre-Soviet period legislative restrictions and beginning of the new economic policy, when the state authorities got the right of endless raw material extraction and displaced the indigenous people out of market relations. As a result, new and more “fair” economic model led to destruction of the traditional region economy and caused interethnic tension in the struggle for resources. Attempts of creating specific economic conditions through the government distributive machinery and ancestral lands securing were not successful. That way Soviet modernization not only led to restructuring of the North economy, but also designated cultural frontiers in the interaction between local and alien population.

Key words: Tobolsk North, cooperation, national minority, national policy, Committee of the North.

For citation: Kamenskikh, M.S. (2022). «My dolzhny otmenit' tot antagonizm, kotoryj sushchestvuet v tundrah mezhdru russkimi, zyryanami i samoedami»: povsednevnost' sovetsoj kooperacii na Tobol'skom Severe v 1920-e gody ["We should annul the antagonism that exists in tundras between Russians, Zyrians and Samoyeds": everyday life of Soviet cooperation in the Tobolsk North in the 1920s]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 24–40 (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_24

References

1. Konev A. YU. *Inorodcheskij diskurs v slovare vlasti i nauki v period revolyutsii i sotsialisticheskikh preobrazovaniy v Sibiri (1917–1930-ye gody)* [Foreigners discourse in the dictionary of power and science during the revolution and socialist transformations in Siberia (1917–1930s)] // *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. 2019. T. 18. Vol 8: Istoriya. pp. 102–111. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO)* [State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO)]. F. P-88. Op. 5. D. 60.
3. Kamenskikh M.S. *Natsional'naya politika v Prikam'ye v 1918–1939 gody: regional'nyy aspekt* [National policy in the Kama region in 1918–1939: a regional aspect]. St. Petersburg: Mamatov, 2019. 224 p. (In Russ.)
4. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 572 p. (In Russ.)
5. Slezkin YU.L. *Arkticheskiye zerkala: Rossiya i malyye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the Small peoples of the North]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 512 p. (In Russ.)
6. Perevalova Ye.V. *Obskiye ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. St. Petersburg: MAE RAN, 2019. 352 p. (In Russ.)
7. *Spisok naselennykh punktov Ural'skoy oblasti. Tom XII. Tobol'skiy okrug* [List of settlements in the Ural region. Volume XII. Tobolsk district]. Sverdlovsk: Izdaniye orgotdela Uraloblispolkoma, Urastatupravleniya i okruzhnykh ispolkomov, 1928. 231 p. (In Russ.)
8. GASO. F. P-88. Op. 5. D. 41.
9. Bakhrushin S.V. *Sibirskiy tuzemtsy pod russkoy vlast'yu do revolyutsii 1917 goda* [Siberian natives under Russian rule before the 1917 revolution] // *Sovetskiy Sever. Pervyy sbornik statey* [Soviet North. First collection of articles]. Moscow: Narkomnats, 1929. pp. 66–98. (In Russ.)
10. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skiy sever: obshchiy obzor strany, yeye yestestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatelnosti naseleniya* [Tobolsk North: a general overview of the country, its natural wealth and industrial activity of the population]. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1904. 78 p. (In Russ.)
11. *Ural'skaya ekspeditsiya na Obdorskoy Severe: Pripolyarnaya perepis', 1926–1927 gg.* [Ural Expedition in the Obdorsk North: Circumpolar Census, 1926–1927]. – Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2013. 258 p. (In Russ.)
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R. 3977. Op. 1. D. 41.
13. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 314.
14. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 364.
15. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 321.
16. *Rezolyutsiya oblastnogo soveshchaniya partrabotnikov natsmen (15–18 maya 1927 g.)* [Resolution of the regional meeting of party workers of the national peoples (May 15–18, 1927)]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo oblispolkoma, 1927. 25 p. (In Russ.)
17. Kamenskikh M.S. *Pervyy natsional'nyy: komi-permyaki v natsional'noy politike Rossii v XX – nachale XXI veka* [First national: Komi-Permyaks in the national policy of Russia in the 20th – early 21st centuries]. St. Petersburg: Mamatov, 2019. 312 p. (In Russ.)
18. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 9.
19. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 99.
20. Smidovich P.G. *Na chetvertom godu* [In the fourth year] // *Sovetskiy Sever. Pervyy sbornik statey* [First collection of articles]. Moscow: Narkomnats, 1929. pp. 258–273. (In Russ.)
21. GASO. F. R-88. Op. 5. D. 57.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022

Одобрена после рецензирования 17.08.2022

Принята к публикации 26.08.2022

Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в.)

Ю. Н. Красникова

В статье на основе архивных источников рассмотрена повседневная жизнь волостного писаря первой половины XIX в. в удельной деревне. Она, так или иначе, была связана с получением навыков, необходимых для замещения должности; выполнением служебных обязанностей; выстраиванием отношений с вышестоящими должностными лицами удельного ведомства и органами местного самоуправления. Работа волостным писарем отличалась от службы городских сословий, особенно для крестьянства, которое еще находилось в крепостной зависимости. Крестьяне становились писарями вопреки своей воле, в соответствии с нормативной закреплённой системой отбора сначала местными органами самоуправления, потом региональными и утверждались в Департаменте уделов. Ведомство в первой половине XIX в. столкнулось с острой нехваткой кадров для замещения должности писаря, поэтому искало различные варианты для решения этого вопроса и выстраивания долгосрочной стратегии. Ведь от грамотной и быстрой работы делопроизводителя зависела эффективность документооборота. В статье также рассмотрена роль и влияние писарей на сельское общество.

Ключевые слова: Департамент уделов, Российская империя, первая половина XIX в., удельные крестьяне, волостной писарь, местные органы крестьянского самоуправления.

Для цитирования: Красникова Ю.Н. Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в.) // История повседневности. 2022. № 3. С. 41–62. DOI 10.35231/25422375_2022_3_41

Часто писарь или делопроизводитель воспринимается как чисто технический работник, выполняющий второстепенную роль. Ведь он не принимал управленческих решений, его задачей было ведение делопроизводственных бумаг, составление отчетов, фиксация сбора податей и другая повседневная рутинная работа. Но при этом эффективность управления оценивается, в том числе, и состоянием документооборота. Документация является источником и результатом управленческой деятельности. Найти хорошего писца, особенно в низовые управленческие структуры было достаточно сложно. Если делопроизводитель в центральных и региональных учреждениях Российской империи имел классный чин, причислялся к государственной гражданской службе, что закрепляло определённую престижность профессии и давал шанс продвижения по служебной лестнице, то волостной писарь в органах местного самоуправления преимущественно набирался из крестьян. При этом, в изучаемый нами период, за ним сохранялось юридическое закрепление в крепостном состоянии, что отражалось в более низком жаловании, невозможности не только сменить место службы, но и ее оставить. С другой стороны, писарь обладал уникальными для неграмотной деревни способностями и являлся практически творцом официальной делопроизводственной документации. За его внимание в деревне боролись как выборные головы, так и представители официальных органов власти. Влияние писаря было огромным, что признавали сами чиновниками.

В историографии роль писаря в сельском обществе стала объектом исследования не так давно и в основном освещается на материалах пореформенной деревни [1]. О повседневной работе писаря в дореформенный период специальных работ практически нет. А ведь она имела свои особенности. В частности, работа волостным писарем, для крестьян носила больше принудительный характер в силу существовавших крепостнических отношений. Сложность изучения вопроса определяется также ограниченным характером архивных источников. Так, даже на более высоком уровне управления «в большинстве штатных расписаний содержатся сведения лишь об окладах классных чиновников (не ниже XII класса). Сведения о величине душевых окладов мелких чиновников

и низших служителей в них отсутствуют, а сообщается лишь общая сумма расходов на канцелярские расходы и жалованье этим работникам, которое распределялось по усмотрению начальников учреждений» [2, с. 22]. Установить должностные оклады писарей волостных органов самоуправления еще сложнее. Они содержались за счет крестьянского мира. Сумма оклада определялась мировым приговором, соответственно была различной.

Одними из первых, кто всерьез обратил внимание на фигуру волостного писаря, были А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова. Именно ими был поставлен вопрос о роли писаря в жизни сибирской деревни. Авторы проследили динамику развития института волостных писарей с середины XVIII в. и отметили, что включение этой должности в состав волостной администрации имело существенное значение в регламентации деятельности крестьянского самоуправления [3, с. 287]. Важность должности волостных писарей для органов местного самоуправления подтверждается тем фактом, что еще со второй четверти XIX в. предпринимались попытки реализовать проекты подготовки должностных лиц из крестьянского сословия. Такой проект был реализован в государственной деревне, но встретил сопротивление сельского общества. «Власти изыскивали различные способы обучения детей, а крестьяне, в свою очередь придумывали причины для отказа от обучения. Власти обустроивали учебные заведения, беспокоились о месте проживания учеников, а крестьяне отправляли учиться больных и необучаемых детей. Власти требовали выделения средств на содержание детей, а крестьяне жаловались во все инстанции о своей финансовой несостоятельности, нищете и всяческими способами оттягивали решение простых вопросов на неопределенное время» [4, с. 151]. Однако большого успеха в дореформенный период, по мнению автора, они не принесли.

Писари в удельной деревне также не становились объектом самостоятельного исследования. Ценным источником информации стало юбилейное издание Департамента уделов, выпущенное к столетию ведомства. Несмотря на некоторое тенденциозное рассмотрение успехов коронного управления, разделы по организации управления удельным хозяйством

авторами написаны довольно подробно, в том числе рассмотрены и выборные органы власти местного самоуправления [5, с. 21–25]. Есть сведения общего характера в работах, посвященных удельному управлению в целом. Рассматривая органы местного самоуправления в удельной деревне, авторы концентрируют свое внимание на должности приказного головы, упоминая о писарях, но не раскрывая их роли в сельской общине [6; 7]. Н.В. Дунаева делает интересный вывод, о том, что «внутренняя организация ведомства, его кадровый состав, наличие рациональной стратегии управления и проч. (субъективный фактор в управлении) играли весьма существенную роль в негласном «соревновании» коронных ведомств» [7]. Перед Департаментом уделов стояла не просто задача организовать эффективную систему управления удельным имуществом, оно должно было стать образцом для других ведомств. Найти хорошего делопроизводителя было проблемой для многих низовых структур Российской империи первой половины XIX в. Требовалось найти эффективную стратегию для решения кадрового вопроса.

Статья написана на основании архивных источников, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Объединенном государственном архиве Оренбургской области. Нами были использованы делопроизводственные документы, материалы ревизий, отчеты Департамента уделов, проекты должностных лиц. Многие документы впервые вводятся в научный оборот. Источниками для написания статьи явились также нормативно-правовые акты как общегосударственного, так и локального характера.

Методологические приемы современной науки позволили выявить «узкие места» в предмете исследования, малоизученные аспекты темы. Так, структурно-функциональный подход позволил оценить всю систему управления в целом и выделить отдельные ее элементы. Проблема рекрутирования писарей из сельского населения существовала не только в удельном ведомстве, поэтому разработанная Департаментом практика подготовки писарей, показавшая хорошие результаты, была реализована и в государственной деревне. В работе использован методологический подход, сочетающий в себе приемы, характерные для истории повседневности

(прежде всего, метод исторической реконструкции), теории социокультурной динамики.

В 1797 г. было образовано удельное хозяйство под контролем вновь созданного государственного учреждения Департамента уделов. Для реализации административно-хозяйственных функций в отношении полученного имущества и крестьян требовалась отлаженная и эффективная система управления. В изучаемый нами период администрирование удельного хозяйства осуществлялось на трех уровнях, сохраняя строгую иерархию властных полномочий. Департамент уделов, возглавляемый министром, представлял центральную власть. Его основные полномочия заключались в стратегическом планировании и развитии удельного хозяйства. Все мероприятия прорабатывались и реализовывались исключительно с Высочайшего одобрения. Следующий уровень был представлен региональными органами управления – удельными экспедициями, которые после реформы 1808 г. были переименованы в удельные конторы. Они решали довольно широкий круг вопросов, находившихся в их подведомственности. Работа региональных органов власти заключалась в ежедневном рутинном решении повседневных вопросов во взаимодействии с крестьянским самоуправлением. Последней ступенью системы управления удельными имениями по закону 1797 г. были сельские удельные приказы, которые являлись важным институтом крестьянского самоуправления. Состав сельских приказов формировался на выборной основе в отличие от других уровней управления [5, с. 21–25].

Во всех структурных подразделениях в штатном расписании была предусмотрена должность писаря. В условиях повышения значимости делопроизводства и оборота бумаг роль письмоводителя становилась действительно незаменимой и востребованной [8]. Интересно, что писцом в Департаменте уделов начинал свою служебную карьеру (с 1830–1831 гг.) Николай Васильевич Гоголь. Он поступил туда на свободную вакансию по рекомендации начальника 2 отделения Департамента уделов, закончив гимназию высших наук князя А.А. Безбородко. Начал он свою карьеру в 14 классе Табели о рангах с жалованием 600 р. в год. Гоголь был рад, что оставил службу в Департаменте уделов. Он с неудовольствием вспоминал в письме

к матери о «мучительном сидении по утрам» в Департаменте; самая служба казалась ему слишком «ничтожной» и «извлек из службы в этом учреждении только разве ту пользу, что научился шивать бумагу» [9]. Возможно, кто-то из его героев написан с чиновника канцелярии Департамента уделов.

Но если в центральном аппарате управления проблем с поиском писаря не было, то на низовых уровнях управления обеспечить все вакантные должности было проблематично. При организации органов местного самоуправления в удельной деревне законодатель исходил из вопросов экономии средств и удешевления управления. Было принято решение формировать органы власти в деревне только из крестьян путем избрания представителей самой общиной. В 1797 г. приказное управление состояло из приказного выборного или головы, казенного и приказного старост и писаря. Кроме того, в каждой деревне полагался один сельский или деревенский выборный, а при церквях – ктиторы. Все местные власти были избираемы, при этом подразумевалось, что крестьянин продолжит смотреть за своим хозяйством. Поэтому закон допускал один или два раза в неделю выборным отлучаться домой, но с обязательством являться в приказ по первому требованию. В связи с этим жалование для них было определено небольшое. Должностные лица за свою службу получали денежное жалование – головы по 20 руб., старосты и писари – по 15 руб., сельские выборные – по 10 руб. асс. в год [5, с. 438]. Кроме того, все выборные должности, кроме десятских, освобождались от всех натуральных повинностей, но не от уплаты казенных податей и удельных сборов.

В теории система местного самоуправления в удельной деревне выглядела очень стройно. На практике при ее реализации Департамент уделов встретил ряд препятствий. Большой неожиданностью стало понимание, что в крестьянской среде редко встречались грамотные и найти подходящую кандидатуру на замещение должности писаря довольно сложно. Те, кто имел в первой половине XIX в. право законодательной инициативы при подготовке проекта исходили из своего жизненного опыта, часто дворянского воспитания, где обучение занимало часть их повседневности. Но крестьянская община жила по своим внутренним законам, которые существенно

отличались от представлений городских сословий. Грамотность не являлась приоритетной...

Сразу стало понятно, что придется приглашать на должность писарей посторонних людей из свободных сословий. В свою очередь в Учреждении в параграфе 179 четко говорилось, что «приказных, выборных старост и писарей выбирать из всех сел и деревень к тому приказу приписанных», т. е. нельзя было приглашать на замещение выборных должностей лиц не из удельных крестьян [10, с. 562]. При этом все делопроизводство по приказам лежало на плечах писаря, который «будучи взят с поля и следственно несведущ в обрядах и пути, часто причиняет замешательство и промедление в исполнении предписаний установленных над ним начальств» [11, л. 88–109 об.].

Удельные экспедиции оказались в правовой ловушке разрешить которую мог только законодатель. Уже в 1798 г. в Департамент уделов поступило ряд ходатайств из экспедиций разъяснить как поступать в таких случаях. Департамент уделов подготовил на Высочайшее имя докладную записку, в которой просил разрешить нанимать «вольных людей в приказные писари по договору с крестьянскими общинами» на условиях службы не менее 3 лет [5, с. 438]. Только если в результате работы выяснялось, что писарь не может выполнять свои должностные обязанности, его увольняли. Ситуация была безвыходная, работа экспедиции и приказов тормозилась, поэтому предложение министра Департамента уделов получило утверждение, именной указ вступил в силу. При этом жалование наемного писаря варьировалось до 150 р. и более [11, л. 88–109 об.], т. е. в 10 раз больше, чем было заложено первоначально.

Писарь должен был знать особенности ведомственного делопроизводства. Вопрос поднимался на обсуждение в Государственном совете в 1801 г. в период активных преобразований государственных учреждений. Среди которых были и планы по ликвидации Департамента уделов, который по мнению членов Совета дублировал функции уже существовавших в Российской империи учреждений. По мнению членов Государственного Совета «поселяне по незнанию своему избирают в писари людей неопытных в приказном порядке, а от сего самого затрудняются экспедиции в скором доставле-

нии Департаменту нужных сведений и распоряжения оного прежде приводятся в надлежащее действие как по многократном повторении приказам» [11, л. 88–109 об.]. Предлагалось заменить писарей в приказах не выборными от сельского общества, а государственными служащими, «дабы можно было со всей строгостью взыскать на них всякое упущение». Кадры предлагалось рекрутировать в экспедициях их своих канцелярских служителей или из свободных чиновников, ищущих вакантное место. При этом предлагалось существенное повышение жалования до 200 р. в год [11, л. 88–109 об.]. Предложение членов Государственного Совета не получило поддержки императора, Департамент уделов пытался найти другие пути решения проблемы по заполнению вакансий писца в сельских приказах. Сразу отметим, что предложение членов Государственного Совета оказалось практичным и позже все-таки было реализовано в удельном ведомстве.

Удельным властям пришлось признать, что «сельское управление оказалось не столько близким к населению, не столь однородным по составу, не столь дешевым, как предполагалось». Исправить ситуацию, по мнению чиновников, могла бы система подготовки писарей, через практику менторства или наставничества. Более квалифицированного писаря из экспедиции направляли бы в приказы для передачи опыта выборным письмоводителям. Такой подход, по мнению чиновников, должен был в том числе писарей «удерживать от злоупотреблений» [5, с. 443]. Единственный нюанс, на это требовалось, по самым приблизительным подсчетам выделение дополнительно 800 р. в год. Это не соотносилось с принципами удешевления содержания приказных органов власти. Департамент отверг это предложение, ответив, что «таким средством не можно заменить ни просвещения сельских старшин, ни искусства писарей» [5, с. 443]. Но решать проблему было необходимо. Департамент уделов в 1804 г. распорядился прислать из каждого приказа по одному грамотному крестьянину, который мог бы пройти обучение при экспедиции «порядку приказного делопроизводства». Также по три крестьянских мальчика, которых направляли для обучения в уездное народное училище. Их содержание ложилось на плечи крестьянского мира. По окончании изучения курса грамотности

и предварительно пройдя стажировку в экспедиции по особенностям порядка делопроизводства в удельном ведомстве, эти крестьяне назначались бы в приказные писари [5, с. 443]. Сразу скажем, что это предложение не окажет существенного влияния на заполнение вакансий писаря из крестьян. Во-первых, качество образования в приказных и уездных училищах, особенно на периферии было недостаточным для получения нужных навыков. Во-вторых, в деревне никогда руки не лишние, поэтому крестьянство сопротивлялось к отправлению своих детей на обучение. В-третьих, в некоторых приказах вообще не смогли найти и представить таких мальчиков, поэтому никого не отправили.

Дефицит людей, умеющих писать и вести правильно документацию, привел и к еще одной интересной особенности при организации удельных приказов: чтобы стимулировать способных крестьян учиться и потом занимать должность писаря, им предоставлялись дополнительные более широкие льготы, чем другим выборным из крестьян. Так, в 1804 г. Архангельская экспедиция обратилась с ходатайством в Департамент уделов об освобождении от рекрутской очереди семейств писарей на время службы. Интересно, что Департамент в виду того, что такая льгота для писарей могла сделать «рекрутскую повинность более обременительной для остальных крестьян», попросило заручиться письменным согласием на такую льготу «всего мира». В следующем году экспедиция представила такие мирские приговоры, лишь один приказ отказался [5, с. 440]. Эта практика была распространена и на другие экспедиции. Несмотря на все предпринятые попытки по свидетельству удельных экспедиций подобрать подходящего писаря как внутри общины, так и со стороны было все также трудно. Для справедливости отметим, что также сложно было найти желающих замещать выборные должности в приказах, крестьяне уклонялись от этих обязанностей несмотря на привилегии и льготы. Так, до Департамента доходили слухи, что избранные в головы крестьяне нередко под разными предлогами уклонялись от этой должности. Все такие случаи были поставлены под контроль удельных властей [5, с. 453].

В первое десятилетие существования Департамента уделов уже сформировались острые запросы в системе управле-

ния удельным хозяйством, которые требовали решения. Они нашли отражение в принятом в 1808 г. Положении по Департаменту уделов, которое перестраивало территориально-административную систему управления в удельной деревне и просуществовало вплоть до реформы отмены крепостного права. Это же Положение существенно изменило подход к рекрутингу должностных лиц, в том числе и писарей в сельские приказы. По Положению 1808 г. состав приказного управления не изменился, но механизмы избрания претерпели корректировки. Так, избранный голова утверждался Департаментом уделов после выборов не на три года, а бессрочно. Старосты, или теперь заседатели, избирались также на три года, а вот приказные писари перестали быть выборными, они назначались управляющими конторами и при этом не обязательно из крестьян, но и из лиц других сословий. Всем приказным властям были определены пределы полномочий [12, с. 239–240]. Необходимость к этому сложилась на основании свидетельств местных властей о том, что «нельзя не видеть, что черты собственного самоуправления в значимой мере затерялись в новом порядке, делавшим приказных старшин похожими более на чиновников, нежели на выборных. Приказной писарь, назначаемый управляющими, поставленный вне всякой зависимости от крестьянского общества и приказной старшина, окончательно обратившийся в чиновника» [5, с. 448]. Проблема размытых компетенций, и как следствие, злоупотребления должностными полномочиями со стороны, в том числе и писаря, отмечалось еще членами Государственного совета в 1801 г.: «Для взаимного равновесия необходимо, чтобы писмоводитель не зависел совершенно от должностных поселян, как и они от него, чтобы имался он единственно в успешном обрабатывании и хранении в порядке счетов и прочих письменных дел, не мешаясь в сборы или другие мирские отношения и связи... Так нужно определить пределы влияния делопроизводителя, иначе по опытности в судоведении подчинит он себе весь приказ, что может привести к злоупотреблениям» [11, л. 88–109 об.].

Итак, согласно Положению 1808 г. увеличивалось жалование и расширялись привилегии для выборных властей.

Министр Департамента уделов аргументировал это тем, что «сколько для приведения их в приличное уважение от крестьян и от лиц посторонних, столько и для поощрения их самих к добропорядочному поведению и ревности в исполнении их обязанностей» [5, с. 446]. Так, приказные писари из свободных сословий теперь становились единственными в структуре должностных лиц местного самоуправления кто числились в штате Департамента уделов, являясь таким образом чиновниками государственной гражданской службы, что существенно повышало их статус и должно было способствовать в более успешном поиске желающих работать в этой должности. Соответственно все перемещения по должности происходили только по решению вышестоящих органов власти, а никак не крестьянской общины. Так, в 1809 г. Оренбургская удельная контора предписывала приказу, принявшему самостоятельное решение об увольнении с должности писаря Галактионова, «объявить им чтобы они впредь сего не чинили без позволения конторы, в противном случае строго будут за сие наказаны, а меж тем донесли бы в контору кто на оное место ими найден и именующие у него аттестаты доставили бы в контору» [13, л. 2].

Жалование писарю также было увеличено до 200 р. в год. По сравнению, жалование голове по Положению было определено в 250 р. Но оговаривалось, что такое содержание положено только для лиц, не состоящих в крестьянском звании, если же управляющий находил в приказе способного удельного крестьянина к исполнению должности писаря, то размер жалования составлял 120 р. [5, с. 447]. Управляющие контор стали обращать внимание, что теперь из-за неодинакового жалования писарям из свободных сословий и крестьян существовала неравномерность в мирских сборах по отдельным приказам, ведь жалование разнилось почти в два раза. С 1810 г. была осуществлена попытка ввести общий уравнительный сбор. Но как оказалось это было неудобно и создавало препятствия для закрытия вакансий писаря в деревне. В 1818 г. вернулись к старой системе, когда сбор с крестьян денег на содержание выборных органов самоуправления уравнивалось только в рамках удельной конторы [5, с. 457]. Интересно, что содержание писаря,

несмотря на то, что предлагалось его отнести к штатным чиновникам ведомства, все равно ложилось на плечи сельского общества.

Делопроизводитель выполнял большой объем работы в приказе. В начале 1830-х по свидетельству чиновников удельного ведомства каждая контора ежегодно получала от 10–20 тыс. бумаг, а приказы – от 1000 до 1200. Кроме того, на одного писца и его помощника ложилась обязанность вести 11 журналов по делопроизводству и по отчетности в приказе [14, л. 112–131]. Обилие переписки и бумажного делопроизводства в приказах привело к тому, что писарю в приказы стали нанимать помощников, хотя такая должность первоначально не предполагалась штатным расписанием.

Со второй четверти XIX в. существенно изменился подход к решению кадрового вопроса в отношении делопроизводителей. В 1828 г. в удельном имении были организованы сельские училища. Целью их организации стала как раз подготовка писарей для удельных контор и приказов. Рекрутирование писарей из крестьян удешевляло управление и снижало денежную нагрузку на крестьянскую общину. Кроме того, системная и ведомственная подготовка писарей позволяла обеспечить стабильность по закрытию все еще имеющих вакансии.

Организация сельских училищ проходила в два этапа. Первый этап, с 1828 г., заключался в подготовке учителей для сельских училищ. Второй этап подразумевал организацию непосредственно самих училищ для подготовки писарей. С целью подготовки учителей в 1828 г. были открыты два специальных учебных заведения «под наименованием Главных». Первое было открыто недалеко от Москвы на 50 учебных мест, второе в Красном селе, рассчитанное на 30 мест. Главные училища находились в подчинении Департамента уделов и под надзором соответствующих удельных контор [15, л. 145–151]. Согласно уставу, выпускники, с утверждения вице-президента, определялись в должности сельских учителей своих приказов, а неспособные к преподавательской деятельности – в приказные писари. Финансирование главных удельных училищ производилось на начальном этапе из штрафных сумм. Начиная с 1833 г. средства выделялись из удельного бюджета, так на Московское училище было выделено 25 500 р., а на Красно-

сельское – 20 500 р. асс. Сумма была фиксированной и ежегодной и во второй четверти XIX в. не менялась [16, л. 180].

Непосредственное управление училищем поручалось учителю, его помощнику и надзирателю, которые назначались в свои должности вице-президентом Департамента уделов. Контроль за деятельностью училищ закреплялся за удельными конторами, которые должны были проверять приходные и расходные книги, составлять ежегодные отчеты вице-президенту об учебной, нравственной и хозяйственной сторонах деятельности училища. Вице-президент отчитывался уже перед министром и императором.

Согласно уставу Главного удельного училища, принятому в 1828 г. при отборе будущих воспитанников, существовал целый ряд предпочтений: гендерные, возрастные, физические и нравственные. В ученики набирались исключительно мальчики в возрасте от 14–16 лет, имеющие здоровое телосложение и прививки от оспы. Особо отмечалось, что будущие учителя или писари должны были быть «хорошей нравственности» и желательно, чтобы умели «немного писать и читать», но если таких не было, то можно было брать и неграмотных. Система отбора в училища для претендентов была многоступенчатой, сначала их отбирали местные удельные власти, старшины и крестьяне, а потом «отсев» делался на уровне региональных властей, и наконец претенденты утверждались в новом звании уже в Петербурге или в Москве, после беседы с руководством. В уставе особо отмечалась ответственность местных удельных властей за отбор претендентов в Главные училища. Оценивать умственные возможности должно было местное начальство «через разговоры». И если в результате обучения крестьянин оказывался «тупого понятия», то отправлялся домой за счет конторы «по выбору коих прислан». А вот ответственность за нравственность будущего ученика устанавливалась за старшинами и крестьянами, и в случае недолжного поведения крестьянин отправлялся к месту уже за их счет. Материальное наказание должно было стимулировать начальство к тщательному отбору будущих учителей.

Общее количество учеников от каждой удельной конторы определял Департамент уделов. Такая сложная система отбора должна была рекрутировать из удельной среды способных

крестьян. Главной целью обучения являлось удовлетворение внутренних нужд удельного ведомства, но не готовность оказывать помощь одаренным крестьянам. Так, мать удельного крестьянина Ефима Федорова, закончившего в 1833 г. полный курс Московского главного училища, попросила Высочайшего разрешения исключить ее одаренного сына из удельного ведомства для продолжения обучения в Московской гимназии и потом в Московском университете. На просьбу последовал отказ императора, «ибо сие противно постановлениям удельного департамента, о чем и объявить просительнице с запрещением и впредь утруждать не основательными просьбами» [17, л. 16–17]. Интересно, что, несмотря на достаточно жесткую формулировку Высочайшего отказа, в итоге этого мальчика выпустили в мещанство, т.к. мама его, удельная крестьянка Авдотья Кравцова оказалась бывшей кормилицей Его императорского величества наследника Александра Николаевича, который ходатайствовал за нее. Выпустили на общих правилах, но «не в пример другим» [17, л. 18].

Главное училище лишь частично закрывало вакансии писарей в приказах, основная подготовка велась в сельских училищах, организация которых была предусмотрена еще параграфом 194 Учреждения об императорской фамилии [10, с. 565]. Первоначальная цель организации училищ была в повышении общего уровня грамотности среди удельных крестьян, что, по мнению Департамента уделов, защитило бы крестьян от излишней доверчивости, которой пользовались «злонамеренные люди», а знание догматов Православной веры способствовало бы сокращению в среде удельных крестьян «раскольнических ересей» и «распространения необходимых для каждого христианина понятий о вере и некоторых первоначальных между крестьянами сведений» [15, л. 133–133 об.]. Но при организации училищ во второй четверти XIX в. к прежним целям добавилась дополнительная – способные выпускники сельских училищ могли пополнить вакансии писарей для удельных контор и приказов, которых катастрофически не хватало [15, л. 145–151].

Сельские училища учреждались при каждом приказном доме недалеко от приходской церкви. Набирались мальчики от 8 до 12 лет. При этом для ребят до 14 лет процесс обучения

был непрерывным, а с 14 лет приостанавливался с началом полевых работ до их окончания. В целом на протяжении первой половины XIX в. возраст начала службы имел тенденцию к увеличению. «Если в 1808 г. нередким явлением были 11-, 12-летние копиисты, то во второй четверти столетия законодательство ограничило возраст начала службы четырнадцатью годами, а начало действительной службы – шестнадцатью» [18, с. 92].

Количество учеников определялось управляющим удельной конторой. Руководителем школы и ответственным лицом назначался учитель и приказной голова. Набор в школу осуществлялся приказным головой и приходским священником, так как в законе четко говорилось, что одной из целей организации училища «распространение необходимых для каждого христианина понятий о вере». Семья учащегося должна была снабдить мальчика армяком, кушаком, шляпой и сапогами, дополнительно – зимним тулупом и шапкой. Сирот отправляли за мирской счет. Программа обучения включала в себя чтение церковных книг, гражданской печати и рукописей; чтение закона Божьего по краткому Катехизису; чистописание; 4 первых действия в арифметике. Для селений, где числилось более 800 душ организовывали дополнительный уровень обучения, где уже изучали пространный Катехизис, Священные истории и окончание арифметики. Кроме Закона Божьего все предметы вел учитель [15, л. 145–151].

Время обучения определялось испытаниями, в зависимости от показанных способностей определялся срок нахождения в училище. Обучение было ежедневным, кроме воскресения и праздничных дней по 5 часов. При этом приоритет в занятиях закреплялся за священником, оставшиеся часы забирал учитель. Все занятия начинались с молитвы, «учитель заставлял одного из учеников читать оную внятно и соблюдая чтобы прочие слушали со вниманием и благоволением» [15, л. 145–151]. Интересно, что некоторые священники отказывались «принять на себя обучение», ссылаясь, кто на плохое здоровье, кто на преклонный возраст [19].

Для учеников была предусмотрена система штрафов и наград. Так, успешные крестьяне получали похвалу в присутствии всех, занимали первые места в классе, их имя заноси-

лось на доску отличников. А вот нерадивые ученики могли получить выговор, выставление имени на штрафной доске и даже стояние на коленях и порку. Способные ребята могли быть направлены в Главное училище. Важно отметить, что обучение сразу проходило по журналам и формам отчетности, которые сложились в Департаменте уделов.

В отличие от главных училищ, которые содержались за счет Департамента уделов, финансирование сельских училищ полностью ложилось на плечи крестьянского мира. При этом крестьянам предлагалось заключить мирские приговоры для утверждения смет на содержание сельских училищ.

Организация сельских училищ для обучения крестьянских детей грамоте и основам делопроизводства, тем самым подготовка писмоводителей под нужды конкретного учреждения дала свои позитивные результаты. В 1838 г. в удельных приказах было открыто 7 училищ, «кроме того для замещения писарских должностей обучаются грамоте у каждого приказного писаря по три крестьянских мальчика, всего по числу приказов (195) – 585 человек» [20, л. 26–70]. В 1841 г. школы были открыты почти при каждом сельском приказе, количество крестьянских детей, обучающихся грамоте составляло уже 6 312 человек, «сверх того учатся грамоте у писарей сельских приказов – 602» [21, л. 11–63]. Даже если не все крестьяне были после обучения способны закрывать должности писарей в приказах, все же организация системного обучения и подготовка писарей для низовых органов власти в удельной деревне имело нужный результат. Все больше вакантных должностей в удельной деревне замещались удельными крестьянами. Поэтому пришла идея этот опыт мультиплицировать и на подготовку писарей для волостного правления на других сельских территориях Российской империи. Так, с начала 30-х гг. XIX столетия в государственной деревне ведомством государственных имуществ стали создаваться учебные заведения, в них «обучали детей грамоте и готовили писарей и счетных работников для учреждений, которые управляли крестьянами» [4, с. 149]. Их содержание производилось, как и в уделах, за счет частных земских повинностей казенных поселян. Да и устав этих образовательных учреждений копировал уже принятый устав сельских училищ в удельной деревне.

Некоторые исследователи считают, что необходимость обучения способствовала повышению брачного возраста среди писарей. Кроме того, существовали определённые ограничения: «запрещается лицам, состоящим в службе как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальств, удостоверенного письменным свидетельством» [18, с. 94].

Что же касается организации быта писаря, то сельские приказы «занимали развалившиеся от ветхости лачужки, где писарь, все его семейство, домашний мелкий скот и птица помещались вместе с Волостной канцелярией; книги, выданные из казенной палаты, оставались неписанными; указы Палаты валялись вместе с одеждой Писаря по лавкам; – тут никакой справки, отчетности нельзя было найти» [14, л. 112–131]. Конечно, не все писари жили так бедно. Нами был выявлен документ описи имущества приказного писаря 1840 г. Оренбургской удельной конторы, который был составлен после его смерти. Итак, чем же владел приказной писарь: икона; шкатулки; деньги «в современном алом бумажнике» 330 р. асс.; в двух «бисерновых кошельках» – 37 р. 15 к. серебром; медаль за 1812 г.; три перочинных ножика; «чугунный перстень»; духи и один пузырек с лекарствами; сундук; оружие; шуба волчья с сукном, стоимостью 80 р.; лошадь жеребец заводской породы (150 р.); лошадь (70 р.). Кроме того, были обнаружены долговые расписки: коллежскому регистратору – 19 р. 25 к. в долг; крестьянину – 42,50, титулярному советнику 668 р. и др. Общая сумма оцененного имущества составила по мнению чиновников 1 349 р. 62 к., хотя выручили они после продажи этого имущества большую сумму – 1742 р. 11 к. серебром [22, л. 8–12].

Письмоводство осложнялось и рядом технических обстоятельств. Низкая освещенность помещений, плохое качество бумаги также сказывались на результате. «Документы писались исключительно от руки гусиными перьями, требовавшими частой заточки и замены и не позволявшими быстро писать...Текст каждого документа приходилось писать по меньшей мере дважды: в виде черновика и беловика» [23, с. 58–59].

Многие считали волостного писаря наделённым большими полномочиями и имеющим влияние на представителей исполнительной власти, что соответствовало действительности. Так, государственные крестьяне при передаче в уделы в 1830-е гг. были уверены, что их продали писари, и что у них есть такие полномочия и возможности [24, с. 233]. Делопроизводители часто вели двойную документацию, одну – для проверяющих органов, другую, внутреннюю, для учёта дополнительных сборов с крестьян. Так при расследовании злоупотреблений со стороны органов местного самоуправления в Московском удельном имении следователи особенно хотели заполучить внутренние неофициальные журналы писарей: «нужно будет отправить надежных чиновников во все приказы Московского удельного имения, чтобы опечатать и отобрать не только книги и тетради о мирских сборах и расходах находящиеся в приказных избах, но и частные тетради по сему же предмету принадлежащие приказным писарям, головам и сборщикам податей, как состоящим в должности, так и уволенным от должности... Тетради сии вероятно заключают в себе доказательства о непозволительных сборах, а потому весьма важно захватить документы сии, прежде, нежели могут оные уничтожить» [25, л. 3–4].

У письмоводителя всегда имелся компромат на представителей власти. Причем писарь мог быть связан договоренностями как с головой, так и с представителями губернской или удельной региональной власти, донося на приказных голов. Случаи злоупотреблений среди этих представителей сельского самоуправления встречаются довольно часто. Так, в Симбирской удельной конторе крестьянин Алексеев, награжденный в 1831 г. кафтаном, будучи приказным главой «оказался виновным в разных беспорядках, злоупотреблениях и лихоимствах». Вместе с Алексеевым в тех же преступлениях виновен был и приказной писарь Широков (из ямщиков). Интересно, что наказание было назначено разное, с Алексеева сняли кафтан, а Широкова следовало отправить в рекруты, или, «в случае неспособности, в Сибирь» [14, л. 153]. В той же Симбирской губернии из-под следствия были отпущены удельные крестьяне, которые содержались исправником под стражи по делу об укрывательстве беглого крестьянина. При этом по-

средником в передаче 450 р. исправнику был именно писарь [14, л. 112–131].

Так или иначе в документах неоднократно встречаются свидетельства об активной роли писаря. Он выступал не только как технический исполнитель возложенных на него обязанностей, но и как посредник между властью и общиной, получая свою мзду. Причем, дела по злоупотреблениям приказных голов являлись частным явлением, а вот уголовные дела против писарей практически единичными. И последнее, на что следует обратить внимание, волостные писари из приглашенных сторонних людей чаще сотрудничали с удельными региональными властями, что позволяло последним контролировать изнутри сельское управление. Выборные же из крестьян в рамках крестьянской общинной институциональной и сложившейся круговой поруки, сотрудничали с волостным правлением. Сами же крестьяне тоже предпочитали на должности писаря иметь «своего». Так, крестьяне Гжельского удельного приказа Московской удельной конторы просили земского письмоводителя, так как «терпят утеснения и оскорбления, а они смогут выбрать достойнейшего из крестьян, а вместо писаря сможет заступит его помощник, избранный крестьянами» [25, л. 37–37 об.].

Итак, волостной писарь играл значимую роль в удельной деревне. Его способности к ведению документации, умению составить деловое письмо и вести журналы отчетности были незаменимы. От быстрой и качественной работы зависела эффективность управленческого действия. Департамент уделов желавший с одной стороны удешевить содержание аппарата органов местного самоуправления, с другой – столкнувшись с трудностями с замещением вакантных должностей все первое десятилетие XIX в. искал механизмы поиска компромиссного решения. Итогом такой политики стало изменение системы рекрутинга на писарские должности путем подготовки кадров специально для замещения должностей в Департаменте уделов, а также расширение привилегий и льгот, что должно было сделать службу волостным писарем более желанной. Важным шагом стало и приравнивание службы волостного писаря к государственной гражданской, но только для лиц свободных сословий. Для удельных крестьян, находившихся

в юридической зависимости, служба писарем зачастую была обязанностью, а не их желанием. Даже уровень содержания волостного писаря существенно разнился: у писарей из крестьян он был в два раза ниже, чем у наемного делопроизводителя из свободных сословий. Крестьяне сопротивлялись отправлению своих детей для обучения в специально созданные учебные заведения. Волостной писарь, в отличие от делопроизводителей удельных контор и канцелярии Департамента уделов не получал государственное жалование, а содержался за счет мира. При этом, писарь обладал огромным влиянием внутри крестьянского самоуправления. За верную службу писаря боролись между собой как губернские и удельные власти, так и выборный голова.

Список литературы

1. Резникова М.А. Социальный облик волостного писаря в Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 75–86.
2. Иванов В.А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 20–31.
3. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Волостной писарь: слуга двух господ или хозяин сибирской деревни // Азиатская Россия: люди и структуры империи. – 2005. – С. 282–311.
4. Калинина Е.А. Организация училищ для подготовки волостных писарей в России в первой половине XIX в. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 1 (15). – С. 148–151.
5. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1901–1902. 723 с.
6. Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865. – Смоленск: СГПИ, 1986. – 108 с.
7. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права российской империи (конец 18 – первая половина 19 в.). URL: <https://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/> (дата обращения: 24.05.2022).
8. Красникова Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 451–469.
9. Документы о службе Гоголя в департаменте уделов. URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/delovye-bumagi/dokumenty-o-službe-v-departamente-udelov.htm> (дата обращения: 20.05.2022).
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собрание 1. 1796–1797. – Т. XXIV. – № 17906. – СПб., 1830.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236.
12. ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. – Т. XXX. – № 23020. – СПб., 1830.
13. Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 168.
14. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45.
15. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36.
16. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40.
17. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 41.

18. Бодрова Ю. Как во новой конторе сидел писарь молодой ... // Родина. – 2008. – № 8. – С. 90-95.

19. Первая школа в селе Паракино – удельное училище. URL: <http://nselo.ru/proekty/dom-traditsiy/istoriya-sela-parakino/shkola/?ysclid=l66jlkuy6w729856543> (дата обращения: 28.07.2022).

20. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47.

21. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50.

22. ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 165.

23. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб.: Искусство-СПб, 2007. 461 с.

24. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 635 с.

25. РГИА. Ф. 472. Оп. 39 223/2732. Д. 1.

Is it easy to be a volost clerk? (on the example of an appanage village in the first half of the 19th century)

Yuliya N. Krasnikova

The article examines the volost clerk daily life of the first half of the 19th century in an appanage village on the basis of archival sources. Their life, one way or another, was connected with obtaining the skills required to occupy the position; performance of official duties; building relationships with higher officials of the Appanage Department and local self-government. The volost clerk work differed from the service of urban classes, especially for the peasantry, that was still in serfdom. They became clerks against their will in accordance with the normative system of selection, first of all by local self-government, then by regional bodies and eventually were approved in the Appanage Department. The Department in the first half of the 19th century faced an acute shortage of staff to fill the position of clerk, so that's why it was looking for various options to solve this issue and build a long-term strategy. After all, the efficiency of document circulation depended on the competent and fast work of the clerk. The article also considers the role and influence of clerks on rural society.

Key words: Appanage Department, Imperial Russia in the first half of the 19th century, appanage peasants, volost clerk, local self-government of peasants.

For citation: Krasnikova, YU.N. (2022). Legko li byt' volostnym pisarem? (na primere udel'noj derevni pervoj poloviny XIX v) [Is it easy to be a volost clerk? (on the example of an appanage village in the first half of the 19th century)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 41-62 (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_41

References

1. Reznikova M.A. Sotsial'nyi oblik volostnogo pisarya v Tomskoi gubernii (konets XIX–XX vv.) [The social appearance of the volost clerk in the Tomsk province (the end of the XIX–XX centuries)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology]. 2022. T. 21. № 1. pp. 75–86. (In Russ.)
2. Ivanov V.A. Sluzhebnaya prigodnost' ili lichnye simpatii nachal'nika: okladnoe sodержanie sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii v sereдинe XIX v. [Service suitability or personal sympathies of the chief: salary maintenance of employees of local state institutions of Russia in the middle of the XIX century] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2012. № 1. pp. 20–31. (In Russ.)
3. Remnev A.V., Suvorova N.G. Volostnoi pisar': sluga dvukh gospod ili khoz'yain sibirskoi derevni [Volost clerk: a servant of two masters or the owner of a Siberian village] // Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii [Asian Russia: people and structures of the empire]. 2005. pp. 282–311. (In Russ.)
4. Kalinina E.A. Organizatsiya uchilishch dlya podgotovki volostnykh pisarei v Rossii v pervoi polovine XIX v. [Organization of schools for the training of parish clerks in Russia in the first half of the XIX century] // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vector of Science of Togliatti State University]. 2011. № 1 (15). pp. 148–151. (In Russ.)
5. Istoriya udelov za stolietie ikh sushchestvovaniya [The history of the estates for a century of their existence]. 1797–1897. T. 1. SPb.: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1901–1902. 723 p. (In Russ.)
6. Gorlanov L.R. Udel'nye krest'yane Rossii [Appanage peasants of Russia]. 1797–1865. Smolensk: SGPI, 1986. 108 p. (In Russ.)
7. Dunayeva N.V. Udel'nye krest'yane kak sub'ekty prava rossiiskoi imperii (konets 18 – pervaya polovina 19 v.) [Appanage peasants as subjects of Law of the Russian Empire (late 18th – first half of the 19th century)]. URL: <https://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/> (data obrashheniya: 24.05.2022).
8. Krasnikova Yu.N. Evolyutsiya deloproizvodstva v gosudarstvennykh uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka (na primere Departamenta udelov) [The evolution of office work in state institutions of the Russian Empire in the first half of the XIX century (on the example of the Department of estates)] // Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]. 2022. T. 11. № 4. pp. 451–469. (In Russ.)
9. Dokumenty o sluzhbe Gogolya v departamente udelov [Documents on Gogol's service in the Department of the estates]. URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/delovye-bumagi/dokumenty-o-sluzhbe-v-departamente-udelov.htm> (data obrashheniya: 20.05.2022).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ) [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1. 1796–1797. T. XXIV. № 17906. SPb., 1830. (In Russ.)
11. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 1147. Op. 1. D. 236.
12. PSZ. Sobranie 1. 1808–1809. T. XXX. № 23020. SPb., 1830. (In Russ.)
13. Ob'edinenniy gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (OGAOO) [United State Archive of the Orenburg Region]. F. 36. Op. 1. D. 168.
14. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 45.
15. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 36.
16. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 40.
17. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 41.
18. Bodrova Yu. Kak vo novoi kontore sidel pisar' molodoi ... [As a young clerk sat in a new office ...] // Rodina [Homeland]. 2008. № 8. pp. 90–95. (In Russ.)
19. Pervaya shkola v sele Parakino – udel'noe uchilishche [The first school in the village of Parakino – the specific school]. URL: <http://nselo.ru/proekty/dom-traditsiy/istoriya-sela-parakino/shkola/?ysclid=66jly6w729856543>. (data obrashheniya: 28.07.2022).
20. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 47.
21. RGIA. F. 515. Op. 1. D. 50.
22. OGAOO. F. 36. Op. 1. D. 165.
23. Shepelev L.E. Apparat vlasti v Rossii. Epokha Aleksandra I i Nikolaya I [The apparatus of power in Russia. The Era of Alexander I and Nicholas I]. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2007. 461 p. (In Russ.)
24. Druzhinin N.M. Gosudarstvennye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva [State peasants and P. D. Kiselev's reform]. T. 1. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1946. 635 p. (In Russ.)
25. RGIA. F. 472. Op. 39 223/2732. D. 1.

Статья поступила в редакцию 8.07.2022

Одобрена после рецензирования 2.08.2022

Принята к публикации 10.08.2022

Любовь и брак в жизни дворян-мужчин второй половины XIX – начала XX в. (по материалам личного происхождения)

М. С. Трегубова

В статье представлены изменения, произошедшие в любви и браке дворян-мужчин во второй половине XIX – начале XX в. В мужских воспоминаниях многие аспекты частной жизни либо сознательно не упоминались, либо лишь обозначались. На особенность повествования дворян-мемуаристов о любви и семье оказывали влияние как личность и характер автора, так и его служебная деятельность. Во второй половине XIX в. у дворян-мужчин происходили изменения в оценки важности чувств и отношений в браке. В эго-документах мужчины-дворяне, как и их современницы, нередко эмоционально описывали сюжеты, связанные с влюбленностью, сватовством и женитьбой. Вместе с тем, отсутствие упоминания о семейном положении мужчин в других источниках личного происхождения, может указывать на то, что с одной стороны, личная жизнь для мужчин продолжала табуироваться, а с другой, не казалась авторам достойной упоминания. Несмотря на то какое место любовь и брак нашли в эго-документов дворян-мужчин, эти сферы являлись важной частью их жизни, привнося новые тревоги и обязанности.

Ключевые слова: дворяне-мужчины, дворянский брак, любовь, XIX в., повседневность, мемуары.

Для цитирования: Трегубова М.С. Любовь и брак в жизни дворян-мужчин второй половины XIX – начала XX в. (по материалам личного происхождения) // История повседневности. 2022. № 3. С. 63–81. DOI 10.35231/25422375_2022_3_63

В жизни человека есть важнейшие ключевые события: отправным из которых является рождение, повзрослев, человек вступает в брак, заводит семью и живет в ней, а венчает земную жизнь человека его смерть [1, с. 30].

Понятие «любовь» волнует умы людей с незапамятных времен. Культурно-историческая трансформация любви происходила на протяжении многих столетий и была тесным образом связана с представлениями людей разных эпох об обсуждаемом феномене [2, с. 42]. Особенной закрытостью отмечены темы, связанные с любовью, ухаживанием за невестой и женитьбой в мужских воспоминаниях. Тем не менее, в постоянно пополняющемся комплексе опубликованных мемуаров появляются сюжеты, связанные с частной жизнью. Однако эти сюжеты крайне редко становились предметом специального исследования [3, с. 94].

Тема влюбленности, брачных и семейных отношений вызывает интерес как у историков, так и у социологов и психологов. В многочисленных трудах историка, антрополога, основоположника исторической феминологии и гендерной истории Н.Л. Пушкаревой изучены особенности антропологии мужской и женской повседневности, традиционные брачные установки, изменение положения женщины в браке с древнего периода и вплоть до современности, семейный женский быт [4; 5]. Теме эволюции дворянской семьи, брачным практикам, имущественным отношениям супругов и влиянию государственной политики в отношении различных видов брака посвящены работы крупного специалиста В.А. Верременко [6]. В трудах А.В. Беловой анализируются этапы женской повседневности, особенности девичества русских дворянок, раскрыта тема замужества и свадебной обрядности, семейные отношения супругов в браке [7].

В качестве источников по данной теме выступают воспоминания, дневниковые записи и переписка мужских представителей дворянского сословия второй половины XIX – начала XX в.

Цель статьи – показать изменения в представлениях о любви и браке у дворян-мужчин второй половины XIX – начала XX в.

Чувства и эмоции дворян-мужчин в отношении любви и брака не всегда полны деталями, как это обычно бывает у женщин. Уровень мужской эмоциональности во многом зависел от характера личности, воспитания и даже от служебной деятельности.

Девичество – жизненный этап между «детством» и «зрелостью», а фактически, замужеством. У женщин этот период относится к тем этапам жизненного цикла, которые широко представлены в научной литературе применительно к разным социальным общностям и эпохам [7, с. 250].

Жениховство – пребывание в положении жениха. Этот статус был очень важен, так как показывал серьезные намерения мужчины на дальнейший брачный союз. Общественный и государственный деятель Александр Николаевич Наумов (1868–1950), вспоминая, что официально он и его избранница приобрели статус жениха и невесты в 1897 г. на семейном торжестве: «За парадным обеденным столом утопающим в цветах, всем было разлито шампанское и Константин Капитонович официально объявляет нас с Анютой женихом и невестой» [8, с. 275]. Писатель и мемуарист князь Владимир Сергеевич Трубецкой (1892–1938), находясь на службе в Лейб-гвардии Кирасирского Её Величества полка только повествовал, как был вдали от своей невесты, не сообщал детали и особенности своих отношений: «Одновременно чувство мое к невесте все возрастало, переходя прямо в какой-то культ, и каждая более или менее продолжительная разлука с ней переживалась мной бесконечно тягостно» [9, с. 14].

Дворяне имели определённый круг общения и дружественные связи. Поэтому знакомство мужчины с будущей избранницей в большинстве случаев происходило в семьях знакомых, друзей семьи или на совместных мероприятиях. Детали и эмоциональная окраска, говорят о важности данного момента для мужчины. Знакомство известного художника и историка искусства Александра Николаевича Бенуа (1870–1960) с Анной Карловной Кинд (1869–1952), произошло на семейном торжестве: «С той, кому суждено было стать моей подругой жизни, я впервые встретился в 1876 году на бракосочетании моего старшего брата Альбера. Наш роман с Атей Кинд, начавшийся тогда, когда нам было по шестнадцати лет, про-

тянулся на всю жизнь» [10, с. 66]. Встреча А.Н. Наумова с будущей супругой Анной Константиновной Ушковой (1878–1962), произошло в доме общих знакомых семьи Ушковых: «Невольное мое особое внимание привлекла старшая из них – Анна, с годами приобретающее то внешнее очарование. Ни раз я ловил себя на том чувстве особого восхищения и бесконечного преклонения» [8, с. 264].

Художник и художественный критик Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957), свою будущую супругу повстречал в доме своего родного дяди, куда приглашалась Елизавета Осиповна (урожд. Волькенштейн): «У дяди Феди я стал встречать барышню, родственницу одного из его судейских приятелей, одетую со вкусом, молчаливую и застенчивую, с необыкновенно милой улыбкой. Скоро я стал ходить к дяде ради нее. Я чувствовал, что она особенная, не такая, как другие» [11, с. 231]. Генерал от артиллерии, член Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Петр Александрович Башилов (1819–1908), также имел знакомство с будущей избранницей в доме своего товарища по службе: «Приехавши из Твери в Царское село в 1852 году, я застал в семействе у Максимова только что выпущенную из института молоденькую Любовь Ивановну, очень милую и симпатичную девушку, которая мне очень понравилась, и хотя я знал, что родные никакого существенного приданного и денег за не дать не могут, да и у самого ничего нет, но все таки стал призадумываться и решать уже жениться на Любе, так она мне очень приглянулась» [12, л. 237].

Но большая часть мужских воспоминаний часто лишена подробностей о сватовстве, помолвке, а иногда и даже о самом заключении брака. Во многих текстах дворян-мужчин подчеркивалось, что их мемуары не предназначены для описания личной жизни. Мужчины концертировали свое внимание на других аспектах жизни и деятельности.

В первой половине XIX в. сватовство происходило обычно в беседе с родителями. После полученного от родителей предварительного одобрения в залу приглашалась невеста, у которой спрашивали согласна ли она выйти замуж. Заранее объясняться с девушкой считалось нарушением приличий. Частый приезд молодого человека в дом потенциальной невесты на-

кладывал на него обязательства и «отпугивал» других женихов. В момент сговора молодых благословляли иконами. В основном мнение дочерей по поводу их дальнейшей судьбы не принимали во внимание. Однако, были семьи где девушкам дозволяли самим решать за кого выходить замуж [13, с. 76].

Однако, во второй половине XIX в. у дворян-мужчин происходят изменения сознания и поведения, как в отношении своих чувств, так и в самом браке. Помимо своих собственных эмоций и предпочтений, мужчины стали учитывать и чувства женщин. Постепенно нормой становилась ситуация, когда мужчина первоначально просил согласия у своей избранницы, а уже после этого обращался к родителям. Так, граф Николай Николаевич Зубов (1832–1898), сделал предложение своей будущей супруге – графине Алине Васильевне Олсуфьевой (1838–1913) в 1861 г., а уже после написал отцу об их совместном решении сочетаться браком: «Любимый папа! Хотя я тебе еще не писал об семействе А., это потому что я еще не просил Алину у ее матери, но между нами уже все было решено. Нам удалось побеседовать, и мы увидели, что, имеем характер довольно одинаковый, мыслями сходимся, так что мы решили связать наши духовные узы женитьбой. Обнимаю тебя от души и просим твоего благословения» [14, л. 2]. Будущая супруга также высказала свои эмоции о предстоящей свадьбе и писала отцу жениха: «Любезный граф! Я вам пишу, потому что хочу, чтобы Вы слышали от меня, что я счастлива и довольна, что вхожу в семью давно мною любимую. Вы знаете, Вашего сына и поэтому поймете, что я не увлекаюсь, когда думаю, что он вполне достоин моей любви и оправдает мое доверие» [14, л. 5]. Отец жениха Н.Д. Зубов поддержал решение молодых узаконить свои отношения в письме к будущей невестке: «Любезная Алина! Письмо Ваше искренне меня обрадовало. Сознывая моего сына достойным любви, Вы дали мне право уверить Вас, что Николай оправдает вполне Ваше доверие. Чем больше Вы сближаетесь с ним, тем Вы чувствуете его, а в этом и заключается семейное счастье. С радостью приветствую милую невестку» [14, л. 6].

А.Н. Наумов с волнением вспоминал как сделал предложение и получил положительный ответ, и только после этого советовался с отцом: «Мы с Анной Константиновной остались

одни, и тут свершилось то важное и решительное, что для всей моей последующей жизни оказалось величайшим благом. Мы сели рядом, взяли друг друга за руки, и сказали взаимное, искренне и любовное слово – Да! Навеки! В чистых, правдивых глазах Анны, отныне моей дорогой, любимой подруги жизни, я увидел отблеск ее искреннего и беззаветного чувства ко мне и спокойно уверенности в предстоящем нашем взаимном счастье» [8, с. 266].

Не хватало смелости сделать предложение в живую П.А. Башилову, поэтому он изложил все в письме: «Пишу к вам потому, что недостает духу высказать всего что лежит у меня сердце, выразить всю мою любовь, всю привязанность мою к вам. Я давно люблю Вас! Давно ваш образ не покидает меня нигде, не в силах больше бороться с чувствами, я решился открыть мое сердце. Если вы чувствуете хоть малейшее расположение. Если только я достоин любви вашей, то не откажитесь составить мое счастье, оно зависит от вас. Соедините мою судьбу с вашей. Создатель благословил нас и по благости своей пошлет счастье, счастье, которое я всеми силами и своей любовью постараюсь доставить вам. Вы теперь единственное звено, которое притягивает меня к жизни. Осуществите эту мечту, эту надежду, покажите мне счастье и прямо, искренно, чистосердечно скажите: Да! И отдайте вашу руку, очастливите меня» [12, л. 238].

Будучи в статусе жениха, мужчины ухаживали за своими избранницами, это были встречи, прогулки, посещение культурных мероприятий. Роман А.Н. Бенуа начался, когда он и его будущая жена были еще подростками, и ухаживания носили характер коротких встреч и прогулок: «Эта моя влюбленность была иного рода и несравненно более серьезна, я в своем обожании Ати поставил ее на недосыгаемый пьедестал. Она стала для меня святыней! В первые месяцы нашего романа мы оба еще были школьниками, но школы наши находились на разных концах города. Тем не менее и несмотря на дистанцию в несколько верст, мне удавалось к моменту, когда кончались Атины занятия, я подходил к ней и дальнейший путь мы уж проделывали вместе» [10, с. 63]. А вот политический деятель, историк и публицист Павел Николаевич Милуков (1859–1943), в период своего романа был уже достаточно

взрослым человеком и пытался соблюдать правила приличия: «Там мы назначали друг другу свидания, и в ряде встреч рассказали друг другу все свое прошлое, без утайки. Мне было дозволено вместо сквера продолжать наши беседы за чашкой чая на ее квартире. И тут было решено, что нам следует жениться. Однако это решение мы согласились оставить между нами, в глубокой тайне, чтобы дать друг другу возможность проверить свое чувство без постороннего вмешательства. Мы выдержали это испытание вплоть до последнего дня перед свадьбой» [15, с. 106].

А.Н. Наумов вспоминал о прогулках и совместных вечерах: «Вспоминаются наши вечерние свидания на Рождественском балконе при таинственном свете восходящего полумесяца, катания вдоль берега Волги, гулянья по Жигулевским полянам» [8, с. 265]. М.В. Добужинский со своей невестой посещали выставки и концерты: «На эти выставки как уже вошло в обычай, я еще с осени ходил вместе с Лизой. Тогда же мы стали посещать утренние репетиции симфонического оркестра Консерватории. Бывал и у нее – я иногда засиживался, часто слушая ее игру на рояле» [11, с. 135].

Авторитет родителей и влияние родственного круга, формировал определенные предпочтения и устои [7, с. 310]. Уже приняв решение, мужчины все же считали необходимым посоветоваться с родителями и получить одобрение на предстоящий брак. В этом решении кроется прочная связь и эмоциональная привязанность дворян-мужчин с отцами и матерями.

А.Н. Наумов после сделанного предложения своей невесте, пожелал получить одобрение отца: «Отцу я высказал все, и он пожелал познакомиться с Ушковыми, главным образом с Анной. В результате отец со слезами на глазах мен благословил, сказал, что, лучшей я не найду. Он был в курсе наших с ней отношений и дал мне разрешение, сказал, что Анна меня любит и пожелал нам счастья» [8, с. 265].

Поэт, прозаик, критик и литературовед Серебряного века Борис Александрович Садовской (1881–1952), получив согласие со стороны матери будущей супруги, немедленно выехал к своим родителям для дозволения на союз: «Из Москвы я ездил дня на два в Нижний к родителям просить благословения.

И уже 26 октября в Москве состоялась свадьба в присутствии ближайших родных, в церкви Воскресения на Остоженке» [16, с. 120]. Родители историка и филолога Владимира Алексеевича Мошина (1894–1987), в 90-е гг. XIX в. несмотря на взаимные чувства не сразу получили разрешение на брак: «Отец пришел к бабушке, Ольге Петровне просить руки ее дочери, он был достаточно осторожен и упомянул, что девушка дала свое согласие, но бабушка показала ему на дверь и запретила переступать порог их дома, в то время было не прилично просить согласие девушки без одобрения и знания родителей. Дедушка обожал мою мать, но считал ее согласие с молодым человеком недопустимым» [17, л. 7]. Только после решительных действий девушки, которое вынудило отца согласиться с ее выбором, брак смог состояться. Мать девушки была против, так как не считала отца автора хорошим кандидатом в мужья.

Были у мужчин и преграды в разрешении на брак. Иногда родители желали, чтобы сыновья сделали успешную карьеру, а иногда, и чтобы избежали печального брачного опыта. Так, мать В.С. Трубецкого Прасковья Владимировна (1860–1914), настаивала, чтобы сын получил хотя бы низший военный чин, а уже после этого думал о браке: «Жениться же я мог только, сделавшись офицером – на этом настаивала мать. Она часто говаривала мне, чтобы я сделался сначала человеком, встал на ноги, а потом уже женись. Сделаться человеком – означало достичь известного положения в обществе, приобрести в свете известный удельный вес, и в этом отношении военная дорога была наиболее легкой, приятной и скоровыполнимой» [9, с. 16].

Для М.В. Добужинского намерение жениться встретило сопротивление обоих родителей, они считали, что вступить в брак в 24 года слишком рано: «К отцу я поехал со стесненным сердцем. Зная его взгляды на раннюю женитьбу, я предвидел, что будут тяжелые объяснения, даже не хочется вызывать в памяти подробности. В самом подавленном настроении я поехал к матери, где было так же тяжело, она говорила то же самое, что и отец» [11, с. 145]. Скорее всего такая позиция родителей связана была с их собственным разводом, последовавший вскоре после рождения автора, и родители просто пытались уберечь сына от своего неудачного опыта.

Важнейшим событием в жизни любого человека является брак. Две основные и тесно связанные друг с другом цели его – продолжение рода и передача по наследству того дела, которое практиковалось в данном семействе из поколения в поколение [1, с. 33].

«Браком» в русской юридической литературе именуется договор (соглашение, союз) мужчины и женщины, заключаемый в определенной форме и влекущий за собой определенные юридические последствия. В российской социологии брак понимается как социальный институт, основанный на совокупности социальных норм, санкционирующих отношения полов, а также взаимных обязанностей и прав [4, с. 67].

В первой половине XIX столетия в сознании мужчины женитьба – это переход на новый социальный уровень, принятие ответственности за новую семью, обязанность обеспечивать ее. И молодые люди не спешили связывать себя узами брака. Возраст, когда дворяне обычно женились, был около 30 лет – к этому времени мужчина уже достигал некоторых высот по службе, имел жизненный опыт и подходил к женитьбе осознанно [13, с. 77].

Мужчин порой не останавливали и такие преграды как разное социальное положение. До отмены крепостного права случаи совместного проживания между дворянином и крестьянкой были вполне рядовым явлением, правда они редко приводили к браку. Примером служит случай из жизни живописца и графика Льва Михайловича Жемчужникова (1828–1912), который будучи потомственным дворянином, не имея возможности жениться на крепостной девушке, выкрал ее и отправился за границу: «Я бесповоротно решил вырвать бедную Ольгу из омута. Я свободно пробрался до флигеля, близ которого встретил девушку Марью, вполне надежную и хорошую приятельницу Ольги. Переговорив с ней, я попросил ее вызвать Ольгу; она убежала, и скоро Ольга явилась с маленьким узелком; и мы, простясь дружески с Марьей, тотчас отправились к большой дороге» [18, с. 229]. Прожив несколько лет за границей, узнав, что в России отменили крепостничество, автор смог вернуться вместе с семьей.

Писатель Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927), вопреки своему дворянскому происхождению желал женить-

ся на крестьянке, но встретил выправление со стороны матери: «Около этого времени я сошелся с крестьянской девушкой (моя настоящая жена Дарья Николаевна Алексеева) и полюбил ее, но видаться нам приходилось редко, тем более что мать и слышать не хотела о моем намерении жениться. Это было самое проклятое для меня время» [19, с. 115]. И только после смерти матери в 1873 г. и социальных изменений в стране, автор смог узаконить свои отношения.

Основой дворянского брака во второй половине XIX в. всё чаще становились чувства, хотя мнение родителей при этом по-прежнему имело важное значение. Причем, если в середине столетия ключевым фактором были чувства мужчины, то в пореформенный период складывался идеал брака по взаимной любви [20, с. 8].

Дворянская семья в процессе своей эволюции во второй половине XIX – начале XX вв. прошла несколько этапов. До начала 1860-х гг. преобладающей формой был брак дворян «по сговору» [6, с. 7]. Но стоит заметить, отдельные случаи подобных супружеств существовали вплоть до конца века. Известный военачальник, военный педагог, генерал от кавалерии, генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926), женился по велению своего дяди. Дядя с ранних лет заменил автору отца, и Алексей Алексеевич не противился данному решению: «В 1884 году я женился на племяннице моего дяди Анне Николаевне фон Гагемейстер. Этот брак устроен согласно желанию моего дяди, в виду семейных интересов. Но несмотря на это, я был очень счастлив, любил свою жену горячо» [21, с. 20]. У капитана и командующего 4-й батареей лейб-гвардии конноартиллерийской бригады Михаила Алексеевича Бера (1875–1953), браку посодействовали дядя и мать, по признанию самого автора, длительное общение со знакомой их семьи неожиданно для него самого привело к решению о женитьбе и в 1898 г. автор сочетался законным браком: «У меня совершенно не было впечатления, что мои отношения с Надей скоро закончатся браком. Я был далек от мысли о женитьбе, но отношения с Надей как-то само собой привели к этому» [22, с. 220].

А действительный статский советник Владимир Борисович Лопухин (1871–1941), вспоминал, как именно его тетка

С.А. Трубецкая устроила браки всем своим трем сыновьям, без их собственного согласия в 80-е гг. XIX в.: «Влияние ее (моей тетки) на сыновей было громадное. Выразилось оно и в том, что ни один из них не женился по собственному почину и выбору. Всех поженила мать на тщательно ею подобранных невестах. Невесты все были родовитые и богатые. И что представляется совсем неожиданным, все три брака оказались удачными. Сергей женился на княжне Оболенской, Евгений – на княжне Щербатовой, Григорий – на графине Хрептович-Бутеневой» [23, с. 33].

Но все чаще во второй половине XIX столетия, дворяне-мужчины руководствовались чувствами, а уже после думали о способах содержания будущей семьи и даже о своих собственных мечтах. Военный деятель и писатель-публицист Григорий Дмитриевич Щербачёв (1823–1900), ради будущей супруги перешел на службу в другой город: «Я желал остаться в Петербурге, потому что, полюбив в Москве одну молодую девушку, я должен был в скором времени жениться» [24, с. 2]. В.С. Трубецкой ради невесты отказался от мечты сделать карьеру на флоте, понимая, что большую часть времени он будет в служебных походах: «Нет надо было решаться на что-нибудь одно и положить на чаши весов любимую девушку и любимое море. Компромиссного решения здесь не могло быть. Однако сама мысль о каких-то весах в этом вопросе казалась мне чем-то подлым. Колебаться нельзя было: чувство наше слишком далеко зашло – мы были с невестой слишком дружны – и я отказался от моря» [9, с. 15].

С середины 60-х – 70-е гг. XIX в. возросла возможность заключения брака по свободному выбору, но увеличилось число разводов супругов, преимущественно под воздействием «новых веяний» и материальных проблем [6, с. 7]. В большинстве своем, наиболее тяжелые моменты, связанные с разводом и разводами супругов, мужчины не раскрывали в воспоминаниях и письмах. В представленных биографиях лишь два автора упоминали о таких сюжетах. В семье М.В. Добужинского родители разошлись вскоре после его рождения, мать выбрала театральную карьеру и оставила семью: «Я жил без моей мамы – у нее была своя жизнь далеко от нас, но отец старался, чтобы я не забывал мою мать, отсутствие же ее в моей жиз-

ни объяснял мне тем, что из-за своего здоровья она не могла жить в «гнилом» петербургском климате, что было правдой, и я знал, что она должна была служить в театре, в провинции, далеко от нас, и я никаких вопросов не задавал» [11, с. 306]. Несмотря на это, каждый из родителей участвовал в воспитании ребенка, но преимущественно это делал отец. Б.А. Садовской несмотря на союз по любви, расстался с супругой по неизвестной причине: «В 1909 году в Москве родился у меня сын Александр. С женой я вскоре расстался и получил потом формальный развод. Она и мать ее воротились в Ялту, взявши с собою мальчика» [16, с. 123].

В 80–90-е гг. XIX в. в дворянской среде формируется идеал супружеского союза, основанного исключительно на свободном выборе и взаимной симпатии, изменяется характер дворянского брака и происходит переосмысление роли «любви» в семейных отношениях [6, с. 8]. Яркие эмоции от свадебного торжества, которыми насыщены эго-материалы, демонстрируют, что для и для мужчин, как и для женщин, данное событие являлось знаковым и счастливым. Так, А.Н. Бенуа пришлось ожидать брака 3 года: «И, наконец, долгожданный день наступил. В момент, когда мы с разных концов (она под руку со своим отцом) вступили в церковь, загредел традиционный "Свадебный марш" Мендельсона. А затем мы оба, преклонив колена за аналоями, были обвенчаны. Надлежало еще принять поздравления родственников и знакомых и расписаться в церковной книге» [10, с. 56].

Общественный деятель, земский статистик, князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1950), в своих воспоминаниях подчеркивал, что женитьба была важным этапом в его судьбе: «Весной 1896 года произошло крупное событие в моей личной жизни, я женился на Ольге Владимировне Винберг. Долгую жизнь мы прожили вместе, вместе взрастили огромную семью» [25, с. 149]. И для А.Н. Наумова свадьба была ярким моментом: «Наступил наконец памятный в моей жизни день. Таинство бракосочетания происходило в Адмиралтейском соборе. По окончании богослужения, все спустились вниз, где в особом боковом помещении было приготовлено шампанское. Нас стали приветствовать и поздравлять. Из церкви счастливые молодые вернулись в Европейскую гостиницу, где

был сервирован обеденный свадебный стол, красиво разукрашенный цветочными гирляндами и мелкими букетиками» [8, с. 280].

М.А. Бер не столь эмоционально описывал данное важное событие: «Свадьбу решили сделать скромно в интимном кругу. Свадьба была назначена на 23 января 1898 года в церкви Знамения Пресвятой Богородицы и Царском селе. С Гагаринской вместе с мамой и бабушкой мы поехали на Литейную к бабушке Марии Александровне Чирковой, моей крестной матери, которая вместе с дядей Дмитрием Борисовичем меня благословила. С утра я чувствовал себя не важно. Я смутно помню обряд венчания. После венчания я с Надей отправился к дяде Коли на Садовую, где тотчас лег в его спальне на кровать. Все поздравления собравшихся родственников принимала Надя одна. Помню только, что она приходила ко мне в белом подвенечном платье с бокалом шампанского в руке. Через несколько дней я совсем поправился и мы с женой переехали в Павловск» [22, л. 231].

На протяжении XIX столетия все более значимым для жизни дворянской семьи и женщины-дворянки становился вопрос «личного счастья» [7, с. 105]. Однако этот принцип был основополагающим и для большинства дворян-мужчин. Отношение мужчин к семейной жизни переменилось, в ней стали видеть душевное спасение от неудач в карьере, жизненную альтернативу, а дом – понимать, как «пространство сферы частного». Общественное мнение, сформированное литературными образцами, предписывало теперь представителю дворянского сословия уважать «нежнейшие чувствования» и саму личность женщины, уметь развлечь ее, быть готовым ради нее к самосовершенствованию. Социальный престиж женщин рос параллельно повышению самооценки собственного достоинства мужчин-дворян, оказывая воздействие на формирование новых черт в их представлениях об идеальной супруге [5, с. 341].

В личной переписке дворян-мужчин со своими женами, раскрываются их трепетные чувства, забота и нежность. Особый интерес представляют письма барона и статского советника Константина Карловича Врангеля (1937–1902), находясь по служебным и личным делам в отъездах, в письмах и телеграммах автор практически каждый день старался писать

супруге Наталье Врангель (Муравьевой): «Милая Наташа сегодня невозможно приехать, буду вовремя завтра вечером. Вы милый человек. Ваш Врангель» [26, л. 2]. Или в другом письме: «Милая Наташа судьба покорнейше против всяких моих планов. Прошу Вас не посылать экипаж, вчера вечером я получил депешу про гр. Богарне совершенно неожиданно приедет сегодня. Завтра буду ожидать Вас у пристани. До свидания. Ваш Врангель» [26, л. 3].

Автор очень был внимателен к своей супруге, интересовался ее здоровьем, договаривался с ней о встречах и с особыми эмоциями к ней относился: «Здравствуй Кися моя любимая! Как ты спала без меня? Как чувствуешь себя? Могу себе представить до чего ты мучаешь себя, от того что не могла меня проводить, но будь умницей и возьми себя в руки. Воображаю, как ты тоскуешь, не уверен успею ли я приехать к тебе, но пока я только крепко, горячо целую и обнимаю тебя. Целую всех детей. Твой Врангель» [26, л. 7]. В другом письме барон ласково обращался к супруге и извинялся за свой скверный характер: «Кися моя любимая! С добрым утром! На душе у тебя тяжело, как и у меня. Вчера я был резкий, раздражительный, нервный – конечно прости меня! Ничего поделать с собой не могу. Нежно целую тебя моя голубка. Твой Константин» [26, л. 30]. Еще в одном письме Константин Карлович трепетно поздравляет супругу с днем рождения: «Милая! Крепко, крепко целую и обнимаю тебя и поздравляю еще раз с днем рождения! Кися моя будь счастлива! Да поможет судьба подействовать твоему счастью! Целую тебя бесконечно. Твой Врангель» [26, л. 29].

О крепких и взаимных чувствах повествует переписка между супругами бароном, офицером Российского императорского флота, генерал-майором флота, генеалогом, коллекционером Николаем Аполлоновичем Типольтом (1864–1948) и Елизаветой Сергеевной (урожд. Палтовой). Находясь в длительных отъездах, связанных со службой на флоте автор старался любую свободную минуту написать супруге: «Дорогая Елизавета Сергеевна я теряюсь в догадках, тревожусь что не имею от Вас так давно известий. Я ожидаю Ваши письма как манны небесной! С тех пор как я приехал на крейсер пошла отвратительная погода, холод и дожди. До свиданья моя дорогая, крепко целую Ваши ручки, молюсь и скучаю. Весь Ваш искренно любящий

и преданный Вам Н. Типольт» [27, л. 5]. В следующем письме автор надеется на скорую встречу с супругой и детьми: «Дорогая Елизавета Сергеевна с каким нетерпением я ждал день прихода дежурного с почтой. Думал получить от Вас письмо. Вы здоровы? У Вас все благополучно? Надеюсь быть в Петербурге 5 июля. До скорого свидания моя дорогая. Искренно преданный и любящий Вас. Н. Типольт» [27, л. 7].

В ответ Елизавета Сергеевна также писала о своей тоске по мужу, о любви и ожидании встречи: «Дорогой мой Колюша ты не поверишь как мне скучно, что от тебя нет писем. Неужели у тебя нет времени мне написать? Я весь день в хлопотах, а хлопот масса, конечно между нами, когда мы приехали в дом, он бы в таком виде, что жить невозможно, я неделю убираюсь без передышки. Дети слава Богу совершенно здоровы. Крепко тебя обнимаю и целую. Господь с тобой. Твоя Люля» [27, л. 8]. В другом письме супруга интересовалась все ли в порядке на службе у Николая Аполлоновича: «Милый мой Колюша! Сейчас получила твою открытку из Москвы, но как ты добрался до Питера? Как устроился с людьми? Меня все очень интересует. Мария Семеновна и дети слава Богу здоровы. Как дела твои? Что делается в корпусе? Будь осторожен в полку. Не теряй самообладание. Господь с тобой мой дорогой Колюшка. Будь здоров, береги себя! Крепко тебя целую! Твоя Люля» [27, л. 30].

Большая часть мемуаристов-мужчин не раскрывала подробностей своей частной жизни, но иногда давали оценку годам, проведенным в семейной жизни. Так например, А.В. Оболенский, с особой нежностью отзывался о годах жизни со своей женой: «За 42 года нашей совместной жизни я так привык к ощущению нашей слитности, настолько не мог себе представить своего существования без нее, равно как и ее жизни без своей, что говорить о ней как об отдельном от меня человеке не могу. Скажу только, что крепкая наша взаимная привязанность была основным фоном моей жизни и помогала, как мне, так и ей, переживать все испытания судьбы» [25, с. 150]. П.А. Башилов не утратил своих нежных чувств к супруге и спустя несколько лет брака. Так, возвращаясь из очередной служебной командировки, он стремился поскорее увидеть жену: «Я горел нетерпением как можно скорее оставить Петербург

и лететь к моей Любе. На другой день в самый полдень был уже там. Из флигеля по двору бежала ко мне на встречу Люба и бросилась на шею со слезами радости» [12, л. 277]. А.А. Брусилов отмечал, что его первый брак принес ему счастье: «В общем могу сказать первый мой брак был безусловно счастливым» [21, с. 34].

Любовь и брак являлись такими же важными жизненными циклами для дворян-мужчин, как для женщин. Не каждый мужчина раскрывал детали своей частной жизни. Во многом на характер повествования такой «сугубо личной темы» влияли личность, характер автора и воспитание, а иногда и профессиональная занятость. Большая часть авторов эмоционально отражали моменты влюбленности, предстоящей женитьбы и года, проведенные в браке, так как эти моменты для них были особенно ценными и счастливыми. Браки дворян-мужчин заключались преимущественно по взаимным чувствам и личным предпочтениям. «Тяжелые моменты», связанные с разводом и разъездом супругов, мужчины старались не фиксировать. Отсутствие в некоторых мужских мемуарах упоминаний своего семейного положения, объясняется тем, что для большинства из них эти личные моменты, в отличие от служебной карьеры не должны были стать достоянием гласности. Однако несмотря на то, рассказывали ли авторы о своих чувствах подробно, лишь упоминали о них или вообще игнорировали, брак и семья составляли важную часть жизни мужчины, ставя перед ним особые обязанности и необходимость учитывать интересы домашних.

Список литературы

1. Кузнецова О.А. Семья в жизни делового человека: традиции, брак и дети (на материале губерний Верхней Волги середины XIX – начала XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 92. – С. 30–38.
2. Былинская Н.В., Дубина А.М. Представления о любви у мужчин и женщин разных возрастов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2013. – № 3. – С. 42–49.
3. Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Частная жизнь российских чиновников второй половины XIX – начала XX в мемуарной литературе: первая любовь и ухаживание за невестой // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – № 8 (151). – С. 94–99.
4. Казьмина О.Е., Пушкарева Н.Л. Российская система законов о браке в XX в.: инновации и традиционные установки // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 67–89.

5. Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1997. 357 с.
6. Веременко В.В. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (Вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2007. 51 с.
7. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. – СПб.: Алетей, 2014. 480 с.
8. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний 1868–1917: в 2-х кн. – Нью-Йорк: Издательство А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. 583 с.
9. Трубецкой В.С. «Записки кирасира». – М.: Россия, 1991. 219 с.
10. Бенуа А.Н. Мои воспоминания (в двух томах). – М.: Захаров, 2005. 912 с.
11. Добужинский М.В. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1987. 480 с.
12. Отдел рукописей Российской Национальная библиотека (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 103.
13. Чижикова А.С. Брачный церемониал российских дворян в XIX в. // Вестник славянских культур. – 2011. – № 4 (22). С. 74–80.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 942. Оп. 1. Д. 553.
15. Милоков П.Н. Из тайников моей памяти. – М.: Эксмо, 2015. 960 с.
16. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М.: Студия ТРИТЭ, 1994. – Т. 1. – С. 106–183.
17. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 104.
18. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. – Л.: Искусство, 1971. 447 с.
19. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Том VI. С алфавитным указателем ко всем VI томам. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897–1904. – Т. 6. 478 с.
20. Милешина Н.А. Российское дворянство в XVII – начала XX столетий в контексте трансформации внутрисемейных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 30 (211). История. Вып. 42. – С. 5–11.
21. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Государственное издательство, 1929. 249 с.
22. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 18.
23. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. – М.: «Нестор-История», 2008. 870 с.
24. Щербачев Г.Д. Очерки моей деятельности в царствование Александра II: из воспоминаний Г.Д. Щербачева. – М.: Унив. тип., 1891. 108 с.
25. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. – СПб.: Умка-press, 1988. 754 с.
26. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2066. Оп. 1. Д. 1.
27. РГИА. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 24.

Love and marriage of noblemen in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials of personal origin)

Marina S. Tregubova

The article presents changes in the organization of love and marriage of noblemen in the second half of the 19th – early 20th centuries. Men's memories of private life are distinguished by the closeness of some of its aspects. The peculiarity of the narration of love and family moments was influenced both by the person-

ality and character of the author, and sometimes by official activity. In the second half of the 19th century, noblemen undergo changes in consciousness and behavior, both in relation to their feelings and in marriage itself. In addition to their own emotions and preferences, men began to take into account the feelings of women. Men, along with women, emotionally described plots related to falling in love, matchmaking and marriage. The absence of mention of the marital status of men in other sources of personal origin may indicate that, on the one hand, personal life of men was still tabooed, and, on the other hand, did not seem to the author noteworthy, as marriage did not bring serious changes into the life of a man, unlike a woman. But the creation of family brought new anxieties and responsibilities into the life of men, regardless of the place, which love and marriage took in their ego-documents.

Key words: noblemen, male nobles, noble marriage, love, 19th century, everyday life, memoirs.

For citation: Tregubova, M.S. (2022). Lyubov' i brak v zhizni dvoryan-muzhchin vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam lichnogo proiskhozhdeniya) [Love and marriage of noblemen in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials of personal origin)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 63–81. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_63

References

1. Kuznetsova O.A. *Sem'ya v zhizni delovogo cheloveka: traditsii, brak i deti (na materiale guberniy Verkhney Volgi srediny XIX – nachala XX veka)* [Family in the Life of a Businessman: Traditions, Marriage and Children (on the Material of the Provinces of the Upper Volga in the Middle of the 19th – Early 20th Centuries)] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen]. 2009. № 92. pp. 30–38. (In Russ.)
2. Bylinskaya N.V., Dubina A.M. *Predstavleniya o lyubvi u muzhchin i zhenshchin raznykh vozrastov* [Ideas about love in men and women of different ages] // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2013. № 3. pp. 42–49. (In Russ.)
3. Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. *Chastnaya zhizn' rossiyskikh chinovnikov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v memuarnoy literature: pervaya lyubov' i ukhazhivaniye za nevestoy* [Private life of Russian officials in the second half of the 19th - early 20th century in memoirs: first love and courtship of the bride] // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific statements of the Belgorod State University. Series: History. Political science]. 2013. № 8 (151). pp. 94–99. (In Russ.)
4. Kaz'mina O.Ye., Pushkareva N.L. *Rossiyskaya sistema zakonov o brake v XX v.: innovatsii i traditsionnyye ustanovki* [The Russian System of Marriage Laws in the 20th Century: Innovations and Traditional Attitudes] // *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review]. 2003. № 4. pp. 67–89. (In Russ.)
5. Pushkareva N.L. *Zhenshchina v russkoy sem'ye X – nachala XIX v.: dinamika sotsio-kul'turnykh izmeneniy* [A woman in a Russian family in the 10th – early 19th centuries: the dynamics of socio-cultural changes]: dis. ... dok. ist. nauk. Moskva, 1997. 357 p. (In Russ.)
6. Veremenko V.V. *Evolutsiya dvoryanskoy sem'i v usloviyakh modernizatsii Rossii (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The evolution of the noble family in the context of the modernization of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]: avtoref. dis. ... dok. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2007. 51 p. (In Russ.)
7. Belova A.V. «Chetyre vozrasta zhenshchiny»: *Povsednevnyaya zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – srediny XIX v.* ["The Four Ages of a Woman": Everyday life of a Russian provincial noblewoman in the 18th – mid-19th centuries]. SPb.: Aleteyya, 2014. 480 p. (In Russ.)

8. Naumov A.N. *Iz utselevshikh vospominaniy 1868–1917: v 2-kh kn.* [From the surviving memories of 1868–1917: In 2 books]. N'yu-York: Izdatel'stvo A.K. Naumovoy i O.A. Kusevitskoy, 1954. 583 p. (In Russ.)
9. Trubetskiy V.S. «*Zapiski kirasira*» [“Notes of a Cuirassier”]. M.: Rossiya, 1991. 219 p. (In Russ.)
10. Benua A.N. *Moi vospominaniya (v dvukh tomakh)* [My memories (in two volumes)]. M.: Zakharov, 2005. 912 p. (In Russ.)
11. Dobuzhinskiy M.V. *Moi vospominaniya* [My memories]. M.: Nauka, 1987. 480 p. (In Russ.)
12. *Otdel rukopisey Rossiyskaya Natsional'naya biblioteka (OR RNB)* [Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNL)]. F. 1000. Op. 2. D. 103.
13. Chizhikova A.S. *Brachnyy tseremonial rossiysskikh dvoryan v XIX v.* [The marriage ceremony of Russian nobles in the 19th century] // *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Herald of Slavic Cultures]. 2011. № 4 (22). pp. 74–80. (In Russ.)
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 942. Op. 1. D. 553.
15. Milyukov P.N. *Iz taynikov moyey pamyati* [From the recesses of my memory]. M.: Eksmo, 2015. 960 p. (In Russ.)
16. Sadovskoy B.A. *Zapiski (1881–1916)* [Notes (1881–1916)] // *Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th – 20th centuries]. M.: Studiya TRITE, 1994. T. 1. pp. 106–183. (In Russ.)
17. OR RNB. F. 1000. Op. 7. D. 104.
18. Zhemchuzhnikov L.M. *Moi vospominaniya iz proshlogo* [My memories from the past]. L.: Iskusstvo, 1971. 447 p. (In Russ.)
19. *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenyykh. Tom VI. S alfavitnym ukazatelem ko vsem VI tomam* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists. Volume VI. With an alphabetical index to all VI volumes]. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1897–1904. T. 6. 478 p. (In Russ.)
20. Milesheina N.A. *Rossiyskoye dvoryanstvo v XVII – nachala XX stoletiy v kontekste transformatsii vnutrisemeinykh otnosheniy* [Russian nobility in the 17th – early 20th centuries in the context of the transformation of intra-family relations] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2010. № 30 (211). Istoriya. Vyp. pp. 5–11. (In Russ.)
21. Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories]. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1929. 249 p. (In Russ.)
22. OR RNB. F. 1000. Op. 9. D. 18.
23. Lopukhin V.B. *Zapiski byvshego direktora departamenta ministerstva inostrannykh del* [Notes of the former director of the department of the Ministry of Foreign Affairs]. M.: «Nestor-Istoriya», 2008. 870 p. (In Russ.)
24. Shcherbachev G.D. *Ocherki moyey deyatelnosti v tsarstvovaniye Aleksandra II: iz vospominaniy G. D. Shcherbacheva* [Essays on my activities in the reign of Alexander II: from the memoirs of G. D. Shcherbachev]. M.: Univ. tip., 1891. 108 p. (In Russ.)
25. Obolenskiy V.A. *Moya zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries]. SPb.: Ymca-press, 1988. 754 p. (In Russ.)
26. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGIA SPb)* [Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb)]. F. 2066. Op. 1. D. 1.
27. RGIA. F. 1063. Op. 1. D. 24.

Статья поступила в редакцию 6.07.2022
Одобрена после рецензирования 28.07.2022
Принята к публикации 24.08.2022

«В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в.*

В. А. Веретенко

В статье на основе широкого круга источников исследуется эволюция отношения столичной дворянско-интеллигентской среды к физическому воспитанию и спорту на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Обращается внимание на роль в этом процессе образовательных структур и общественных организаций, прежде всего детских и молодежных.

Характеризуются особенности понимания термина «спорт», под которым, с одной стороны, имелось в виду занятие тем или иным видом физических упражнений, а с другой – наличие состязательного начала, желание достигнуть в нем наивысших результатов.

Выделяются гендерные особенности отношения к занятиям физкультурой и спортом представителей разных возрастных групп.

Делается вывод о том, что к началу XX в. данное «увлечение» приобрело в столичной дворянско-интеллигентской среде массовый характер, став своего рода социальным маркером, отличавшим представителей образованного общества от бескультурной части населения страны.

Ключевые слова: дворянско-интеллигентская среда, столицы, пореформенная Россия, физическое воспитание, спорт, дети, взрослые, гендерные отличия, спортивные общества.

Для цитирования: Веретенко В.А. «В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2022. № 3. С. 82–102. DOI 10.35231/25422375_2022_3_82

Во второй половине XIX – начале XX в. в дворянско-интеллигентской среде серьезное внимание уделялось правильному «выращиванию» детей и подростков. «Веровалось, что если ребенок правильно ест, по книжке пьет, по теории спит, нормально болеет, растет, из отрока делается юношей и т.д., то с правильным развитием тела будет правильно идти и правильный рост духа» [1]. Понятно, что при таком внимании к физиологической стороне бытия обойти проблему физического воспитания было невозможно. Большинство образованных родителей были хорошо знакомы с работами соответствующих специалистов, предлагавших либо заниматься с детьми по одной из европейских систем – шведской, немецкой, английской или чешской (сокольской), либо обратиться к авторским отечественным методикам. Широкое распространение специализированной литературы, появление особой спортивной прессы, введение физкультуры в программы учебных заведений, наконец, вхождение России в международное спортивное движение в начале XX в. привели к институализации любительского спорта в дворянско-интеллигентской культуре, когда не только интеллигентные юноши, но и девушки, активно занимавшиеся физическими упражнениями, участвовавшие в соревнованиях и являвшиеся членами разнообразных спортивных обществ, стали привычным явлением, особенно в столицах. Вместе с тем полностью реализовать идеи «правильного физического воспитания» в рамках конкретной дворянско-интеллигентской семьи было достаточно сложно, если не невозможно. С одной стороны, это было связано с тем, что в среде самих специалистов существовали многочисленные дискуссии по отдельным вопросам, прежде всего относительно гендерных особенностей, конкретных методик и форм физического воспитания. С другой стороны, многие требования гигиенистов оказывались малоисполнимыми по объективным, прежде всего, материальным причинам.

Вопросы, связанные с развитием физической культуры и спорта (как в России в целом, так и в отдельных ее регионах) во второй половине XIX – начале XX в., вызывают в последние годы устойчивый интерес исследователей. Активно разрабатываются темы по истории формирования физической культуры как образовательной дисциплины в школах различ-

ного уровня [2–5]. Появляется литература, касающаяся общих тенденций развития спорта в стране [6–9] и его различных видов [10; 11]. Анализируются отдельные сюжеты, связанные со спортивной жизнью столицы империи [12–16]. Однако место физкультуры в домашней повседневности, семейные практики физического воспитания представителей тех или иных социальных групп только становятся предметом исследования историков [17].

Целью данной статьи является анализ эволюции отношения к физическому воспитанию и спорту в столичной дворянско-интеллигентской среде России в пореформенный период.

Физическая культура как комплекс специальных упражнений, направленных на общее оздоровление организма, его отдельных органов, но не имеющих практического применения в повседневной жизни, появляется в России в 30-е гг. XIX в., «когда в Петербург был вызван из Швеции Паули с тем, чтобы преподавать в С.-Петербургском батальоне гимнастику и подготовить будущих помощников учителей гимнастики – так называемых монитеров» [18, с. 53]. В середине 1840-х гг. де-Рону открыл в столице, на углу Мещанской и Нового переулка, «гимнастическую залу» – первое врачебно-физкультурное заведение, в котором образованная публика под руководством подготовленных инструкторов должна была выполнять специальные упражнения с целью лечения и профилактики разнообразных заболеваний [19, с. 261; 20, с. 3].

Известный педагог и общественный деятель Я.И. Грот так описывал в 1859 г. столичное гимнастическое заведение, сменившее к тому времени несколько руководителей и локаций: «В здешней гимнастической зале упражнения бывают двоякие: одни для здоровых, другие для больных, так что и посетители ее разделяются на два главных отдела. Третий, дополнительный отдел, составляют дети, с которыми занимается особый помощник. Ежедневно по два раза эта просторная и светлая зала, снабженная всеми возможными гимнастическими снарядами, оживляется движением и говором. При деятельной заботливости и внимательности заведующих ее, никто из посетителей не остается долго без дела: здоровые совершенствуются в силе и ловкости, больные ведут методическую борьбу со своими недугами, дети приобретают бойкость и развязность, бегая,

прыгая и перенимая с веселыми кликами показываемые им движения». Стоимость посещения занятий, по мнению автора, была «весьма умеренной» – 15 р. в месяц для занимавшихся лечебной физкультурой и 10 – для остальных [19, с. 264].

«Умеренность» стоимости, да и сам характер занятий, очевидно отражали привилегированный состав посетителей. Вместе с тем только за период с 1861 по 1863 г. на занятиях, проходивших в данный период по адресу Галерная ул., д. 30, побывало почти 800 чел. разного возраста – 618 мужчин и 160 женщин. Правда, основная масса контингента оказывалась в зале по направлению врачей. Только полсотни здоровых детей (35 мальчиков и 15 девочек) были приведены родителями с профилактической целью. Как с горечью отмечали составители отчета о деятельности заведения, многие «особы» не только считали посещения зала неприличным, но и вообще выступали против гимнастики для женщин, особенно юных, так как от нее «у девочек кости становятся слишком широки, контуры угловаты, руки и ноги велики, цвет лица нехорош» [20, с. 8–12].

Несмотря на это, в конце 1860-х гг. в С.-Петербурге действовало уже четыре гимнастических зала: на углу Невского проспекта и Большой Садовой, в павильоне Инженерного замка, в Адмиралтействе и у Синего моста. Все они использовали рассмотренные выше приемы шведской врачебной гимнастики [21, с. 269].

В конце 50-х гг. XIX в. стали появляться первые отечественные пособия «домашней врачебной гимнастики», предназначенной для лиц обоего пола и разного возраста («от 3 и свыше 60-ти лет»). Для читателя под необходимость занятия физкультурой подводили определенную теоретическую базу, ярко аргументируя положение, что «только в здоровом теле может быть здравый ум» (именно так в те годы переводили латинское выражение – «*Mens sana in corpore sano*», очевидно, адаптируя его под образованную публику). Особо обращалось внимание на принципиальные различия трех видов гимнастики – педагогической, врачебной и военной, и необходимость учитывать при выполнении упражнений возрастные и половые особенности, род занятий лица и наличие у него тех или иных заболеваний [22, с. 5, 6, 19, 29–30]. Читателю

предлагались готовые комплексы упражнений, занятия по которым рекомендовалось проводить до приема пищи, в легкой и удобной одежде (мужчины в «просторной куртке и полотняном исподнем платье», а женщины в «пantalонах и короткой блузе») и в строго определенном порядке [22, с. 48–49].

Приведем, в качестве примера, комплекс «простых» гимнастических движений (сложные предполагали наличие специальных «снарядов»). Указанное в комплексе количество движений должно было зависеть от возраста и степени подготовленности, а девочкам/женщинам каждого возраста рекомендовалось выполнять половину нормы движений, причем отдельные упражнения им советовали вообще не исполнять:

1. Кружение головой – 10, 20, 30 раз.
2. Поворачивание головы в каждую сторону – 6, 8, 10 раз.
3. Поднимание плеч – 30, 40, 50 раз.
4. Кружение руками – 8, 12, 20 раз.
5. Поднимание рук в сторону – 10, 20, 30 раз.
6. Локти назад – 8, 12, 16 раз.
7. Складывание рук назад – 8, 12, 16 раз.
8. Неравностороннее глубокое дыхание – 6, 8, 10 раз.
9. Толкание руками в каждую сторону – 10, 20, 30 раз.
10. Складывание и распростираие рук – 8, 12, 16 раз.
11. Повертывание руками – 30, 40, 50 раз.
12. Движение рук для изображения цифры 8 – 20, 30, 40 раз.
13. Сгибание и разгибание пальцев – 12, 16, 20 раз.
14. Потирание руками – 40, 60, 80 раз.
15. Наклонение туловища – 10, 20, 30 раз в каждую сторону.
16. Поворачивание туловища – 10, 20, 30 раз.
17. Кружение туловища – 8, 16, 30 раз.
18. Поднимание туловища – 4, 8, 12 раз.
19. Кружение ногами – 4, 6, 8 раз каждой ногой.
20. Поднятие ноги – 6, 10, 16 раз каждой ногой (женщины это движение не исполняют).
21. Сдвигание ног – 4, 6, 8 раз.
22. Сгибание и разгибание колен – 10, 12, 16 раз.
23. Сгибание и вытягивание носков – 20, 30, 40 раз.
24. Приседание – 8, 16, 24 раз [22, с. 58–92].

Вместе с тем выходявшие в 60-е гг. XIX в. руководства, ориентированные исключительно на женщин, продолжали отказывать дамам в необходимости заниматься специализированными физическими упражнениями, предлагая ограничиться «естественными движениями», список которых включал следующие: «Движения самые лучшие и полезные для женщин суть прыжки и беганье потому, что укрепляют грудь и все мускулы, игра в воланы и бильярд, танцы, соединяющие вместе с пользою движения и наслаждение музыкою; на балах развивается изящество манер и блеск женского ума; женщины здесь царицы, которым удивляются.

Прогулка на чистом воздухе совершенно необходима для женщин, которые ведут в больших городах, сидячую жизнь. Купанье и плаванье должны войти в состав женского воспитания, потому что они укрепляют силы, приучают тело к холоду, исправляют аппетит, уничтожают боли, неправильные месячные очищения, болезни желудка и улучшают сухую и бледную кожу. Морские путешествия, доставляя развлечение, полезны против истерики, меланхолии, помешательства ума и др.; самая морская болезнь часто приносит пользу. Верховая езда, доставляя движение, полезна для здоровья» [23, с. 42–43].

По мере расширения деятельности гимнастических залов и распространения военной гимнастики в мужских учебных заведениях, мысли о важности выполнения определенных физических упражнений для оздоровления детей находили определенный отклик у части отечественных педагогов и интеллигентных родителей, особенно столичных. В результате методики физического воспитания переходили из специальных руководств в более общие педагогические пособия. Так, в книге для гувернеров и гувернанток, опубликованной в 1870 г., предлагалось не ограничиваться только «простыми упражнениями», а отвести для занятий с ребенком гимнастикой отдельную комнату, оснатив ее специальными «снарядами»: «несколько мачт, чтобы лазить по ним, деревянную и веревочную лестницы, разного рода канаты, ...разного рода шесты». При подборе упражнений составители ориентировались прежде всего на мальчиков, но не отрицалась и польза специальных физических упражнений для девочек: «само со-

бой только в такой мере, чтобы соответствовала их организму и силам» [24, с. 58–59].

К середине 70-х гг. XIX в. пользу правильно поставленных физических упражнений для девочек признали и чиновники от педагогики. С 1876 г. занятия гимнастикой были включены в программу женских гимназий ведомства императрицы Марии. Правда, особо подчеркивалось, что для физического воспитания, в рамках реализации «задачи педагогической гимнастики», применения «упражнений на искусственных снарядах (горизонтальных шестах, параллельных брусьях, кольцах, трапеции, гирях, железных палках и проч.) становятся не только лишними, но и решительно противоречат этой задаче» [25, с. 2]. Тем более, предлагалось учитывать, что «хотя гимнастика для обоих полов имеет одни и те же научные данные, но гимнастика для девиц должна иметь специальный оттенок, соответственный их нежной природе, общественным условиям и будущему назначению» [25, с. 6].

Исходя из этих посылов, программа предполагала упражнения на перестроения («Постройка сложных рядов парных, четверных и т. д., образование колонн, шаги мерные, ускоренные с прихлопом, с нагибанием и отклонением туловища, с опусканием и приподыманием рук, хождение на пальцах ног, бег мерный, ускоренный, цепью, бег скрестив руки на спине, различные повороты в половину и полный»); на развитие органов дыхания; «движения с взаимным противодействием» («выполняются при помощи другого лица; в то время, когда одно лицо приводит в движение известную группу мышц, другое лицо противодействует этому движению и на оборот»). Наконец, допускались «полезные, ручные орудия и снаряды для воспитательной женской гимнастики: короткие и длинные палки; неподвижные вертикальные шесты; горизонтальные и наклонные лестницы; наклонные площадки для прыганья в глубину; горизонтальные мачты для упражнений в равновесии». Все «прочие снаряды совершенно исключались» [25, с. 4–8].

Однако данная программа в большинстве своем оставалась чистой декларацией даже для столичных учебных заведений. С одной стороны, это было связано с тем, что по тогдашним представлениям ручной труд (рукоделие) также считался

формой физического воспитания. Учитывая это факт, в гимназиях ведомства императрицы Марии во всех классах было отведено на гимнастику и рукоделие по два часа в неделю, причем не было точного разграничения числа часов между этими двумя предметами [18, с. 52]. С другой стороны, в школах отсутствовали спортивные залы и возникали серьезные трудности с поиском преподавателей. В результате обычной оказывалась ситуация, сложившаяся в С.-Петербургской Александровской женской гимназии. Здесь, по новой, принятой в 1879 г. учебной таблицы предмет «рукоделия» упразднился, а его часы передавались для занятий физическими упражнениями. Но реализовалось данная инициатива достаточно интересно – в связи с отсутствием необходимых помещений, «временно» эти часы были переданы в младших классах на занятия новыми языками, а в старших – стенографией. И только в 1882 г. так и не построившее спортивный зал начальство гимназии вернуло в младшие классы преподавание рукоделия, продолжая занимать старших в эти часы другими предметами [26, с. 19; 43–44; 27].

Открытие специальных гимнастических залов требовало серьезных финансовых затрат, более дешевым способом приобщения образованной публики к физической культуре являлась подготовка специалистов или даже просто обучение заинтересованных лиц, прежде всего родителей и педагогов наиболее простым методическим приемам гимнастики. В 1877 г. по итогам поездки П.Ф. Лесгафта по европейским странам с целью изучения опыта «преподавания гимнастики и подготовки специалистов в сфере физического воспитания знаменитых деятелей того времени» в С.-Петербурге были открыты Курсы преподавателей телесного обучения [28, с. 131; 16, с. 177]. А в 1883 г. по инициативе Педагогического музея в столице появилось и общество содействия по приобщению детей к физическому воспитанию: гимнастике, фехтованию и играм. Музей предоставлял помещение для проведения «образцовых занятий физическими упражнениями» [29, с. 122].

Воспоминания детей, росших в столичных привилегированных семьях в 70 – начале 80-х гг. XIX в., свидетельствуют о совершенно различных подходах к физическому воспитанию своих чад. Причем, мы находим как вполне «позитивное»

отношение к физической активности в семьях девочек, так и крайне «закутывание» и «бережение» мальчиков.

Так, О.В. Синакевич (в девичестве Яфа), родившаяся в 1876 г. вспоминая события своего раннего детства, проведенного в Царском Селе, писала о тщательном исполнении ее матерью всех советов дворцового доктора К.М. Данчича, направленных на физическое воспитание девочки, вплоть до того, что «мама, в случае промоченных мною ног, не спешила сразу менять мне обувь, а заставляла бегать до тех пор, пока она сама не высохнет на согревших ногах» [30, л. 47 об.]. Неудивительно, что, став подростком и поступив в «передовую» гимназию М.Н. Стоюниной, Оля прекрасно справлялась с программой учебного заведения, важной частью которой было физическое воспитание. Ежедневные 45-минутные занятия гимнастикой проводились в гимназии по системе П.Ф. Лесгафта, при этом первоначально он сам ими руководил, а затем уроки вели его ученицы, «лесгафтички», работу которых он постоянно контролировал [31, л. 15]. А в 20 лет Ольга Яфа стала одной из первых столичных велосипедисток, получив вначале право ездить по Царскому Селу и Императорским паркам, а затем и по С.-Петербургу. Характерно, что подарившая девушке велосипед мама не ограничивала ее одиночные поездки по «отдаленным, глухим аллеям парка» [32, л. 14–15; 24 об.].

Совершенно по-другому пришел к своим спортивным достижениям будущий известный атлет-любитель В.Н. Адамчевский, родившийся в Петербурге в 1869 г. Опасавшиеся за жизнь крайне слабого мальчика, родители категорически отвергали все, что имело какое-либо отношение к физическому воспитанию и закаливанию. Вспоминая детство до 9–10 лет, автор описывал следующую картину: «больной, лежу в кровати, шторы спущены, – полумрак – в комнате жарко, день и ночь стоит большой кипящий самовар для увлажнения воздуха». Оценивая свое дальнейшее преобразование, никак не связанное ни с деятельностью родителей, ни с позицией воспитателей, Владимир объяснял его тем, что «многолетнее вылеживание пробудило во мне особую любовь к движению, интерес к физическому развитию, желание самому сделаться здоровым, сильным». Будущий знаменитый спортсмен вспоминал, как «тайком от зоркого глаза матери» он «раскутывал всякие

платочки, шарфики, башлыки, понемногу привыкал к холоду и, наконец, сделался совершенно нечувствителен к простуде». Следующим этапом стало, опять-таки скрытное, занятие с гирьками и пробежки. Наконец, только в 15 лет, когда надзор за ним стал ослабевать, подросток смог больше времени уделять физкультурным занятиям. Но упражнялся он без руководителя, так как имевшиеся в С.-Петербурге гимнастические общества – «Адмиралтейское» или «Пальма», – где «чинно делали общие вольные упражнения под команду ..., чинно прыгали через веревочку, после прыжка приседали и обязательно взяв руки на бедра, калачиками, затем бодро выпрямлялись», не привлекали юношу. Только произошедшая в 1887 г. в Зоологическом саду, где тогда проходили выступления спортсменов, встреча с «отцом русской атлетики», доктором В.Ф. Краевским изменила судьбу молодого человека, приступившего к целенаправленным тренировкам под руководством специалиста [33].

В целом к концу XIX в. столичное образованное общество окончательно признало пользу и даже необходимость физической культуры для лиц обоего пола и всех возрастов, а особенно детей. Современники так характеризовали произошедшую с ними эволюцию, которая наиболее ярко проявилась в отношении к «приличным» занятиям для девушек: «Лет пятьдесят тому назад, девушка, катающаяся на коньках, была бы признана экзальтированной; несколько лет тому назад велосипедистки обращали на себя всеобщее внимание и считались "эмансипированными". В настоящее время эти упражнения никем более не считаются несвойственными женскому полу» [34, с. 86].

В этот же период на фоне роста значимости телесного здоровья и привычности физкультуры в ее различных формах в лексикон представителей образованного российского общества вошло слово «спорт», употреблявшееся в двух, очень часто противоположных друг другу значениях. Прежде всего под «спортом», вместе с добавлением некоего уточняющего прилагательного, понимался «особый род физических упражнений», имевший фиксированные правила, требовавший использования определенных «снарядов» и даже наличия специальной формы (напр. костюм для гимнастики, плавания, «зимний

спортивный костюм» и т. д.). Так, в специальном издании «Спорт во все времена года», вышедшем в 1895 г. и предлагавшем образованной публике возможность самостоятельно освоить требования и правила нескольких десятков видов физических упражнений, спорт делился на «домашний» (бильярд и кегельбан), летний (велосипедный, верховая езда, гребля, плавание, «английские подвижные игры») и зимний (конькобежный, лыжный и санный) [35].

Занятие тем или иным видом спорта в соответствии с временем года, лучше всего на свежем воздухе и в окружении таких же «спортсменов», оценивалось не только как способ поддержания телесного здоровья, но и как средство, способствующее духовному росту, ограждению человека, особенно молодого, от различных «соблазнов». Недаром особая «нравственность» конкретного спортивного занятия часто подчеркивалась его сторонниками, ведь это должно было усилить конкурентные позиции именно этого вида спорта. Например, рисуя преимущества велосипеда для поддержания здорового и красивого тела, журнал «Косметика» посчитал необходимым обратить внимание на еще один немаловажный факт: «езда на велосипеде может быть признана вполне "нравственным" удовольствием в том смысле, что в ней могут участвовать одновременно все члены семьи» [36, с. 132].

1890-е гг. стали временем массового открытия в столице империи различного рода обществ и клубов, «в которых забота "о теле" сочеталась с практикой культурного досуга, совершенствованием образования и различными формами интеллектуального общения» (например: «Общество содействия физического развития учащейся молодежи», «Общество для оказания молодым людям содействия в достижении нравственного, умственного и физического совершенствования», «Общество духовного и физического совершенствования») [16, с. 176].

Одной из наиболее известных, но вместе с тем вполне типичных по своим целям и социальному составу, организаций стало приобретшее всероссийский размах спортивно-просветительское общество «Маяк». Начало его деятельности было положено в марте 1900 г., когда состоялось утверждение временных правил «Комитета для оказания содействия молодым

людям в достижении нравственного, умственного и физического развития в С.-Петербурге». Окончательно структура поменявшего название «Общества содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей» (сокращенное наименование – «Маяк») была закреплена уставом, утвержденным 10 ноября 1905 г. [37, с. 5].

Целью организации являлось «путем воздействия на все стороны человеческой природы – на умственную, нравственную и физическую, благотворно влиять на молодежь разных классов ... и способствовать сформированию из них действительных христиан». Для достижения этой цели под эгидой общества проводились культурные и образовательные мероприятия, читались лекции, открывались курсы профессиональной подготовки и гимнастические залы. В целом состав посетителей постоянно демократизировался. И если в начале лица со средним образованием составляли 22 %, то в 1910 г. – только 9 % [37, с. 7, 11]. Однако «гимнастическое отделение» «Маяка» во многом сохраняло свой привилегированный характер, привлекая прежде всего студенческую молодежь. С одной стороны, это было связано со стоимостью занятий, которая на 1913 г. составляла 3 рубля за 4 месяца при двух полуторачасовых занятиях в неделю. А с другой стороны, дворянско-интеллигентская молодежь, в отличие, например, от вчерашних крестьян, мало нуждалась в повышении образовательного уровня, но с удовольствием пользовалась отлично оснащенными залами с полным комплексом «гимнастических аппаратов», электрическим освещением, паровым отоплением и горячим душем [38].

Особый «аристократический» налет имели спортивные общества, ориентированные на занятия физическими упражнениями, предполагавшими значительные финансовые затраты. К подобным организациям относилось, например, созданное в 1893 г. С.-Петербургское общество велосипедной езды, председателем которого стал вел. кн. Сергей Михайлович. Среди учредителей значились также князь Н.Н. Гагарин, князь Г.А. Бобринский, граф А.Д. Шереметьев [11, с. 53].

Именно дворяне составляли в середине 1890-х гг. костяк велосипедистов и в Москве, где среди 1250 чел. получивших

номерной знак, дававший право на езду по городу, представителей первенствующего сословия оказалось 440 [39, с. 635].

Конечно, по мере того, как стоимость велосипеда сокращалась с 300–400 р. в конце 80-х гг. XX в. до 180 р. в конце 90-х, причем появилась возможность купить его в кредит [10, с. 66], круг владельцев значительно расширялся, но также в основном за счет интеллигенции. А к началу нового столетия обладание этим «снарядом» стало мечтой образованной молодежи. Эмоции, связанные с его приобретением, ярко описал один из героев рассказа «Велосипедист»: «Наконец-то я могу осуществить свою мечту и стать велосипедистом. Я получил 200 рублей, и на них приобрету себе велосипед, не жизнь будет, а турне велосипедное. Воображаю, как мне будут завидовать мои товарищи» [40, с. 140].

Отдельную группу обществ составляли школьные и студенческие объединения, часть из которых оформлялись официально, с принятием устава, установлением членских взносов и даже ограничением допуска к занятиям исключительно учащимися соответствующего учебного заведения. Подобный «женский спортивный клуб» действовал, например, при Московских высших женских курсах. В других же просто открывались кружки по тому или иному виду спорта, куда при желании могли ходить и обучавшиеся в других местах. Так, например, в Межевом институте действовала секция по фехтованию, причем, занятия в связи с отсутствием специального помещения велись в столовой [41, с. 19].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. занятие физическими упражнениями, увлечение каким-либо видом спорта, вошли в число обязательных интересов представителей столичной дворянско-интеллигентской среды. Недаром В.Н. Горбачев, работавший в одном из архивов МИД и хорошо знавший жизнь столичного «высшего общества», так описывал его интересы: «Люди интеллигентные, люди богатые живут "мирской" жизнью: у них вечные театры, концерты, клубы, балы, карты, спорт всех видов ...» [42, с. 3]

В конце XIX в. параллельно с активным развитием разных видов спорта формируется интерес к «спорту» в другом значении этого слова, при котором речь шла о принципиальном отличии от физической культуры по отношению к целям,

которые ставили перед собой занимавшиеся: если люди выполняли телесные упражнения «не "для здоровья", но с намерением и желанием достигнуть в них возможно высокой степени совершенства», то "телесные упражнения" превращались "в спорт"» [34, с. 93].

Сложность сочетания различных толкований этой дефиниции привела к тому, что появились предложения называть спортсменами только тех, кто участвует в спортивных состязаниях, а прочих наименовать как-то еще, например «работниками». Но все же большинство сторонников физической культуры предлагало сохранить привычное наименование, тем более, что многие из них не считали состязательный спорт благотворным для человека. «Неужели для "спортсменов" состязания – конечная цель, к которой они стремятся, хотя бы и в ущерб своему здоровью? – вопрошали авторы «Русского спорта». – Ведь это слишком наивная и ничтожная цель! Только для мало развитого (умственно) юноши состязания являются конечною целью спортивных упражнений. Всякий же благоразумный спортсмен, если его спросить, зачем он занимается спортом, скажет: „для меня это развлечете и притом полезное для здоровья"» [43, с. 6].

Характерно, что и в вопросе разделения на полезные упражнения «для здоровья» и вредные спортивные соревнования сразу проявился очевидный гендерный акцент. В массе своей, многочисленные апологеты физического воспитания отмечали определенные недостатки мужского спорта, а женский категорически отрицали. Так, женщина-врач М.М. Волкова, специально занимавшаяся выявлением влияния велосипеда на здоровье женщин» и проведшая в середине 1890-х гг. опрос и исследование 60 образованных женщин в возрасте от 13 до «40 с лишнем лет», увлекавшихся велосипедными прогулками, сделала вывод о «чрезвычайно благотворном» влиянии этих занятий на организм и даже о том, что «велосипед ... как будто нарочно создан для женщин». Однако апологетика таких прогулок не помешала ей, с одной стороны, высказаться о том, что «девицы с 13–16 лет, должны пользоваться этим удовольствием с величайшею осторожностью», а с другой – выступить категорической противницей велосипедного спорта: «Я положительно отрицаю и считаю прямо вредным

увлечение велосипедным спортом. Поэтому участие в гонках на велодроме, утомительные далекие поездки и т.п. еще более вредные и фатальные для лиц женского пола, чем для мужчин, должны быть положительно изгнаны из употребления. По-моему, никакой славы и никакого удовольствия не может быть в том, что такая-то девушка или женщина взяла приз на велодроме, в ущерб своему здоровью. Велосипедный спорт должен быть только очень приятным и весьма полезным физическим развлечением. Увлечение-же им и вредно, и даже некрасиво» [44, с. 35, 36, 48, 95].

Похожие мысли высказывали и мужчины: «Известно, что женщина должна заниматься спортом и культурой своего тела, но, как это прекрасно высказал доктор К.-Е. Паже, "пусть она в культуре тела воспримет только то, что возможно и выгодно для жизни"... Часто, и к несчастью целью мужчины является рекорд, между тем средства, которые он употребляет, чтобы достигнуть этой цели, старят его красоту; у нас на глазах тысячи примеров этого. Но то, что для мужчины составляет только относительный ущерб, для женщины очень важно.... женщина должна заниматься спортом и тренировкой, но она должна выбирать не все виды спорта и совсем не должна пытаться не только превзойти своего партнёра мужского пола, но даже и сравняться с ним... Итак, женщины, занимайтесь спортом, но умоляем вас, оставайтесь женщинами!» [45, с. 19].

Однако подобные утверждения далеко не всегда находили понимание. Практически одновременно с лекциями М.М. Волковой в Москве проходили «соревнования по велосипедной езде» в которых приняли участие 52 «московские дамы» [46]. В последующие годы набиравшие популярность специализированные издания «Велосипед», «Русский спорт», «Спорт», «Спортивный листок» и т. д. постоянно публиковали результаты спортивных состязаний. Конечно, мужской соревновательный спорт развивался значительно быстрее женского, но и среди интеллигентных столичных жительниц были те, кто стремились достигнуть высоких результатов, причем подчас в смешанных соревнованиях. Так, например, в финал теннисного турнира, проводимого в 1911 г. С.-Петербургским кружком любителей спорта, вышла Л. Бовэ, одержав победы над несколькими соперниками-мужчинами [47].

Таким образом, за несколько десятилетий физическое воспитание и спорт вошли в жизнь столичного образованного общества. Был проделан путь от нескольких десятков человек, занимавшихся преимущественно «лечебной гимнастикой», к массовому «интеллигентскому» движению. Значительную роль в этом сыграли изменения в образовании и деятельность общественных структур. Заложённая в детстве привычка к систематическому выполнению «телесных упражнений» стимулировала юношей и девушек к продолжению занятий и после окончания школы. Наличие же широкой сети спортивных обществ, предоставлявших своим членам необходимые условия, распространение и определенное удешевление спортивных товаров, вместе с ростом престижности их владения, делали занятия спортом своего рода социальным маркером. Образованный, интеллигентный человек, столичный житель должен был заниматься спортом с тем, чтобы еще раз подчеркнуть свое отличие от малообразованной публики, не имевшей ни сил, ни желания, ни времени, ни, наконец, денег на это «увлечение для здоровья».

Список литературы

1. Амфитеатов Ал. Наши дети // Семья. Еженедельный иллюстрированный журнал. – 1892. – 6 декабря. № 4. – С. 2.
2. Белоков Д.А. Физическое воспитание в российской школе в конце XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. – 2015. – № 3. – С. 138–153.
3. Веремко В.А. Физическое воспитание в дворянско-интеллигентской среде России второй половины XIX – начала XX в.: гендерный аспект // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИРЭ РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: в 3 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. – М.: ИЭР РАН, 2017. – Т. 3. – С. 208–212.
4. Воробьев Н.А. Физическое воспитание в военно-учебных заведениях России на рубеже XIX–XX вв. // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 1. – С. 57–62.
5. Пономарева В.В. Физическое воспитание в закрытых женских институтах Ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. – 2015. – № 1. – С. 86–93.
6. Волощенко Г.Г., Слепцова Т.В. Спорт в культурной жизни России на рубеже XIX–XX веков // Культура и искусство. – 2017. – № 8. – С. 13–22. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23928. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.8.23928.
7. Дурыбичев А.М. Женщины и спорт в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник спортивной истории. – 2020. – № 4. – С. 81–86.
8. Ефимов Д.Г. Становление и развитие физической культуры и спорта в государственных учреждениях России (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. 32 с.
9. Петракова Е.В. Основные тенденции развития спорта в России в конце XIX века: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1999. 23 с.

10. Белоюков Д.А. Из истории развития велосипедного спорта в России (конец XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. – 2011. – № 2. – С. 64–71.
11. Мятнев А.А. Велосипед в дореволюционной России. – М.: Русский Антиквариат, 2008. 296 с.
12. Солдатова М.А. Развитие общественных спортивных организаций Санкт-Петербурга и их роль в становлении физической культуры и спорта России (конец XIX века – 1917 год): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004. 198 с.
13. Холкин В. История спорта Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда в знаках и жетонах: плавание // Петербургский коллекционер. – 2015. – № 3. – С. 69–73.
14. Холкин В. История спорта Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда (конькобежный спорт) // Петербургский коллекционер. – 2014. – № 6 (86). – С. 62–66.
15. Глезеров С. Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьезы. – М.: Центрполиграф, 2022. 622 с.
16. Медицина – культура – милосердие (в фотографиях и документах конца XIX – начала XX в.) / Книга – альбом. – СПб.: Лики России, 2002. 240 с.
17. Веремко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
18. Игнатъев В.Е. Физическое воспитание: Гимнастика, спорт, подвижные игры. – М.: Польза, 1912. 207 с.
19. Грот Я.К. Гимнастика в Петербурге // Деятельность литературная, педагогическая и общественная (статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское чтение). (1837–1889). – Т. 5. – СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1903. – С. 260–265.
20. Бенезе Г. Отчет о занятиях гимнастического заведения для больных и здоровых в С.-Петербурге, с кратким изложением влияния и пользы гимнастики вообще. – СПб.: тип. и лит. Паульсона, 1864. 18 с.
21. Грот Я.М. По поводу учреждения гимнастического общества в Санкт-Петербурге // Деятельность литературная, педагогическая и общественная (статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское чтение). (1837–1889). – Т. 5. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1903. – С. 265–270.
22. Домашняя врачебная гимнастика, для обоого пола и всех возрастов, начиная от 3-х и свыше 60-ти. Составлена по методам Шребера и Кюсса. С присовокуплением правил: борьбы, плавания, катания по льду и гимнастических игр. – М.: Тип. Т. Волкова и Ко, 1858. 191 с.
23. Макель. Гигиенические этюды о здоровье, красоте и счастья женщины. – М.: Тип. Т. Волкова и Ко, 1860. 105 с.
24. Лесгилье А. Руководство для гувернеров и гувернанток. – СПб.: Тип. Неклюдова, 1870. 309 с.
25. Дьяковский В.Ф. Общие основания к программе гимнастики для женских учебных заведений Императрицы Марии. – СПб.: Тип. Арнольда, 1876. 13 с.
26. Пятидесятилетие С.-Петербургской Александровской женской гимназии: Хроника гимназич. жизни и деятельности. – СПб.: М-во путей сооб., 1910. 75 с.
27. Веремко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 62–75.
28. Аксёнова А.В. Идеи социального развития младших школьников в процессе физического воспитания в теории и практике П.Ф. Лесафта и В.С. Пирусского // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 375. – С. 130–134.
29. Воронцова В.Г. Педагогическая валеология и гуманизация образования: историко-педагогические аспекты // История педагогики сегодня / под ред. В.Г. Воронцовой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета педагогического мастерства, 1998. – С. 120–129.
30. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163 – Второвы. Д. 313.
31. ОР РНБ. Ф. 163. Д. 316.
32. ОР РНБ Ф. 163. Д. 322.

33. Адамчевский В.Н. Как я сделался здоровым // Геркулес. – 1914. – № 4. – С. 6–8; № 5. – С. 20–22.
34. Цандер Р. Телесные упражнения и их значение для здоровья / Бесплатное приложение к журналу «Спутник здоровья». 1901. № 2. – СПб.: Тип. тов-ва «Народная польза», 1901. 98 с.
35. Спорт на все времена года / сост. Гр. Ф-т. – СПб.: Тип. Сойкина, 1895. 198 с.
36. Женщина и велосипед // Косметика. Популярно-научный и художественный журнал, посвященный гигиене и эстетике тела, уходу за красотой, рациональной косметике и парфюмерному искусству. – 1909. – № 11. – С. 132–133.
37. Рейтлингер Н.А. Десять лет деятельности «Маяка». – СПб.: Тип. глав. упр. Уделов, 1911. 44 с.
38. Сведения о гимнастическом отделении общества «Маяк». – СПб.: Тип. глав. упр. уделов, 1913. 8 с.
39. Велосипедный спорт. – 1895. – № 34.
40. Колотилов Л.В. На велосипеде: Записки туриста. – СПб.: Изд. авт. Пароваятя-по-лит. М.М. Розеноер, 1898. 184 с.
41. Русский спорт. – 1912. – № 49.
42. Горбачев В.Н. Что такое Варнавинское общество трезвости? – М.: Типография Холмского Свято-Богородицкого Братства, 1916. 16 с.
43. Антонович М., Крестьянсон В. Спорт и гимнастика. По поводу письма А. Роддэ // Русский спорт. – 1912. – № 44. – С. 5–7.
44. Волкова М.М. О влиянии велосипеда на здоровье женщины. Две лекции. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1897. 98 с.
45. Ле-Бретон Л.Р. Превзойдет ли когда-либо женщина в спорте мужчин? // Русский спорт. – 1912. – № 33. – С. 18–19.
46. Ка Н. Московские дамы – велосипедистки // Велосипед. – 1895. – № 1. – С. 10.
47. Спортивный листок С.-Петербургского кружка любителей спорта. – 1911. – 9 июля.

"In the healthy body – healthy mind": physical education and sports in the capital noble-intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries

Valentina A. Veremenko

Based on a wide range of sources, the article examines evolution of attitude of the capital's noble-intellectual environment to physical education and sports during the second half of the 19th – early 20th centuries. Attention is drawn to the role of educational structures and public organizations, primarily children's and youth, in this process.

The features of understanding of the term “sport” are characterized. On the one hand, it meant engaging in one or another type of physical exercise, and on the other hand, presence of a competitive beginning, desire to achieve the highest results in it.

Gender features of the attitude towards physical culture and sports among representatives of different age groups are highlighted.

It is concluded that by the beginning of the 20th century this “hobby” acquired mass character among the metropolitan nobility and intelligentsia, becoming a kind of social marker that distinguished representatives of an educated society from the uncultured part of the country's population.

Key words: noble-intellectual environment, capitals, post-reform Russia, physical education, sports, children, adults, gender differences, sports societies.

For citation: Veremenko, V.A. (2022). «V zdorovom tele – zdorovyy um»: fizicheskoe vospitanie i sport v stolichnoj dvoryansko-intelligentskikh srede Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [“In the healthy body – healthy mind”: physical education and sports in the capital noble-intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 82–102. DOI 10.35231/25422375_2022_3_82

References

1. Amfiteatrov A.I. *Nashi deti* [Our children] // *Sem'ya. Ezhenedel'nyy illyustrirovannyj zhurnal* [Family. Weekly illustrated magazine]. 1892. 6 dekabrya. № 4. p. 2. (In Russ.)
2. Belyukov D.A. *Fizicheskoe vospitanie v rossijskoj shkole v konce XIX – nachale XX v.* [Physical education in Russian school in the late 19th – early 20th century] // *Vestnik arhivista* [Archivist's Bulletin]. 2015. № 3. pp. 138–153. (In Russ.)
3. Veremenko V.A. *Fizicheskoe vospitanie v dvoryansko-intelligentskoj srede Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: gendernyj aspekt* [Physical education in the nobility-intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: gender aspect] // *Sila slabych: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoyashchem* [Strength of the weak: gender aspects of mutual assistance and leadership in the past and present]. Materialy Desyatoy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IRE RAN, 7–10 sentyabrya 2017 g., Arhangel'sk: v 3 t. / otv. red. N.L. Pushkareva, T.I. Troshina. M.: IER RAN, 2017. Vol. 3. pp. 208–212. (In Russ.)
4. Vorob'ev N.A. *Fizicheskoe vospitanie v voenno-uchebnykh zavedeniyah Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Physical education in military educational institutions of Russia at the turn of the 19th – 20th centuries] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military history magazine]. 2020. № 1. pp. 57–62. (In Russ.)
5. Ponomareva V.V. *Fizicheskoe vospitanie v zakrytykh zhenskikh institutah Vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii* [Physical education in closed female institutes of the Department of Institutions of Empress Maria] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Ser. 23: Antropologiya. 2015. № 1. pp. 86–93. (In Russ.)
6. Voloshchenko G.G., Slepceva T.V. *Sport v kul'turnoj zhizni Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Sport in the cultural life of Russia at the turn of the 19th – 20th centuries] // *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. 2017. № 8. pp. 13–22. URL: https://mbpublish.com/library_read_article.php?id=23928. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.8.23928.
7. Durybichev A.M. *ZHenshchiny i sport v Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vv.* [Women and sport in the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries] // *Vestnik sportivnoj istorii* [Bulletin of sports history]. 2020. № 4. pp. 81–86. (In Russ.)
8. Efimov D.G. *Stanovlenie i razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta v gosudarstvennykh uchrezhdeniyah Rossii (1861–1917 gg.)* [Formation and development of physical culture and sports in state institutions of Russia (1861–1917)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2000. 32 p. (In Russ.)
9. Petrakova E.V. *Osnovnye tendencii razvitiya sporta v Rossii v konce XIX veka* [The main trends in sports development in Russia at the end of the 19th century]: dis. ... kand. ped. nauk. M., 1999. 23 p. (In Russ.)
10. Belyukov D.A. *Iz istorii razvitiya velosipednogo sporta v Rossii (konec XIX – nachalo XX v.)* [From the history of the development of cycling in Russia (the end of the 19th – early 20th century)] // *Novyj istoricheskij vestnik* [New historical bulletin]. 2011. № 2. pp. 64–71. (In Russ.)
11. Myatiev A.A. *Velosiped v dorevolucionnoj Rossii* [Bicycle in pre-revolutionary Russia]. M.: Russkij Antikvariat, 2008. 296 p. (In Russ.)

12. Soldatova M.A. *Razvitie obshchestvennykh sportivnykh organizatsij Sankt-Peterburga i ih rol' v stanovlenii fizicheskoi kul'tury i sporta Rossii (konec XIX veka – 1917 god)* [Development of public sports organizations in St. Petersburg and their role in the development of physical culture and sports in Russia (the end of the 19th century – 1917)]: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2004. 198 p. (In Russ.)

13. Holkin V. *Istoriya sporta Sankt-Peterburga – Petrograda – Leningrada v znakah i zhetonah: plavanie* [History of sports of St. Petersburg – Petrograd – Leningrad in signs and tokens: swimming] // *Peterburgskij kollektioner* [Petersburg collector]. 2015. № 3. pp. 69–73. (In Russ.)

14. Holkin V. *Istoriya sporta Sankt-Peterburga – Petrograda – Leningrada (kon'kobezhnyj sport)* [History of sports of St. Petersburg – Petrograd – Leningrad (skating)] // *Peterburgskij kollektioner* [Petersburg collector]. 2014. № 6 (86). pp. 62–66. (In Russ.)

15. Glezerov S. *Modnye uvlecheniya blistatel'nogo Peterburga. Kumiry. Rekordy. Kur' ezy* [Fashionable hobbies of brilliant Petersburg. Idols. Records. Curiosities]. M.: Centrpoligraf, 2022. 622 p. (In Russ.)

16. *Medicina – kul'tura – miloserdie (v fotografii i dokumentah konca XIX – nachala XX vv.) / Kniga – al'bom* [Medicine – culture – mercy (in photographs and documents of the late 19th – early 20th centuries) / Book – album]. SPb.: Liki Rossii, 2002. 240 p. (In Russ.)

17. Veremenko V.A., Zhukova A.E. *Vospitatel'nye praktiki v dvoryansko-intelligentskikh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Educational practices in the noble and intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2020. 232 p. (In Russ.)

18. Ignat'ev V.E. *Fizicheskoe vospitanie: Gimnastika, sport, podvizhnye igry* [Physical education: Gymnastics, sports, outdoor games]. M.: Pol'za, 1912. 207 p. (In Russ.)

19. Grot YA.K. *Gimnastika v Peterburge* [Gymnastics in St. Petersburg] // *Deyatel'nost' literaturnaya, pedagogicheskaya i obshchestvennaya (stat'i, putevye vpechatleniya, zametki, stihy i detskoe chtenie). (1837–1889)* [Literary, pedagogical and social activities (articles, travel impressions, notes, poems and children's reading). (1837–1889)]. Vol. 5. SPb.: Tip. M-va putej soobshcheniya, 1903. pp. 260–265. (In Russ.)

20. Beneze G. *Otchet o zanyatiyah gimnasticheskogo zavedeniya dlya bol'nykh i zdorovykh v S.-Peterburge, s kratkim izlozheniem vliyaniya i pol'zy gimnastiki voobshche* [Report on the classes of the gymnastic institution for the sick and healthy in St. Petersburg, with a summary of influence and benefits of gymnastics in general]. SPb.: Tip. i lit. Paul'sona, 1864. 18 p. (In Russ.)

21. Grot YA.M. *Po povodu uchrezhdeniya gimnasticheskogo obshchestva v Sankt-Peterburge* [On the establishment of gymnastic society in St. Petersburg] // *Deyatel'nost' literaturnaya, pedagogicheskaya i obshchestvennaya (stat'i, putevye vpechatleniya, zametki, stihy i detskoe chtenie). (1837–1889)* [Literary, pedagogical and social activities (articles, travel impressions, notes, poems and children's reading). (1837–1889)]. Vol. 5. SPb.: Tip. M-va putej soobshcheniya, 1903. pp. 265–270. (In Russ.)

22. *Domashnyaya vrachebnaya gimnastika, dlya oboego pola i vsekh vozrastov, nachinaya ot 3-h i svyazhe 60-ti. Sostavlena po metodam SHrebera i Klossa. S prisovokupleniem pravil: bor'by, plavaniya, kataninya po l'du i gimnasticheskikh igr* [Home medical gymnastics, for both sexes and all ages, from 3 to over 60. Compiled according to the methods of Schreber and Kloss. With the addition of rules: wrestling, swimming, ice skating and gymnastic games]. M.: Tip. T. Volkova i Ko, 1858. 191 p. (In Russ.)

23. Makel'. *Gigienicheskie etyudy o zdorov'e, krasote i schastii zhenshchiny* [Hygienic sketches about health, beauty and happiness of woman]. M.: Tip. T. Volkova i Ko, 1860. 105 p. (In Russ.)

24. Lesgile A. *Rukovodstvo dlya gubernеров i gubernantok* [Guide for tutors and governesses]. SPb.: Tip. Neklyudova, 1870. 309 p. (In Russ.)

25. D'yakovskij V.F. *Obshchie osnovaniya k programme gimnastiki dlya zhenskikh uchebnykh zavedenij Imperatricy Marii* [General grounds for the gymnastics program for women's educational institutions of the Empress Maria]. SPb.: Tip. Arngol'da, 1876. 13 p. (In Russ.)

26. *Pyatidesyatletie S.-Peterburgskoj Aleksandrovskej zhenskoj gimnazii: Hronika gimnazich. zhizni i deyatel'nosti* [The 50th anniversary of the St. Petersburg Alexander Women's Gymnasium: Chronicle of the gymnasium life and activity]. SPb.: M-vo put. soob., 1910. 75 p. (In Russ.)

27. Veremenko V.A. *Podgotovka dvoryanok k hozyajstvennoj deyatel'nosti v sem'e v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.* [Preparation of noblewomen for economic activities in family in Russia of the second half of the 19th – early 20th centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. 2014. № 4. pp. 62–75. (In Russ.)

28. Aksyonova A.V. *Idei social'nogo razvitiya mladshih shkol'nikov v processe fizicheskogo vospitaniya v teorii i praktike* P.F. Lesgaf'ta i V.S. Pirusskogo [Ideas of social development of junior schoolchildren in the process of physical education in theory and practice of P.F. Lesgaf't and V.S. Pirussky] // *Vestn. Tom. gos. un-ta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2013. № 375. pp. 130–134. (In Russ.)

29. Voroncova V.G. *Pedagogicheskaya valeologiya i gumanizaciya obrazovaniya: istoriko-pedagogicheskie aspekty* [Pedagogical valueology and humanization of education: historical and pedagogical aspects] // *Istoriya pedagogiki segodnya* [History of Pedagogy Today] / pod red. V.G. Voroncovoj. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta pedagogicheskogo masterstva, 1998. pp. 120–129. (In Russ.)

30. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki (OR RNB)* [Department of Manuscripts of Russian National Library (OR RNB)]. F. 163 – Vtorovy. D. 313.

31. OR RNB. F. 163. D. 316.

32. OR RNB. F. 163. D. 322.

33. Adamchevskij V.N. *Kak ya sdela'sya zdorovym* [How I became healthy] // *Gerkules* [Hercules]. 1914. № 4. pp. 6–8; № 5. pp. 20–22. (In Russ.)

34. TSander R. *Telesnye uprazhneniya i ih znachenie dlya zdorov'ya* [Body exercises and their importance for health] / *Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu «Sputnik zdorov'ya»* [Free supplement to the journal "Health Companion"]. 1901. № 2. SPb.: Tip. tov-va «Narodnaya pol'za», 1901. 98 p. (In Russ.)

35. *Sport na vse vremena goda* [Sports for all seasons] / sost. Gr. F-t. SPb.: Tip. Sojkina, 1895. 198 p. (In Russ.)

36. *ZHenshchina i velosiped* [Woman and bicycle] // *Kosmetika. Populyarno-nauchnyj i hudozhestvennyj zhurnal, posvyashchennyj gigiene i estetike tela, uhodu za krasotoj, racional'noj kosmetike i parfjumernomu iskusstvu* [Cosmetics. Popular science and art magazine dedicated to hygiene and aesthetics of the body, beauty care, rational cosmetics and perfume art]. 1909. № 11. pp. 132–133. (In Russ.)

37. Rejtlinger N.A. *Desyat' let deyatelnosti «Mayaka»* [Ten years of “Mayak” activity]. SPb.: Tip. glav. upr. Udelov, 1911. 44 p. (In Russ.)

38. *Svedeniya o gimnasticheskom otdelenii obshchestva «Mayak»* [Information about the gymnastic department of the “Mayak” society]. SPb.: Tip. glav. upr. udelov, 1913. 8 p. (In Russ.)

39. *Velosipednyj sport* [Cycling]. 1895. № 34. (In Russ.)

40. Kolotilov L.V. *Na velospede: Zapiski turista* [By bike: Notes of a tourist]. SPb.: izd. avt. Parovayatipo-lit. M.M. Rozenoer, 1898. 184 p. (In Russ.)

41. *Russkij sport* [Russian sport]. 1912. № 49. (In Russ.)

42. Gorbachev V.N. *CHto takoe Varnavinskoe obshchestvo trezvosti?* [What is the Varnavinian Temperance Society?]. M.: Tipografiya Holmskogo Svyato-Bogorodickogo Bratstva, 1916. 16 p. (In Russ.)

43. Antonovich M., Krest'yanson V. *Sport i gimnastika. Po povodu pis'ma A. Rodde* [Sport and gymnastics. On the letter of A. Rodde] // *Russkij sport* [Russian sport]. 1912. № 44. pp. 5–7. (In Russ.)

44. Volkova M.M. *O vliyanii velosipeda na zdorov'e zhenshchiny. Dve lekcii* [On the impact of cycling on women's health. Two lectures]. SPb.: Tip. V.S. Balasheva i Ko, 1897. 98 p. (In Russ.)

45. Le-Breton L.R. *Prevzoidyot li kogda-libo zhenshchina v sporte muzhchin?* [Will women ever surpass men in sports?] // *Russkij sport* [Russian sport]. 1912. № 33. pp. 18–19. (In Russ.)

46. Ka N. *Moskovskie damy – velosipedistki* [Moscow ladies – cyclists] // *Velosiped* [Bicycle]. 1895. № 1. P. 10. (In Russ.)

47. *Sportivnyj listok S.-Peterburgskogo kruzhka lyubitelej sporta* [Sports sheet of the St. Petersburg circle of sports fans]. 1911. 9 iyulya. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.07.2022

Одобрена после рецензирования 18.08.2022

Принята к публикации 25.08.2022

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научная статья
УДК 930(470+475)"19"
ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени
03.23.07: Историография и источниковедение Истории России
DOI 10.35231/25422375_2022_3_103

Отражение национальной политики Российской империи на среднеазиатских окраинах в трудах русских востоковедов (конец XIX – начало XX в.)

С. Н. Брежнева

В статье анализируется национальная политика Российской империи на присоединенных территориях Средней Азии. Основное внимание уделено ее оценке в трудах русских востоковедов. Включение в состав Российской империи огромного мусульманского региона закономерно активизировало интерес отечественных ученых к местному населению. При этом необходимо подчеркнуть направленность материалов русских авторов на обоснование «цивилизаторской миссии» России по отношению к отсталым народам. В дореволюционных работах идея о высокой цивилизаторской миссии русского народа широко распространялась и как бы служила аргументацией для объяснения необходимости нести «блага» «непросвещенным народам». С этой точки зрения анализировалась и национальная политика, проводимая российскими властями. Отношение рассматриваемых авторов к национальной политике не носило однозначного характера. А в начале XX в. в работах востоковедов преобладала критика действий российской администрации.

Ключевые слова: Российская империя, Средняя Азия, национальная политика, ислам, труды русских востоковедов, критика.

Для цитирования: Брежнева С.Н. Отражение национальной политики Российской империи на среднеазиатских окраинах в трудах русских востоковедов (конец XIX – начало XX в.) // История повседневности. 2022. № 3. С. 103–123. DOI 10.35231/25422375_2022_3_103

В настоящее время в рамках исследования имперской проблематики историки дискутируют по поводу влияния Российской империи на народы, проживающие на присоединенных территориях. Нередко в адрес России звучат обвинения, особенно со стороны представителей бывших советских республик, в геноциде и пагубном влиянии на население ее национальных окраин. Для беспристрастного ответа на вопрос, хорошо или плохо было народам присоединенных территорий в составе Российской империи, небесполезно обращение к мнению русских историков, являвшихся живыми свидетелями происходящих событий. В полной мере это относится к среднеазиатским окраинам России.

Национальной политике России рубежа XIX–XX вв. посвящено немало исследований. В советский период эта проблема рассматривалась в русле утвердившейся концепции «добровольного присоединения и его прогрессивного значения». Для работ тех лет характерно затушевывание негативных моментов российской политики и развитие формулы прогрессивных последствий присоединения Туркестана к России, выразившихся «в великой дружбе с русским пролетариатом», оказавшим огромное влияние на среднеазиатские народы. Советские историки вынуждены были отталкиваться от этого положения и следовать сложившимся установкам [1–3].

После распада СССР в 90-х годах прошлого века отечественные историки стали проявлять интерес к имперской проблематике, и в частности – к проводимой Российской империей на ее окраинах национальной политике. По мнению большинства историков, писавших о российской политике в Туркестанском крае, русская администрация проводила на осваиваемой территории политику гражданского равенства и распространения прогрессивной культуры [4–6]. Конечной целью национальной политики Российской империи авторы называли органичное включение национальных окраин в ее состав [7]. Однако наряду с заверениями об исключительно положительных последствиях российского присутствия в Туркестане, в историографии того периода встречается и критика национальной политики России, проводимой на окраинах [8].

В начале XXI в. наблюдается всплеск интереса историков к национальной политике Российской империи, проводи-

мой ею на присоединенных территориях. Не последнюю роль здесь сыграло появление большого количества работ историков Ближнего зарубежья, негативно оценивавших российское присутствие на территории Средней Азии. За двадцать лет российскими историками написано немало интересных полновесных работ, так или иначе затрагивавших национальную политику Российской империи на территории Туркестана [9–13].

Безусловно, историки, работавшие над среднеазиатской проблематикой, обращались к трудам дореволюционных русских востоковедов. Историографическому анализу посвящено несколько монографий [14–16]. Однако исследований, рассматривавших национальную политику Российской империи в работах дореволюционных востоковедов, явно недостаточно. Заполнение образовавшегося пробела и побудило автора настоящего исследования обратиться к данной теме.

Завоевание и присоединение к России среднеазиатских территорий привело не только к знакомству русских с многочисленными народами, проживавшими здесь, но и к столкновению с иным религиозным фундаментом, базировавшимся на исламе. Конечно, Российская империя была уже знакома с мусульманской идеологией, в ее составе находились башкиры, а обладая опытом Кавказской войны, русские имели представление о совершенно другом мировосприятии приверженцев ислама. Но в Средней Азии находился центр мусульманского мира – Бухарский эмират, и Россия обязана была с этим считаться. Поэтому ни о каком православном миссионерстве не могло быть и речи, более того, изначально первым туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом (1867–1881) была провозглашена политика «игнорирования ислама». Она подразумевала невмешательство русских властей во внутренние дела мусульманской общины, а также недопущение на территорию края христианских миссионеров.

Отношение к данной политике у русских востоковедов различное. Одни считали ее единственно верной в тех условиях, другие критиковали. Надо отметить, что к первым в основном относились те, кто писал о русской национальной политике в Туркестане в XIX в., ко вторым – представители более

позднего периода начала XX в., когда уже стало возможным подведение определенных итогов.

Правда, несмотря на официальные заверения о невмешательстве, туркестанские власти, игнорируя исламские институты, как политическую силу, тем не менее, устанавливали за ними государственный контроль. Так, согласно «Положению 1867 г. об управлении Туркестанским краем», была упразднена мусульманская судебная должность казы-кеяна, а также раисов, наблюдавших за исполнением правил шариата. Власти пошли также на отмену закята (обязательного ежегодного налога), являвшегося одним из пяти столпов ислама. С целью ослабления влияния мусульманских авторитетов на простой народ, Кауфман ввел на территории Туркестана выборность судей – казиев, которым мог стать и светский человек.

Однако по истечении времени российская администрация получила обратный результат. Русский чиновник, участник среднеазиатских походов, автор ряда очерков по истории Туркестана Ю.Д. Южаков в своей работе «О земских начальниках в Туркестане» подчеркивал, что влияние ислама нигде так не выражается, как в шариатских судах. «Суд их, шариатский для них родной и понятный» [17, с. 3] – писал он. Поэтому попытка ввести в жизнь мусульманских судов выборное начало, привела к плачевным последствиям. Не было случая, чтобы «туземцы» добровольно обратились в русский суд, поскольку они дорожили своими судами.

Произведение известного русского историка, этнографа и географа М.И. Венюкова «Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878 гг.» можно назвать оппозиционным российскому правительству. Оно было написано за границей с использованием широкого круга источников, в том числе и «полуофициальных», по выражению автора. Уже в предисловии автор с сожалением отмечает неудовлетворительное состояние исторической науки в Российской империи: «Деспотическое правительство, подвергая цензуре книги, выходящие в России, делает невозможным появление у себя дома сочинений, которые бы знакомили с действительным содержанием русской исторической жизни» [18].

Труд содержал критику российской национальной политики в Туркестане. Венюков приводил факты злоупотреблений русских властей, из чего следовал вывод о слабости русской колонизации и ненадежности мусульманского населения [18, с. 275–276]. Звучало также предупреждение о возможности всеобщего восстания местного населения [18, с. 264].

Весьма любопытны взгляды Венюкова на ислам и контакты с исповедующим его местным населением. Первоначально он видел в этой религии препятствие для российского проникновения в Туркестан, именуя мусульман «хищниками», которых предстоит «смягчить и умиротворить». В дальнейшем же его взгляды несколько изменились, и в исламе он разглядел новые ресурсы, считая, что с его помощью не исключено создание в среде местного населения ориентированной на Россию торговой прослойки для укрепления ее позиции в Туркестане [19, с. 64].

По своей политической направленности историческая концепция Венюкова была ориентирована на показ неспособности Российской империи обеспечить национальные интересы, как русского, так и всех остальных народов России. Тем не менее, Венюков признавал позитивные перемены, которые происходили в Средней Азии после присоединения ее к России. Одним из главных прогрессивных последствий он считал распространение в этом крае европейской науки. В одной из своих работ он подчеркивал, что только включение данного региона в состав России дало возможность беспрепятственно изучать Среднюю Азию, что до этого науке было недоступно [20, с. 71].

Основным оппонентом Кауфмана и его политики «игнорирования ислама» являлся первый военный губернатор Туркестанской области, а после смерти Кауфмана туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев (1882–1884). Он выступал за активное сотрудничество с исламской элитой, полагая, что в союзе с ней легче будет примирить местное население с новой властью. На назначение «ташкентского льва» на высокую должность мусульманская верхушка возлагала большие надежды. О ее особом отношении к Черняеву писали и занимавший в Туркестанском крае различные должности по военному народному управлению подполковник Уральского казачьего

войска А.П. Хорошхин [21, с. 24], и востоковед Н.П. Остроумов [22]. Позже, изучив все документы и переписку того времени, российский военный историк А.Г. Серебренников свидетельствовал, что Черняеву удалось вполне «замирить город не силой, а введением основ самоуправления и полного невмешательства в религиозные дела» [22]. «Устроителем шариатской политики» назвал его тайный советник Г.П. Федоров, почти сорок лет прослуживший в Туркестанском крае [23, с. 437].

В январе 1884 года по распоряжению М.Г. Черняева была образована Комиссия для выработки проекта особого духовного управления для мусульман края, которая состояла из мусульманских богословов и правоведов. Однако проекту не суждено было осуществиться, т.к. после отставки Черняева Комиссия была распущена, а вопрос о местном духовном управлении был передан для решения в Министерство внутренних дел.

Государственный принцип Российской империи по управлению национальными окраинами не включал в себя обращение в православие присоединенных народов. Поэтому русская администрация и руководство Русской православной церкви заняли отрицательную позицию в отношении христианизации народов Средней Азии. Однако российская администрация стремилась воспрепятствовать распространению ислама среди киргизов-кочевников. Так, дипломатический чиновник при оренбургском и самарском генерал-губернаторе М.Н. Галкин в своей записке «Некоторые замечания о киргизах в отношении их к России» писал: «Киргизы не имеют никакой религии, но они считают себя мусульманами, однако, большая их часть не имеет представления об этой религии» [24, л. 4]. Между тем, они считались подданными России, хотя сами называли себя подданными эмира. Поскольку Бухарский эмират представлял собой центр мусульманского фанатизма, то приверженность кочевому населению мусульманской вере, как считал М.Н. Галкин, представляла собой большую опасность для России.

Участник среднеазиатских походов, этнограф и военный писатель, полковник А.П. Хорошхин, статьи которого печатались в начале 70-х гг. XIX в. в «Военном сборнике» и в газете «Туркестанские ведомости», также был уверен в угрозе пропаганды ислама среди горного кочевому населения, еще полно-

стью не определившегося в своих религиозных пристрастиях. Он писал о необходимости упрочения русского влияния среди тех народов, которые уже находились в русском подданстве, «иначе цель правительства – умиротворить край, – не будет достигнута» [21, с. 25].

Хорошхин был уверен в том, что до прихода русских Средняя Азия была отсталой страной именно из-за мусульманского духовенства, которое «держало все в замкнутости». Без России, уверен автор, Средней Азии «никогда бы не проснуться, и участь ее – оставить по себе лишь кучи глины – была бы неизбежной» [21, с. 11]. По свидетельству А.П. Хорошкина, с приходом русских дороги для продвижения караванов стали безопасны, было уничтожено рабство. Началось интенсивное исследование края, возросла конкуренция в торговле. Являясь сторонником жестких мер по отношению к среднеазиатскому населению Хорошхин считал, что «только постоянным успехам оружия, сделавшим русское имя грозным и уважаемым во всей Средней Азии» [21, с. 24] русские обязаны своему влиянию на туземцев.

А.П. Хорошхин был участником военных походов на Бухару (1868 г.), Хиву (1873 г.) и Коканд (1875 г.). В 1875 г. после установления над Хивинским ханством протектората состоял в составе Совета, учрежденного при хивинском хане. В последнем походе при взятии Кокандской крепости Махрам (1875 г.) он был убит. После гибели все его статьи были собраны и изданы по распоряжению Кауфмана в виде сборника, который содержит разнообразные и интересные сведения о Туркестанском крае.

Из преемников К.П. фон Кауфмана, пожалуй, только генерал-губернатор Н.О. фон Розенбах (1884–1889) проявил внимание к вопросу о противодействии исламизации кочевников. В июле 1884 г. при нем была образована специальная комиссия под председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской области генерал-майора Н.И. Гродекова, считавшегося знатоком кочевого населения Туркестана. Гродеков предлагал не разрушать «родового начала», напротив, способствовать употреблению обычного права (адата) в противовес шариату. Параллельно же предлагалось представить кочевникам русский суд как форму «конечную и наиболее желательную».

От своих подчиненных Н.И. Гродеков требовал знание местных языков, «настаивал на сознательном усвоении ими языка, быта, верований туземного населения, чтобы быть ближе к последнему и понимать его нужды и желания» [25, с. 144]. Относясь к своим обязанностям военного губернатора очень ответственно, он часто ездил по области, так как «с недоверием прочитывал донесения уездных начальников» [23, с. 455].

Одним из важнейших направлений своей деятельности на посту военного губернатора Н.И. Гродеков считал создание сборника нормативных положений обычного права – адата. С целью сбора сведений был выбраны филолог и историк А.Н. Вышнегорский, владевший казахским, узбекским и персидским языками и известный знаток Туркестана В.П. Наливкин, разработавший программу сбора постановлений адата. В результате трудоемкой и кропотливой работы в 1889 г. в Ташкенте вышла книга «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» [26], за которую Н.И. Гродеков был избран в действительные члены Русского географического общества. Однако результаты работы комиссии, выработавшей ряд полезных идей и решений, реализованы не были.

В 1886 г. при Розенбахе было утверждено «Положение об управлении Туркестанским краем», которое вводило независимые от туркестанской администрации областные суды и прокурорский надзор при них [27, с. 329]. На основе «Положения» российские власти изъяли большое количество земель, принадлежавших кочевому населению, и создали земельный фонд для раздачи русским поселенцам [27, с. 341]. Это привело к падению авторитета российской власти в Туркестане и снижению ее контрольных функций. Военный востоковед, генерал М.А. Терентьев, прослуживший в Туркестане сорок лет, считал причиной этого ослабление роли военных в управлении краем и недостаточный контроль над деятельностью мусульманского духовенства [28, с. 485–486].

Осложнение отношений с мусульманской элитой и духовенством произошло при туркестанском генерал-губернаторе А.Б. Вревском (1889–1898), требование которого произносить «молитву за царя» при чтении намаза, вызвало резкое неприятие со стороны мусульман. При нем в Ташкенте в 1892 г. разразился «холерный бунт», а затем в 1898 г. кровопролитное

Андижанское восстание, носившее ярко выраженный антирусский характер. Разобраться в причинах восстания предстояло новому генерал-губернатору С.М. Духовскому (1898 – 1 января 1901). Им был представлен Всеподданнейший доклад Николаю II «Ислам в Туркестане», который содержал анализ причин неудачной национальной политики российской власти в Туркестане. В докладе был сделан вывод о том, что в силу враждебности мусульманской религии христианской культуре «дальнейшее игнорирование мусульманства представляется не только нежелательным, но и невозможным» [29, л. 7]. Реляция содержала предложение о выработке плана отношения к исламу, который включал в себя упразднение всех мусульманских духовных управлений и передачу их функций центральному управлению.

С.М. Духовским была создана Комиссия, которая предлагала учредить в Туркестанском крае муфтиат, управлявший религиозными делами мусульман. Военный министр А.Н. Куропаткин также высказался за контроль над действиями мусульманского духовенства. Однако все эти предложения остались нереализованными из-за медлительности российской бюрократии. К тому же сказались опасения туркестанской администрации, что муфтиат может стать центром панисламистской и пантюркистской пропаганды. На ситуацию повлияло и противостояние МВД и Военного министерства. Первое ведомство настаивало на подчинении Туркестана общеимперским порядкам, а второе не хотело терять потенциальное «наместничество». Таким образом, официальный Петербург не признал целесообразным создание муфтиата в Туркестанском крае. Все попытки организовать государственное управление туркестанскими мусульманами оказались тщетными. «Игнорирование ислама» оставалось генеральной линией конфессиональной политики российских властей в регионе.

С этого периода русские ориенталисты стали демонстрировать более критичное отношение к произошедшим в Туркестане изменениям, связанным с проведением национальной политики русской властью.

В этом плане показательны произведения русского этнографа и исследователя Туркестана, участника среднеазиатских военных походов В.П. Наливкина. Его известный труд

«Туземцы раньше и теперь» является плодом 40-летнего наблюдения за коренным населением. В.П. Наливкин одним из первых дореволюционных исследователей, объявил о своем негативном отношении к существовавшему в Туркестане режиму правления, считая его чрезмерно жестким и подверженным коррупции [30, с. 60]. Владимир Петрович считал, что представители русской администрации сами виновны в том, что «туземцы» перестали им повиноваться. Не зная местного языка, русские не хотели его учить, довольствуясь услугами невежественных переводчиков. Таким образом, расширялась пропасть между русской местной администрацией и народом, «а между ними выросла стена, состоящая из туземной администрации, торгашей и переводчиков» [30, с. 73].

Сам В.П. Наливкин являл собой пример настоящего просветителя, знатока местных обычаев. Ведя преподавательскую деятельность в учительской семинарии, он разработал курсы узбекского и таджикского языков, создал первый учебник русско-туземных школ, написал «Краткую историю Кокандского ханства», основанную на местных письменных источниках, и потому представлявшую большую ценность для востоковедов, издал первый на узбекском языке очерк русской истории. Совместно с супругой Марией Наливкин написал «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда». Кроме того, из-под его пера вышли «Сартовско-персидская хрестоматия», «Руководство к практическому изучению сартовского языка», «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь».

За шесть лет преподавания в учительской семинарии В.П.Наливкин сумел продуманно организовать занятия с семинаристами и внушить им интерес и даже любовь к культуре и нравам коренного населения Туркестанского края. Поэтому он имел полное право требовать от представителей местной администрации соблюдения обычаев и языка коренных народов, ему особенно хорошо были видны все изъяны в управлении краем.

Наливкиным был сделан вывод, что за 40 лет влияние русских в Туркестане неизмеримо ослабло, что сказалось «в крупном шаге к объединению всего местного мусульманского на-

селения под влиянием иноземного владычества» [30, с. 75]. «Мы своими руками – писал Наливкин, – неустанно утолщали эту живую стену, уже стоявшую между нами и народной жизнью; мы искусственно плодили клику мошенников, нагло обворовывавших нашу подслеповатую, глухую, немую и не совсем чистую на руку администрацию, мошенников, ловко отводивших глаза этой администрации от всего того, что ей следовало бы видеть и знать» [30, с. 73].

Еще одним автором, осуждавшим действия центральной и местной администрации в Средней Азии, являлся писатель и военный публицист, востоковед Д.Н. Логофет. Дмитрий Николаевич стал одним из первых европейских исследователей Закаспийской области, а после создания в 1897 г. Туркестанского отдела Русского Географического общества активно участвовал в его работе. Зная, что ему предстоит нести службу в Средней Азии, Логофет закончил курсы восточных языков в Санкт-Петербургском археологическом институте, что дало ему возможность общаться с местным населением без переводчиков. Наблюдая во время инспекционных поездок за жизнью жителей Бухарского эмирата, Логофет описал свои впечатления в многочисленных заметках, написанных в форме исторических очерков.

В масштабной работе «Бухарское ханство под русским протекторатом» он, проанализировав состояние эмирата по прошествии нескольких лет с момента установления протектората, отмечал ослабление русской власти [31, с. 14]. Логофет повествовал также о бесправном положении коренного населения в Бухарском эмирате, о произволе бухарской администрации, которая далека была от мысли совместного существования с Россией. Обо всем этом он писал в произведении «Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние» [32], которое специально было посвящено вниманию III Государственной думы. Эти книги в пике России были переведены на английский язык и изданы в Англии. После того, как об этом стало известно эмиру Бухарскому, разразился скандал. По настоянию Министерства иностранных дел Д.Н. Логофет был подвергнут аресту на 121 сутки. Лишь по ходатайству туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта П.И. Мищенко (1908–1909), дело против

него было прекращено с объявлением ему Высочайшего выговора.

Анализируя состояние Бухарского эмирата по прошествии нескольких лет с момента установления протектората России, Логофет критиковал министерство иностранных дел за то, что оно выступило против открытого вмешательства русских во внутренние дела Бухары [32, с. 142, 168, 169–170]. Большой вред, по его мнению, принесло игнорирование мнения людей, хорошо изучивших ситуацию в среднеазиатском регионе. Ссылаясь на М.А. Терентьева, Логофет отмечал, что в свое время правительством было проигнорировано мнение генерала Черныева о присоединении Бухарского эмирата к России, что повлекло за собой негативные последствия [31, с. 10]. Стремясь доказать неизбежность присоединения Бухары к России, автор в самых мрачных тонах рисовал внутреннее положение эмирата, рассказывал о тяжелой жизни народных масс, называл бухарцев «вымирающим народом» [32, с. 8–9, 207], обвинял Россию в том, что она «...за 40-летний период своего протектората действительно почти ничего не сделала в Бухаре» [32, с. 142].

Наблюдая жизнь в эмирате Логофет отмечал активизацию ислама, что, по его мнению, могло представлять опасность для России. Например, в очерке «Через Бухару» он описывал дервишей, замечая, что «большинство русских мало знакомых с краем и мусульманством, склонны относить дервишей к числу безобидных русских юродивых» [33, с. 210]. Однако дервишские ордена имеют огромное влияние на мусульманское население всего Востока, составляя главные очаги религиозного фанатизма. Опираясь на мнение очевидца, Логофет предупреждал о возможности антирусского восстания, так как ему, как правило, всегда предшествовало появление большого числа дервишей.

Логофет предпринял попытку анализа роли и характера административных реформ, проведенных Россией в Бухарском эмирате после завоевания. Причинами ослабления русской администрации Логофет называл: некомпетентность некоторых политических деятелей, половинчатость реформ, несоблюдение местных традиций.

Логофет считал, что Россия не имеет нравственного права закрывать глаза на все то, что делалось бухарским правитель-

ством в ханстве под прикрытием русской власти. Однако действовать нужно осторожно, чтобы не допустить какого-либо взрыва в Бухаре. Логофет был уверен в том, что Бухарский эмират все равно станет частью России, но инициатива должна исходить от нее.

В начале XX в. нерешенные проблемы Туркестанского края стали усугубляться, оказывая влияние на изменение национальной политики. Туркестанская администрация все чаще стала оглядываться на мусульманское мировоззрение и культуру как на обязательную и составляющую часть жизни жителей Туркестана. Отсюда и усиление внимания к национальным проблемам со стороны востоковедов.

Выдающийся востоковед и педагог Н.П. Остроумов в своей работе «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае», изданной в 1910 г. и вошедшей в «Кауфманский сборник», провел анализ всей деятельности русской администрации, начиная со времени завоевания края. Остроумов с грустью констатировал, что за более чем 40-летний период российская власть не только не укрепила своих позиций относительно мусульманского населения, но и значительно ослабила их. Так политика игнорирования и отсутствие контроля за мусульманским обучением привела к активизации деятельности мусульманского клерикализма. Остроумов настаивал на том, что носителем знаний должна быть именно русская школа, а представители коренного населения должны понимать, что мусульманское образование не может предоставить тех знаний, которые необходимы им для службы на благо Российской империи [34, с. 146].

В качестве основных причин провала имперской национальной политики в Туркестане Остроумов назвал игнорирование русскими администраторами духовного склада коренного населения: «Многие администраторы в Туркестане даже не считали нужным придавать Корану, Шариату и мусульманской школе значение в культурной жизни туземного населения...» [35]. Остроумов считал ошибкой Кауфмана ориентацию на политику «игнорирования ислама», так как через 50 лет русского правления в Туркестане, «мы не увидим ни ослабления в крае мусульманской культуры, ни сближения туземцев Туркестана с Россией» [35].

С опасением Н.П. Остроумов писал о джадидах, которые, по его мнению, враждебно относились к проникновению русской культуры в мусульманский мир [34, с. 155]. Николай Петрович не раз подчеркивал, необходимость уделять большее внимание мактабам и медресе, где работают местные учителя. Их следовало взять под контроль, иначе они попадут под влияние людей, стремящихся к единению мусульманского мира.

Остроумов утверждал, что мусульманские школы, при отсутствии контроля за ними со стороны русской администрации, значительно окрепли в последние годы и стали рассадником ислама. Это привело к возвращению в ислам ранее «крещеных инородцев» и даже к переходу в мусульманство русских людей [34, с. 154]. О таких случаях красноречиво свидетельствовало письмо Епископа Туркестанского и Ташкентского Дмитрия на имя туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа А.В. Самсонова от 10 Марта 1910 г. [36]. Не разрешило назревшей проблемы, по мнению Остроумова и создание русско-туземных школ.

Н.П. Остроумов являлся одним из известных специалистов в области изучения ислама. Он начал заниматься изучением мусульманской религии еще в Казанской духовной академии, где учился, а потом работал. С 1877 г. Остроумов жил в Ташкенте, где и проходила его многолетняя служба – сначала в должности инспектора народных училищ, затем директора учительской семинарии (с 1879 г.), директора мужской классической гимназии (с 1889 г.) и вновь учительской семинарии. С 1883 по 1917 г. он являлся также редактором «Туркестанской туземной газеты». Оказавшись в Туркестанском крае в новом для себя качестве, Остроумов вынужден был отойти от миссионерской деятельности, т.к. миссионерство и русификация в Туркестане не поощрялись. Свои русификаторские взгляды Остроумов направил в сторону теоретического осмысления и изучения ислама с учетом колониальных требований туркестанской администрации.

Будучи сторонником «цивилизаторской миссии» русско-го народа по отношению к туземцам, Остроумов всегда подчеркивал, что мусульмане не могут быть дружественны хри-

стианской религии. Он также неоднократно предупреждал об опасности укрепления ислама в Туркестане. С точки зрения Остроумова, русская администрация должна была выработать «такие отношения к туземному населению, которые бы не особенно стесняли его и в то же время были бы согласны с основными государственными интересами России» [37].

Признавая миссионерскую деятельность в Туркестане преждевременной, Остроумов, тем не менее, не отказывался от нее в будущем. Этой теме посвящено несколько его публикаций, направленных на разъяснение того, какую опасность несет России ислам в будущем и как необходимо положить предел его опасной пропаганде не одними только просветительскими, но и миссионерскими мерами.

Призывая русскую администрацию не допускать в дальнейшем колебаний во взглядах на мусульманский вопрос, Н.П. Остроумов просил русское правительство принять ряд мер для разрешения негативной ситуации в миссионерском деле. При этом на его взгляд, выработанные положения должны были согласовываться, «с одной стороны, с законом о веротерпимости, а с другой – с достоинством тысячелетней истории и с будущим господством русского православного народа» [37].

Подводя итог российскому присутствию в Туркестане Остроумов писал: «Да простят мне соотечественники мое искренно-скорбное заключительное слово: огромное большинство нас – плохие культуртрегеры, не только не подготовленные к своей службе в иноплеменном и иноверном крае, но и не стремящиеся выходить из узкой рамки чиновников, смотрящих на службу в Туркестане, как на этап в своей служебной карьере» [34, с. 160].

Историк-востоковед мирового уровня В.В. Бартольд, оценивая национальную политику России в Туркестане, полагал, что отсутствие взаимопонимания между христианами и мусульманами базировалось на завоевании и насилии. Особенно предостерегал он против попыток видеть в «мусульманском фанатизме» причину культурной отсталости народов, попавших под русское владычество, всячески отстаивая и защищая самоценность исламской цивилизации и культуры.

Бартольд считал изучение мусульманской культуры и местных языков обязательным условием для русских администраторов, управлявших Туркестаном. Нежелание же изучать местные языки по свидетельству Василия Владимировича объяснялось тем, что общение чиновника с местным населением на их языке приведет «к умалению престижа русской власти» [38, с. 184].

Бартольдом был создан целый ряд блестящих, тщательно документированных и обобщающих работ по истории исламской цивилизации и исламу, по истории и культуре Туркестана. Его труды «Культура мусульманства», «Ислам», «Мусульманский мир» и многие другие во многом изменили представление об исламской цивилизации в целом. В своих работах он неоднократно затрагивал проблему российско-туркестанских отношений, стремясь рассмотреть не только историю, но и их перспективу с учетом вхождения в состав России народов Туркестана.

В 1912 г. В.В. Бартольд, будучи профессором Санкт-Петербургского университета, членом-корреспондентом Академии наук и благодаря своим работам по истории Средней Азии уже всемирно известным ученым, возглавил солидный и авторитетный журнал «Мир ислама», в котором должны были публиковаться сведения о жизни мусульман в России. Находясь во главе этого издания, Бартольд пытался донести до широкой читающей публики не только свои научные, но и политические взгляды. Он обращал внимание правительства на недостаточное знание ислама в России, где общественное мнение воспринимало мусульманскую религию, как ретроградную и фанатичную. Однако через год ученый был отстранен от этой должности за публикацию ряда статей, в которых он ратовал за изучение русского языка и русской литературы всеми народами, входящими в состав Российской империи. Его обвинили в «национализме».

Труды Бартольда были в большинстве своем написаны еще до революции, но некоторые из них увидели свет уже в период становления советской власти. Безусловно, они явились интеллектуальным прорывом в обстановке тенденциозного политизированного единообразия. Сам же автор обладал большим авторитетом как в высших властных структурах,

так и в просвещенном обществе, причем не только русского, но и среди мусульманской интеллигенции.

Русские востоковеды, так или иначе касавшиеся в своих трудах национальной политики русской администрации в Средней Азии, не сомневались в том, что исламский фактор являлся ключевым во взаимоотношениях российской власти и местного населения. Он пронизывал практически все сферы жизни коренных народов, и поэтому должен был иметь значительное влияние на действия местной администрации. Однако это не всегда имело место. Объяснение ислама через призму православного христианства, христианских ценностей и господствующих традиций европейской цивилизации завело представителей российской администрации в тупик. Иногда подчеркивалась ограниченность мусульманской религии по сравнению с христианской.

В начале XX в. исследователи прямо указывали на недостаточное знание чиновниками местных обычаев и языка, что можно считать одним из решающих факторов провала русской национальной политики в Туркестане. Работы русских востоковедов содержат критику действий русской администрации за бездействие, позволившее мусульманам поднять голову. Андижанское восстание можно считать рубежом, после которого была предпринята попытка изменить «политику игнорирования» ислама, т.к. стала очевидной ее несостоятельность. Однако изменений не последовало, и русские востоковеды высказывали опасения относительно укрепления мусульманской религии. По их мнению, сложившееся пренебрежение к огромному влиянию ислама как образу всей жизни мусульманского населения края (или порой даже неосознанность такого положения дел) свела на нет все результаты проводимой национальной политики Российской империи.

Список литературы

1. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). – М.: Издательство восточной литературы, 1960. 272 с.
2. Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. – Душанбе: Ирфон, 1977. 207 с.
3. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35–47.
4. Киняпина Н.С. Средняя Азия в планах и действиях России в 60–80-е годы XIX в. // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. – М.: ИРИ, 1995. – С. 127–142.

5. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917): по архивным материалам. – Елец, 1998. 320 с.

6. Корнеев В.В. Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. – 2001. – № 7. – С. 56–70.

7. Васильев Д.В. Становление и развитие системы управления Туркестанского края 1865–1886 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1999. 290 с.

8. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130–142.

9. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). – М., 2004. 287 с.

10. Бороздин С.С. Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867–1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2012. 25 с.

11. Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан. (По архивным, правовым и иным источникам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. 538 с.

12. Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. – М.: Изд. РОССПЭН, 2018. 638 с.

13. Волков И.В. Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам). – М.: Авторская Акад., 2018. 583 с.

14. Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: «Фан», 1965. 408 с.

15. Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. – М.: Изд. МГУ, 1981. 128 с.

16. Брежнева С.Н. Проблема присоединения Туркестанского края в дореволюционной историографии. – Тольятти: Изд. ПТИС, 2002. 141 с.

17. Южаков Ю.Д. О земских начальниках в Туркестане. – Ташкент: Типо-лит. С.И. Петухова, 1894. 58 с.

18. Венюков М.И. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878: в 4 т. Лейпциг, 1878–1880. – Т. 1: Общий взгляд на эпоху; Перемены в составе государства; Международное положение в России. – Лейпциг: [б. и.], 1878. 431 с.

19. Венюков М.И. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878: в 4 т. Лейпциг, 1878–1880. – Т. 2: Вещественные силы России и их развитие. – Вып. 2. – Прага: [б. и.], 1879. 204 с.

20. Венюков М.И. Очерк географических исследований в Азиатской России // Военный сборник. – 1877. – № 7. – С. 37–81.

21. Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. 270 с.

22. Бабаджанов Б. Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева. URL: <http://mytashkent.uz/2015/02/02/turkestanskij-konkvistador-vzlety-i-padeniya-generalachernyayeva-okonchanie/> (дата обращения: 29.02.2022).

23. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае. (1870–1906) // Исторический вестник. – 1913. – Т. 134. – № 11. – С. 437–467.

24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 341.

25. Мустафин В.А. Николай Иванович Гродеков. Воспоминания – заметки. 1888–1913 гг. // Исторический вестник. – 1915. – Т. 142. – № 10. – С. 141–166.

26. Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. – Т. 1. – Ташкент: Типолитограф. С. И. Лахтина, 1889. 544 с.

27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание-3. – Т. VI. – 1886. – № 3814. – СПб., 1888.

28. Терентьев М.Г. История завоевания Средней Азии. – Т. III. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. 526 с.

29. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 196.

30. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: А.Л. Кирснер, 1913. 144 с.

31. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом: в 2 т. – СПб.: В. Березовский, 1911. – Т. 1. 340 с.

32. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. – СПб.: В. Березовский, 1909. 244 с.

33. Логофет Д.Н. Через Бухару. Путевые очерки по Средней Азии // Военный сборник. – 1910. – № 10. – С. 200–218.

34. Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае // Кауфманский сборник. – М., 1910. – С. 139–160.

35. Мухамедов Ш.Б. Исламский вопрос в Российском Туркестане или была ли альтернатива политике игнорирования. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/5754/> (дата обращения: 11.08.2021).

36. Письмо Епископа Туркестанского и Ташкентского Дмитрия на имя Военного Губернатора Семиреченской области А.Самсонова от 10 Марта 1910 г. за № 294. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059397440> (дата обращения: 27.11.2021).

37. Файзрахманов Л.М. Н.П. Остроумов – миссионер и исламовед. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-p-ostroumov-missioner-i-islamoved> (дата обращения: 12.10.2021).

38. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Л.: Академия наук СССР, 1927. 256 с.

Reflection of the national policy of Russian Empire on the Central Asian outskirts in the works of Russian Orientalists (late 19th – early 20th century)

Svetlana N. Brezhneva

The article describes the national policy of Russian Empire in the annexed territories of Central Asia. The main attention is paid to its evaluation in the works of Russian orientalists. The inclusion of a huge Muslim region into Russian Empire naturally intensified the interest of Russian scientists in the local population. At the same time, it is necessary to emphasize the orientation of the materials of Russian authors to substantiate the "civilizing mission" of Russia in relation to backward peoples. In pre-revolutionary works the idea of high civilizing mission of the Russian people was widely spread and served as an argument to explain the need to bring "benefits" to "unenlightened peoples". From this point of view, the national policy pursued by the Russian authorities was also analyzed. The attitude of the considered authors to national policy was multivalued. At the beginning of the 20th century the works of Orientalists were dominated by criticism of the Russian administration's actions.

Key words: Russian Empire, Central Asia, national politics, Islam, works of Russian Orientalists, criticism.

For citation: Brezhneva, S.N. (2022). Otrazhenie nacional'noj politiki Rossijskoj imperii na sredneazijskih okrainah v trudah russkih vostokovedov (konec XIX – nachalo XX v.) [Reflection of the national policy of Russian Empire on the Central Asian outskirts in the works of Russian Orientalists (late 19th – early 20th century)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 103–123. (In Russ.). DOI 10.35231/2542-2375_2022_3_103

References

1. Xalfin N.A. *Politika Rossii v Srednej Azii (1857–1868)* [Russia's Policy in Central Asia (1857–1868)]. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1960. 272 p. (In Russ.)
2. Tuxtametov T.G. *Rossiya i Buxarskij e'mirat v nachale XX veka* [Russia and the Emirate of Bukhara at the beginning of the XX century]. Dushanbe: Irfon, 1977. 207 p. (In Russ.)
3. Kinyapina N.S. *Administrativnaya politika czarizma na Kavkaze i v Srednej Azii v XIX veke* [Administrative policy of Tsarism in the Caucasus and Central Asia in the XIX century] // *Voprosy istorii*. 1983. № 4. pp. 35–47. (In Russ.)
4. Kinyapina N.S. *Srednyaya Aziya v planax i dejstviyax Rossii v 60–80-e gody XIX v.* [Central Asia in the plans and actions of Russia in the 60–80s of the XIX century] // *Rossiya i strany blizhnego zarubezh 'ya: istoriya i sovremennost'*. M.: IRI, 1995. pp. 127–142. (In Russ.)
5. Litvinov P.P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865–1917): po arxivny'm materialam* [The State and Islam in Russian Turkestan (1865–1917): based on archival materials] Elec, 1998. 320 p. (In Russ.)
6. Korneev V.V. *Upravlenie Turkestanskim kraem: real'nost' i «pravovy'e mechtaniya» (60-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.)*. [Management of the Turkestan region: reality and "legal dreams" (60s of the XIX century – February 1917)] // *Voprosy istorii*. 2001. № 7. pp. 56–70. (In Russ.)
7. Vasil'ev D.V. *Stanovlenie i razvitiye sistemy upravleniya Turkestanskogo kraja 1865–1886 gg.* [Formation and development of the management system of the Turkestan region 1865–1886]: diss ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 1999. 290 p. (In Russ.)
8. Dyakin V.S. *Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike czarizma (XIX v.)*. [The national question in the internal policy of Tsarism (XIX century)] // *Voprosy istorii*. 1995. №9. pp. 130–142. (In Russ.)
9. Arapov D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII – early XX century)]. M., 2004. 287 p. (In Russ.)
10. Borozdin S.S. *Politika rossijskix vlastej v otnoshenii musul'manskogo naseleniya Turkestana i Buxary' (1867–1914)* [The policy of the Russian authorities towards the Muslim population of Turkestan and Bukhara (1867–1914)]: Avtoreferat diss...kand. ist. nauk: 07.00.02. Ekaterinburg, 2012. 25 p. (In Russ.)
11. Litvinov P.P. *Blagovest nad zemlyami islama: Russkij Turkestan. (Po arxivny'm, pravovy'm i iny'm istochnikam)* [Evangelism over the lands of Islam: Russian Turkestan. (According to archival, legal and other sources)]. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2014. 538 p. (In Russ.)
12. Vasil'ev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noj Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century]. M.: Izd. ROSSPE 'N, 2018. 638 p. (In Russ.)
13. Volkov I.V. *Rol' Rossii v istoricheskich sud'bah narodov Srednej Azii: dorevoljucionny'j period (po arxivny'm, pravovy'm i iny'm materialam)* [The role of Russia in the historical destinies of the peoples of Central Asia: the pre-revolutionary period (according to archival, legal and other materials)]. M.: Avtorskaya Akad., 2018. 583 p. (In Russ.)
14. Lunin B.V. *Srednyaya Aziya v dorevoljucionnom i sovetском vostokovedenii* [Central Asia in Pre-Revolutionary and Soviet Oriental Studies]. Tashkent: «Fan», 1965. 408 p. (In Russ.)
15. Arapov D.Yu. *Buxarskoe xanstvo v russkoj vostokovedcheskoj istoriografii* [The Bukhara Khanate in Russian Oriental Historiography]. M.: Izd. MGU, 1981. 128 p. (In Russ.)
16. Brezhneva S.N. *Problema prisoedineniya Turkestanskogo kraja v dorevoljucionnoj istoriografii* [The problem of annexation of the Turkestan Region in pre-revolutionary historiography]. Tol'yatti: Izd. PTIS, 2002. 141 p. (In Russ.)
17. Yuzhakov Yu.D. *O zemskix nachal'nikax v Turkestane* [About the zemstvo chiefs in Turkestan]. Tashkent: Tipo-lit. S. I. Petuxova, 1894. 58 p. (In Russ.)
18. Venyukov M.I. *Istoricheskie ocherki Rossii so vremen Kry'mskoj vojny' do zaklyucheniya Berlinskogo dogovora 1855–1878*: [Historical sketches of Russia from the time of the Crimean War to the conclusion of the Berlin Treaty 1855–1878]: v 4 t. Lejpcig, 1878–1880. T. 1: *Obshhij vzglyad na e'poxu; Peremeny v sostave gosudarstva; Mezhdunarodnoe polozhenie v Rossii* [A general view of the era; Changes in the composition of the state; The international situation in Russia]. Lejpcig: [b. i.], 1878. 431 p. (In Russ.)
19. Venyukov M.I. *Istoricheskie ocherki Rossii so vremen Kry'mskoj vojny' do zaklyucheniya Berlinskogo dogovora 1855–1878*: [Historical sketches of Russia from the time of the Crimean War to the conclusion of the Berlin Treaty 1855–1878]: v 4 t. Lejpcig, 1878–1880. T. 2: *Veshhestvenny'e sily' Rossii i ix razvitiye* [Material forces of Russia and their development] Vy' p. 2. Praga: [b. i.], 1879. 204 p. (In Russ.)
20. Venyukov M.I. *Ocherk geograficheskix issledovanij v Aziatskoj Rossii* [An essay on geographical research in Asian Russia] // *Voenny'j sbornik*. 1877. № 7. pp. 37–81. (In Russ.)
21. Xoroshxin A.P. *Sbornik statej, kasayushhixsya Turkestanskogo kraja* [Collection of articles concerning the Turkestan region]. Spb.: Tip. i xromolit. A. Transhelya, 1876. 270 p. (In Russ.)
22. Babadzhanov B. *Turkestanskij konkvistador: vzlety' i padeniya generala Chernyayeva* [Turkestan Conquistador: the ups and downs of General Chernyayev]. Rezhim dostupa: <http://mytashkent.uz/2015/02/02/turkestanskij-konkvistador-vzlety-i-padeniya-general-a-chernyayeva-okonchanie/> (data obrashcheniya: 29.02.2022).
23. Fedorov G.P. *Moya sluzhba v Turkestanskom krae* [My service in the Turkestan region] (1870–906) // *Istoricheskiy vestnik*. 1913. T. 134. № 11. pp. 437–467. (In Russ.)

24. Gosudarstvennyj 'j arxiv Rossijskoj federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 730. Op. 1. D. 341.
25. Mustafin V.A. Nikolaj Ivanovich Grodekov. Vospominaniya – zametki. 1888–1913 gg. [Nikolai Ivanovich Grodekov. Memories are notes. 1888–1913] // *Istoricheskij vestnik*. 1915. T. 142. № 10. pp. 141–166. (In Russ.)
26. Grodekov N.I. Kirgizy 'i kara-kirgizy' Sy'r-Dar'inskoj oblasti. Yuridicheskij by't. [Kyrgyz and Karakirgiz of the Syr-Darya region. Legal life]. T. 1. Tashkent: Tipolitogr. S. I. Laxtina, 1889. 544 p. (In Russ.)
27. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI)* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. 3-e sobranie. T. VI. 1886. № 3814. SPb., 1888. (In Russ.)
28. Terent'ev M.G. *Istoriya zavoevaniya Srednej Azii* [The history of the conquest of Central Asia]. T. III. SPb.: Tipolitografiya V.V. Komarova, 1906. 526 p. (In Russ.)
29. GARF. F. 586. Op. 1. D. 196.
30. Nalivkin V.P. *Tuzemcy ran'she i teper'* [Natives before and now]. Tashkent: A.L. Kirsner, 1913. 144 p. (In Russ.)
31. Logofet D.N. *Buxarskoe xanstvo pod russkim protektoratom* [Bukhara Khanate under Russian protectorate]: v 2 t. SPb.: V. Berezovskij, 1911. T. 1. 340 p. (In Russ.)
32. Logofet D.N. *Strana bespraviya. Buxarskoe xanstvo i ego sovremennoe sostoyanie* [A country of disenfranchisement. Bukhara Khanate and its current state]. SPb.: V. Berezovskij, 1909. 244 p. (In Russ.)
33. Logofet D.N. *Cherez Buxaru. Putevy'e ocherki po Srednej Azii* [Through Bukhara. Travel essays on Central Asia] // *Voennyj sbornik*. 1910. № 10. pp. 200–218. (In Russ.)
34. Ostroumov N.P. *Kolebaniya vo vzglyadax na obrazovanie tuzemcev v Turkestanskom krae* [Fluctuations in views on the education of natives in the Turkestan region] // *Kaufmanskij sbornik*. M., 1910. pp. 139–160. (In Russ.)
35. Muxamedov Sh.B. *Islamskij vopros v Rossijskom Turkestane ili by'la li al'ternativa politike ignorirovaniya* [The Islamic question in Russian Turkestan or was there an alternative to the policy of ignoring]. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/5754/> (data obrashheniya: 11.08.2021).
36. Pis'mo Episkopa Turkestanskogo i Tashkentskogo Dmitriya na imya Voennogo Gubernatora Semirechenskogo oblasti A.Samsonova ot 10 Marta 1910 g. za № 294 [Letter of Bishop Dmitry of Turkestan and Tashkent addressed to the Military Governor of the Semirechensk region A.Samsonov dated March 10, 1910 for No. 294] / URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059397440> (data obrashheniya 27.11.2021).
37. Fajzraxmanov L.M. N.P. *Ostroumov – missioner i islamoved* [N.P. Ostroumov – missionary and Islamic scholar]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-p-ostroumov-missioner-i-islamoved> (data obrashheniya: 12.10.2021).
38. Bartol'd V.V. *Istoriya kul'turnoj zhizni Turkestana* [The history of the cultural life of Turkestan]. L.: Akademiya nauk SSSR, 1927. 256 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.07.2022
Одобрена после рецензирования 20.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Путешествия П. Е. Щербова на Восток в 1891–1893 гг. по документам тайника усадьбы художника

А. Г. Журавлева

Павел Егорович Щербов, кроме основных занятий, связанных с художественной деятельностью, много лет путешествовал по Востоку, был членом-корреспондентом Русского географического общества. Щербова привлекала восточная культура, отголоски восточных мотивов можно найти в его работах и образе жизни. Но при этом его путешествия малоизучены, хотя они представляют интерес как в контексте биографии художника, так и во взаимосвязи с востоковедением. Наше исследование направлено на изучение путешествий Павла Егоровича в 1891–1893 гг. на основе новых материалов, найденных в тайнике усадьбы художника в 2019 г. В ходе работы были рассмотрены существующие источники и проанализированы новые, установлены хронология и маршруты путешествий в Китай и на Кавказ, сделаны предположения о цели путешествий и о причинах закладки тайника.

Ключевые слова: П.Е. Щербов, путешествия конца XIX в. на Восток, Китайский Туркестан, Синьцзян, Кульджа, Чугучак, Кавказ, история 44 драгунского нижегородского полка, В.А. Потто, тайник.

Для цитирования: Журавлева А.Г. Путешествия П.Е. Щербова на Восток в 1891–1893 гг. по документам тайника усадьбы художника // История повседневности. 2022. № 3. С. 124–141. DOI 10.35231/25422375_2022_3_124

В сентябре 2019 г. в ходе инженерного обследования чердака усадьбы П.Е. Щербова для создания проекта реставрации объекта культурного наследия был обнаружен тайник с личными документами художника. Найденный комплекс состоит из 14 предметов, среди которых альбом с набросками, печать с клеймом «Щербовъ» и 12 документов, касающихся художника. Сейчас комплекс входит в музейный фонд Российской Федерации, и находится в фондах Музея-усадьбы П.Е. Щербова.

Бумаги из комплекса можно разделить на два тематических блока: семейные документы и материалы путешествий. Полагаем, что их необходимо рассмотреть по отдельности для выявления подробностей биографии Павла Егоровича Щербова. В данной статье будет рассмотрена их часть, касающаяся путешествий художника.

Павел Егорович Щербов (1866–1938) – известный русский карикатурист рубежа XIX–XX вв., который, помимо художественной деятельности, посвятил почти десять лет жизни путешествиям по странам Востока. Из путешествий он привозил этнографический материал и фотоснимки, часто передавая их Императорскому Русскому географическому обществу безвозмездно, за что был удостоен медали и принят в члены-корреспонденты. Вопросы, касающиеся его путешествий, не попадали в поле зрения ученых, ввиду этого обстоятельства данное исследование представляет интерес, как для изучения биографии художника, так и для востоковедения.

Первым и фактически единственным изданием, затрагивающим тему путешествий Павла Егоровича, стала монография профессора, доктора искусствоведения Алексея Николаевича Савинова [1]. В ней приводилась краткая информация о некоторых путешествиях художника, в том числе и о поездках в Китай и на Кавказ. В последние годы вышло две статьи – В.А. Чикиной [2] и С.В. Ляшенко [3], в которых авторы упоминали путешествия Щербова в Африку и Японию. В обеих статьях Щербов и его путешествия не являлись объектами исследования.

Целью статьи является анализ новых документов, введение в научный оборот упомянутых в них фактов, составление хронологии путешествий на Кавказ и Китай, построение гипотезы относительно цели путешествия Щербова на Восток, а так-

же возможное предположение о том, почему эти документы оказались в тайнике.

Документы из комплекса касаются двух путешествий Щербова: в Сынцзян (1891) и на Кавказ (1893).

Рассмотрим два документа, связанных с поездкой Щербова в Сынцзян, о которой известно немного. Одним из них является заграничный паспорт №15266, выданный на имя Павла Егоровича Щербова в городе Верном 12 августа 1891 г.¹ [4]. Паспорт представляет собой типичный такого рода документ размером 15,3 x 10,4 см, в обложке из ледерина, содержащий 12 листов гербовой бумаги с водяными знаками, заполненный черными чернилами на трех языках: русском, немецком и французском. Паспорт подписан помощником военного губернатора Семиреченской области Владимиром Федоровичем Треповым [5, ч. 2, с. 301]. Второй документ – это билет № 397, подтверждающий, что дворянин Павел Щербов отправляется в китайские пределы, и власти Китайской империи дают ему свободный доступ [6]. Билет выдан военным губернатором Семиреченской области, Генерального штаба, генерал-майором Григорием Ивановичем Ивановым [5, ч. 2, с. 301]. Документ на типографском бланке размером «полдесть»² заполнен от руки на четырех языках: русском, татарском, монгольском и китайском.

Для реконструкции путешествия были изучены новые документы и проанализированы существующие архивные, музейные и историографические материалы. Даты создания исследуемых документов перемежаются, поэтому результаты анализа представлены в хронологическом порядке путешествия для сохранения логики повествования.

Не удалось установить, когда Павел Егорович выехал из Петербурга и каким путем добирался до Семиреченской области. Анализ состояния сети железнодорожных путей Российской империи по состоянию на 1891 г. [7; 8] дает возможность предположить, что Щербов выехал из Петербурга по железной дороге до Оренбурга, где далее проследовал по Закаспийской военной железной дороге до Самарканда. Затем художник продолжил путь почтовым трактом через Ташкент до Семи-

¹ Все даты в статье приведены по старому стилю.

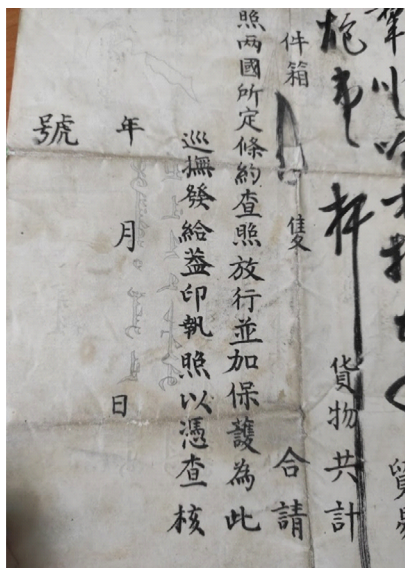
² Формат бумаги, применявшийся в России с XIV по XIX в. Бумага размером ~22x35 см.

реченской области в город Верный. В обратной последовательности этот путь использовал русский ученый, член-корреспондент Академии наук, академик Василий Павлович Васильев в 1890 г., возвращаясь из Кульджи, о чем он сообщал в своем письме к президенту Российской академии наук великому князю Константину Константиновичу Романову [9, с. 15]. Данный путь представляется кратчайшим и удобным, и считается, на наш взгляд, самым вероятным, однако Павел Егорович так же мог проследовать до Уфы или Тюмени на поезде и пересечь на почтовых лошадей в этих точках.

Точкой отсчета китайского путешествия мы считаем 12 августа 1891 г., когда Щербов получил заграничный паспорт в г. Верный. Паспорт обошелся художнику в 10 р. пошлины за содержание паспорта в течение полугода, так как согласно записям, именно на этот срок дворянин Павел Егорович Щербов отправился за границу в китайские пределы [4].

Из билета №397 известно, что уже через четыре дня после получения паспорта, 16 августа 1891 г., Щербов явился на Хоргосский императорский переходной пункт, где его зарегистрировали в книге под номером 447. Щербов ехал в Китай по собственной надобности, на почтовых лошадях [6], это позволяет предположить, что от Верного до Хоргоса он добрался по Алтын-Эмельско-Борохудзирскому тракту, где были расположены восемь почтовых станций, станица, селение и восемь пикетов. Общая длина тракта $172 \frac{3}{4}$ версты до границы, после он переходил в обозный заграничный путь от Хоргоса до Кульджи длиной 94 версты. Заграничный тракт содержался на сбор с торговцев и на добавочную плату с почтовых отправок и состоял в ведении Кульджинского консула [10, с. 75–76]. Этот тракт Щербов преодолел также за четыре дня, и уже 20 августа в паспорте ему была поставлена печать канцелярии Российского Императорского консульства в Кульдже [4].

Из документов становится известно, что Щербов, помимо трех сумок с одеждой, провозил винтовку, револьвер и кинжал [6]. Оружие требовалось для обороны, так как приграничье Семиреченской области и Синьцзяна представляло собой с 1880-х гг. небезопасное место [11, с. 38].

Интересная деталь билета: на странице с китайским языком есть попытки карандашом обвести буквы монгольского языка с оборотной стороны на просвет [6]. Это может свидетельствовать о заинтересованности Щербова в монгольском языке и в его изучении как минимум на базовом уровне. Такую гипотезу можно выдвинуть в связи с тем, что в африканской поездке Щербов брал уроки арабского языка [1, с. 16].

Из Кульджи Щербов отправился в Чугучак, путь по китайской территории между

этими городами являлся тяжелым, небезопасным, и на пути отсутствовали почтовые станции [9, с. 15]. Учитывая дорожную обстановку, Щербов двигался в сторону Чугучака до ноября. Официально в Чугучак Павел Егорович прибыл 25 ноября, когда была сделана запись в паспорте Императорским российским консульством в Чугучаке. Но, согласно другим печатям, Щербов трижды пересек государственную границу со стороны Китая в течение ноября через Бахтинский пропускной пункт. Отметки о въезде и выезде одним днем имеются за 2, 9 и 25 ноября, ближайший населенный пункт к русской границе в Китае – Чугучак. Это позволяет предположить, что уже ко 2 ноября Щербов, находился в Чугучаке, или его окрестностях.

За эти короткие возвращения на родину Щербов, вероятно, закупал и перевозил лекарства на продажу для дальнейшего путешествия, об этом идет речь в другом документе из коллекции Музея-усадьбы П.Е. Щербова [12]. Из документа следует, что 25 декабря 1891 г. в Чугучаке Щербов получил Билет Императорского российского консульства №199 для торговли в Почтенных пределах, в Урумчи, Турфань (совр. Турфан), Хотань (совр. Хотан), Яркань (совр. Яркенд) и Кашгаре. Худож-

ник следовал с переводчиком Цхьяндашем Булевым, с тюком различных лекарств на 200 лан и дорожным багажом, с тремя ружьями и одной саблей, на трех лошадях. Китайские ланы представляли собой слитки серебра, средним весом около 35–37 г., высота их курса зависела от нескольких факторов: от количества сделок, от курсов на Лондонской бирже, и в том числе от цены на серебро, из-за чего курс часто варьировался.

В труде русского экономиста А.П. Субботина отмечено, что курс в 1891 г. составлял 3 р. за одну лану [13, с. 376, 651], исходя из чего, можно сделать вывод, что Павел Егорович закупил лекарств на 600 р. Для конца XIX в. эта сумма была довольно значительной, так как, например, отпускная цена пшеничной муки в г. Верный на тот момент была около 20–26 к. за пуд, а ржаной – 15 к. Эти цифры отражены в отчете члена-корреспондента Вольного экономического общества П.М. Зенкова [14, с. 315–316]. Если обратиться к рекламе лекарственных средств в периодической печати того времени, то бутылка сиропа «Не кашлай» от «Л. Г. Питшъ и Ком. въ Бреславль» стоила 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. в зависимости от объема [15, с. 9], мозольная жидкость «Голлендера» – 35 к. [16, с. 216], зубной крем – 30 к. [16, с. 580].

Профессор А.Н. Савинов в своей монографии пишет, что Щербов провел осень и зиму 1890–1891 г. в Китае в г. Кульджа, откуда пересекал границу под видом продавца медицинских товаров. В труде утверждается, что Щербов прослыл великим врачом, приводится его цитата: «Моя слава бежала впереди меня». Ссылки в работе отсутствуют [1, с. 25], в связи с этим проверить данные утверждения не представляется возможным, но их стоит принять во внимание. Речь идет о том же путешествии, что и в документах из тайника музея, но датировка смещена на более раннюю. Заграничный паспорт является однозначным источником в вопросе датировки, также ее подтверждает и письмо А.А. Чикина, написанное Щербову из Лондона в Кульджу в ноябре 1891 г. [17, л. 1]. Александр Андреевич Чикин был близким другом художника и частым компаньоном в путешествиях, однако вышеуказанное письмо показывает, что друзья в 1891 г. совершили путешествия отдельно друг от друга. 10 ноября 1891 г. Чикин писал «Узнал от Шаши, что Вы решили зимовать в Кульдже, я, хоть,

и не имея Вашего адреса вздумал написать Вам. Адресую в Русское консульство» [17, л. 1]. Соответственно, решение остаться в Кульдже возникло по прибытии, а не было спланировано заранее.

«Шашей» в письме называют Александра Григорьевича Орлова, с которым в дружбе состояли оба художника. В Музее-усадьбе П.Е. Щербова хранятся фотоальбомы, где под фотографиями Александра Орлова часто встречается подпись «Шаша» [18].

В коллекции мемориального музея находится еще один документ¹, касающийся поездки [19]. Он представляет собой один лист, составленный на маньчжурском языке, с указанием даты по китайскому календарю – 7 число 12-й луны 17 года правления Бадаранга доро. В соответствии с переводными таблицами с китайского лунного календаря на европейское летоисчисление дату следует читать как 6 января 1892 г. [20].

Документ выдан российским консульством в Тарбагатае Павлу Щербову для проезда в Синьцзян (в прошлом г. Чугучак был также известен в Российской империи под названием Тарбагатай, от монгольского «тарбагатай» – место, где есть тарбаганы – сибирские сурки).

Документ в целом повторяет озвученную ранее информацию о маршруте следования и багаже Щербова, кроме сопровождающего – здесь указан «младший сын толмача Чабекеша». Обратим внимание и на другое расхождение по иным представленным документам. В августе в Хоргосе Щербов провозил «винтовку, револьвер и кинжал», а в декабре в Чугучаке уже фигурируют три ружья и сабля. Это порождает вопрос – могли ли револьвер и кинжал в документах быть записаны как ружье и сабля? Стоит отметить, что наличие револьвера и кинжала у художника подтверждены воспоминаниями и фотографиями. Например, Борис Алексеевич Альмединген вспоминал, что после неудачной шутки Федора Ивановича Шаляпина Щербов «полез в карман за револьвером» [21, с. 22]. О револьвере «крупного калибра» упоминает и Алексей Николаевич Савинов в своей монографии [1, с. 7]. Относительно кинжала – существует несколько фотографий художника с кавказским кинжалом «кама» [18].

¹ Перевод с маньчжурского языка выполнен заместителем директора ИВР РАН по науке, к.и.н. Татьяной Александровной Пан.

Вернемся к документу, выданному консульством в Тарбагатае. Главной его особенностью являются карандашные записи на обороте, сделанные Павлом Егоровичем, представляющие собой точки предполагаемого маршрута возвращения в пределы Российской империи, записанные в столбик. В силу бытования предмета и особенностей почерка Щербова некоторые записи тяжелы для прочтения, оставляя возможность интерпретации.

Для изучения и расшифровки записей произведено сопоставление с картой южной пограничной полосы Азиатской России (М 1:1 680 000) из коллекции Военно-топографического управления Генерального штаба ВС РФ [22]. Несмотря на датировку карты «1920 год», в нижней части листа под картой отпечатана пометка: «Составлял Корпуса военных топографов капитан Родионов 1889 г.», также все географические названия приведены на дореформенном русском языке. После сопоставления записей и карты образовался следующий маршрут, в скобках указаны пометки автора:

1. г. Артыш.
2. Ислик-караул (не удалось сопоставить).
3. Укрепление Кок-Кия.
4. Под перевалом Терек.
5. На Аксай.
6. Перевал Бугушты или перевал Туз-ашу – перевал Каинды.
7. Из Джиль-арык на Карабулак или на старый Токмак.

Как следует из записей, предположительный маршрут был составлен заранее. Он имеет две точки расхождения пути, возможно связанных с тяжестью прохождения маршрута или погодными условиями. Первой точкой маршрута является г. Артыш, ближайший крупный город к нему – Кашгар, который, согласно сопроводительным документам, являлся последней точкой путешествия Павла Егоровича.

Проанализировав массив документов, предлагаем следующий маршрут и хронологию путешествия: 12 августа 1891 г. Щербов отправился из г. Верный через Хоргос в Кульджу, куда прибыл 20 августа. Далее до ноября он двигался в сторону Чугучака (Тарбагатая), где оставался как минимум до 6 января

1892 г. После путешествия проходило по маршруту Урумчи – Турфан – Хотан – Яркенд – Кашгар, в пределы Российской империи Павел Егорович возвращался через перевал Терек, где был установлен «границный знак» между Россией и Китаем [23, л. 2–7].

Относительно длительности путешествия однозначных данных нет, но стоит отметить, что в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится письмо от неустановленного лица к Щербову, датированное 7 января 1893 г. Письмо содержит фразу: «Возвратитесь из дальних странствий в Петербург, очень хотел бы увидеть вас, дорогой Павел Егорович» [24, л. 1]. Учитывая, что на данный момент нет данных о других путешествиях в 1892 г., а также длину маршрута, который преодолел художник, можно выдвинуть гипотезу, что Щербов вернулся в Петербург из Китая лишь в начале 1893 года. В воспоминаниях художника Александра Андреевича Чикина есть фраза, что «П.Г. “между прочим” совершил поездку в Китайский Туркестан» [25].

Полагаем, что какой-то конкретной цели Щербов в путешествии не преследовал. Проживание определенного эмоционального опыта от столкновения с чужой культурой, образом жизни и другой природой является главным двигателем художника. Новый визуальный опыт влиял на формирование отношения к миру, определял идеи и мысли. На данный момент не выявлены работы художника, относящиеся к Китаю или сделанные в ходе поездки. Сформировавшаяся особая стилистика карикатур Щербова напоминает восточные гравюры. Хотя зарождение его стиля произошло до первых путешествий, нельзя игнорировать их вклад в ее формирование.

Обратимся к другим документам из комплекса. Оставшиеся два документа касаются поездки Щербова на Кавказ в 1893 г. Один из них – открытый лист № 5557 выдан начальником Терской области и наказным атаманом терского казачьего войска 21 мая 1893 г. на имя дворянина Щербова, а второй представляет собой открытое предписание сельским старостам Грозненского округа от 09 июня 1893 г. № 9069 по содействию дворянину Павлу Щербову. В РГАЛИ существуют еще четыре подобных документа, касающихся данной поездки на Кавказ, тексты всех шести документов дублируют одну и ту же

информацию. Различаются они лишь датами и местностью, в которой выданы, что позволяет сопоставить информацию для составления примерного маршрута Щербова по Кавказу.

В личном фонде художника хранится дело с названием «Письмо [Полипо] В. к генералу Маломе» [26]. После внимательного изучения самого текста и подписей нами установлено, что из-за особенностей почерка фамилии были атрибутированы с ошибкой. В действительности это письмо полковника Василия Александровича Потто к наказному атаману Кубанского казачьего войска генералу Якову Дмитриевичу Маламе.

Полковник обращался от своего имени и от императорской главной квартиры, и просил содействия господину Павлу Георгиевичу Щербову в «вседопускаемости» для составления видов для истории Нижегородского полка. Из письма известно, что Щербов уже готов к отъезду [26, л. 1–2]. Военный историк Василий Александрович Потто составил многотомную историю 44-го Нижегородского драгунского полка, изданную в типографии Р.Р. Голике с 1892 по 1908 гг. Необходимо отметить тот факт, что и Щербов сотрудничал с этой типографией, где печатал свои карикатуры. Данное обстоятельство формирует предположение, что именно с подачи типографии Щербов отправился на Кавказ.

Адресат вышеозначенного письма также связан с Нижегородским полком: Я.Д. Малама служил здесь с 1881 по 1885 г. [27, с. 12]. Этим же полком ранее командовал в период Кавказкой войны с 1855 по 1858 г. генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков [27, с. 8], с которым семья Щербовых имела близкие отношения. Еще одним возможным поводом поездки могла стать смерть князя 15 апреля 1893 г., вскоре после нее Щербов и отправляется на Кавказ.

Письмо не датировано, поэтому нами сделано предположение, что оно составлено в одно время с выдачей предписания из канцелярии. 5 мая 1893 г. Канцелярия императорской главной квартиры в Санкт-Петербурге выдала бумагу №368 о том, что у Щербова есть заказ на фотоснимки для истории 44-го драгунского полка [28, л. 1].

При рассмотрении всех томов «Истории 44-го Драгунского Нижегородского полка» выявлено, что фотоснимков в самом

издании небольшое количество, большую часть изображений составляет графика. Ни на одном из изображений нет указаний на авторство Павла Егоровича, но согласно переписке Чикина и Щербова, хранящейся в РГАЛИ, последний неоднократно продавал снимки в типографию для их дальнейшего перевода в графику [17, л. 9 об.]. Большой финансовой выгоды в этом не было, оплачивались такие снимки весьма скромно. Возможно, Щербов и в этот раз предоставил снимки для дальнейшей работы художников, но существует и другое мнение. Эта поездка коротко отражена в монографии профессора А.Н. Савинова, где утверждается, что Щербов, прибыв на Кавказ, не стал заниматься историей полка, а с увлечением изучал культуру местных народов и заводил дружбу с жителями аулов. Приведена также цитата самого Павла Егоровича с воспоминаниями о Кавказе: «Там, наверно, есть еще такие, что меня вспомнят» [1, с. 25], но, как и в предыдущем случае, ссылки в работе отсутствуют.

Вернемся к сопроводительным документам. После получения предписания Канцелярии императорской главной квартиры Щербов прибыл во Владикавказ. Здесь 21 мая 1893 г. он получил открытый лист № 5557, подписанный начальником Терской области и наказным атаманом терского казачьего войска Семеном Васильевичем Кахановым (1842–1908) [29].

В 1893 г. в Российской империи была достаточно развита сеть железных дорог в европейской части страны, которой Павел Егорович и воспользовался. Скорее всего, Щербов ехал поездом через Москву, Рязань, Воронеж в Ростов, где начинался единственный участок железной дороги без разветвлений – Владикавказская железная дорога. До Ростова можно было добраться различными поездами, не проезжая Москву, со стороны западной части Российской империи, но визуально этот путь кажется менее вероятным из-за лишних объездов [30].

Далее Щербов добирается до Грозненского округа Терской области, где 9 июня 1893 г. начальник округа выдал ему открытое предписание для сельских старост для содействия дворянину Щербову [31]. После Павел Егорович проследовал в Дагестанскую область, где 24 июня получил предписание военного губернатора об оказании ему содействия [32, л. 1]. Последний документ о содействии в этой поездке выдан 20 августа 1893 г.

Майкопским управлением [33, л. 1]. В связи с отсутствием других данных, можно считать это конечной точкой маршрута и предположить, что Павел Егорович осенью 1893 г. уже был в Петербурге.

Рассмотрев два путешествия и проанализировав датировки, приходим к выводу, что после возвращения из Китая Павел Егорович провел всего пару месяцев в Петербурге и снова отправился в путь.

Относительно причин, целей и даты закладки тайника можно строить только гипотезы, так как постичь истинную мотивацию и мысли конкретной личности практически невозможно. Поэтому выбираем наиболее вероятные причины, опираясь на косвенные данные.

Среди документов было обнаружено свидетельство № 07475 на государственную 4-процентную ренту на 1000 р. [34]. Правый край с купонами на предъявление имеет следы обрезки ножницами, а самый ранний купон в наличии должен был быть предъявлен 1 декабря 1917 г. Но с 1 декабря 1917 г. советская власть декретом ВЦИК аннулировала все обязательства по займам правительства «российских помещиков и российской буржуазии» [35, с. 386–387], и, как следствие, ценная бумага стала неактуальной. Это обстоятельство подразумевает, что тайник заложен до 1 декабря 1917 г., так как после этой даты не было смысла в укрывании свидетельства.

Среди заложенных документов находились также метрическая выписка Павла Егоровича, бумаги, подтверждающие дворянство художника и его отца, и вышеозначенный заграничный паспорт, что наталкивает нас на мысль об эмиграции. Сопроводительные документы из путешествий в Китай и на Кавказ могут говорить о возможном отбытии семьи Щербовых в этом направлении в связи с происходящими событиями в 1917 г. Отметим, что в тайнике находились документы только Павла Егоровича, документов жены и сыновей там не было. Документы старшего сына Вадима, скорее всего, были при нем, так как он находился на фронте Первой мировой войны, а вот жена Анастасия Давыдовна и младший сын Егор в 1917 г. проживали в усадьбе.

Семья так и не эмигрировала, в новой советской России половина рассмотренных нами документов утратила юридиче-

скую силу, доставать и пользоваться ими не было надобности. Идея о том, что документы компрометировали художника, несостоятельна, так как Щербов был публичной и известной личностью. Его состояние, сословие и род занятий не были секретом для окружающих, после революционных событий, и наличие или отсутствие этих документов никак ему бы не помогли.

Вышеприведенные обстоятельства подводят нас к мысли, что документы попали в тайник между февральскими и октябрьскими событиями 1917 г., и после оставались нетронутыми до 2019 г. Скорее всего, никто кроме Павла Егоровича о тайнике не знал, даже жена. Анастасия Давыдовна прожила в доме до конца 1951 г., она бережно хранила документы Щербова и личные вещи, беспокоилась об устройстве музея, о чем писала в исполком Леноблсовета. Зная, что на чердаке лежат документы и гербовая печать художника, она обязательно вскрыла бы тайник.

Изученные материалы подтверждают факт путешествий художника в Китай и на Кавказ и дают представление о деятельности Павла Егоровича в 1891–1893 гг. Щербов летом 1891 г. отправился в Сынцзян, где объехал весь регион по маршруту Петербург – Верный – Хоргос – Кульджа – Чугучак – Урумчи – Турфан – Хотан – Яркенд – Кашгар – перевал Терек – Петербург. Домой он вернулся лишь в начале 1893 г. Пробыв пару месяцев в столице, он отправился на Кавказ для составления видов для истории 44-го драгунского Нижегородского полка.

В оба путешествия Павел Егорович отправлялся для расширения кругозора и знакомства с восточной культурой. Какой-то более существенной цели он не преследовал, несмотря на то, что у него было конкретное поручение для путешествия на Кавказ. На данный момент не найдено никаких доказательств того, что он действительно выполнил поручение по созданию видов для книги Василия Александровича Потто.

Вопрос относительно причины и датировки возникновения тайника сложен ввиду относительно малой источниковой базы, это дает возможность широкой интерпретации. Опираясь на косвенные данные, нами предложена следующая версия: документы были заложены в тайник на чердаке усадьбы лично Павлом Егоровичем Щербовым между февралем и октябрём 1917 г., и планировались для использования в дальнейшей эмиграции по направлению Кавказа или Китая.

Список литературы

1. Савинов А.Н. Павел Егорович Щербов. – Л.: Художник РСФСР, 1969. 107 с.
2. Чикина В.А. Петербургские адреса Александра Андреевича Чикина // Петербургские исследования. – 2016. – № 6. – С. 196–207.
3. Ляшенко С.В. Современники Н.К. Рериха: художник-баталист Н.С. Самокиш и художник-карикатурист Е.П. Щербов // Рериховское наследие: междунар. конф. (Санкт-Петербург, 7–9 октября 2016). – СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры "Музей-институт семьи Рерихов"», 2017. – С. 381–393.
4. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Заграничный паспорт №15266 на имя Павла Егоровича Щербова. Выдан в г. Верном 12.08.1891 // МА ГМК КП-13382.
5. Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1892 год: (Испр. по 31 дек. 1891 г.). – СПб.: Изд. Инспект. отд. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1892. Ч. 1–2, 14 с., 740 стб., 111 с.; 404 стб. 53 с.
6. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Билет №397, подтверждающий, что дворянин Павел Щербов отправляется в китайские пределы и власти Китайской империи дают ему свободный доступ // МА ГМК КП-13384.
7. Всеобщий календарь на 1890 год: 24-й г. изд.: с 2-мя прил.: 1) картой путей сообщения России и 2) стенным календарем. – СПб.: П.П. Сойкин. – 22. – 1890. – XVI, 580 с., 2 л. карт., табл.: ил.
8. Родзевич А.И. Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги и ее значение для русско-среднеазиатской промышленности, и торговли / сост. А.И. Родзевич, кор. газ. «Рус. вед.» и агент «Сев. телеграф. агентства» в Закасп. крае. – СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1891. – 77 с., 2 л. портр., карт. 21.
9. Хохлов А.Н. Дунганское восстание в Китае 1860–1870-х годов и поездка академика В.П. Васильева в Кульджу в 1890 году // Восточный архив. – 2013. – № 2(28). – С. 7–19.
10. Обзор Семиреченской области за 1890 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1891. 119 с.
11. Сумароков Л.И. Особенность пограничной охраны Семиреченского участка государственной границы Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник КРСУ. – 2020. – Т. 20. – № 10. – С. 36–41.
12. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Паспорт выданный художнику П.Е. Щербову во время путешествия по странам Востока // МА ГМК КП-9546 III-3222.
13. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. – Санкт-Петербург: А.Г. Кузнецов, 1892. 706 с.
14. Корреспонденция из г. Верного от 12 января 1891 года // Труды Вольного императорского общества. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1891. – Т. I. – № 3. – С. 283–396.
15. Реклама сиропа «Не кашляй» // Шут. СПб.: изд. Голике и Вильборг, 1892. – № 4. – С. 9.
16. Нива. XXII. – СПб.: Типография и Литография А. Траншеля, 1891. – №1–26. 574 с.
17. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 925. Оп. 1. Д. 96.
18. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Альбом с личными фотографиями // ГМК КП-4672 V-2123.
19. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Билет Императорского Российского консульства // ГМК КП-9544 III-3220.
20. Xue Zhongsan, Ouyang Yi bian zhu 兩千年中西曆對照表= A Sino-Western calendar for two thousand years, 1-2000 A.D., Ouyang Yi bian zhu. – Changsha.: Commercial Press, 1940. 438 с.
21. Альмединген Б.А. Головин и Шалапин. – Л.: Художник РСФСР, 1975. 31 с.

22. Карта южной пограничной полосы Азиатской России. Лист XX (Кашгар), 1920, масштаб 1:1 680 000: [коллекция Военно-топографического управления Генерального штаба ВС РФ (ВТУ ГШ) [Электронный ресурс]. URL: <https://geoportal.rgo.ru/record/287> (дата обращения: 12.05.2022).

23. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Трактаты. Оп. 3. 1884. Д. 903/159.

24. РГАЛИ. Ф. 925 Оп. 1. Д. 101.

25. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Воспоминания Чикина // ГКМ КП-10520 Ш-4189.

26. РГАЛИ. Ф. 925. Оп. 1. Д. 1.

27. Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка: в 11 т. – СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1895. – Т. 10. 230 с.

28. РГАЛИ. Ф. 925. Оп. 1. Д. 2.

29. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Открытый лист № 5557 выдан начальником Терской области и наказным атаманом терского казачьего войска 21.05.1893 на имя дворянина Щербова // МА ГКМ КП-13383

30. Всеобщий календарь на 1892 год: 26-й г. изд.: С 2-мя прил.: 1) картой путей сообщения и 2) стенным календарем. – СПб.: П.П. Сойкин. – 1892. – XII, 604 с., 2 л. карт., табл.: ил.

31. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Открытое предписание сельским старостам Грозненского округа от 09.06.1893 года №9069 по содействию дворянину Павлу Щербову / МА ГКМ КП-13385.

32. РГАЛИ. Ф. 925. Оп. 1. Д. 3.

33. РГАЛИ. Ф. 925. Оп. 1. Д. 4.

34. Фондовые предметы Гатчинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» Историко-мемориального музея-усадьбы П.Е. Щербова / Ценная бумага. Свидетельство №07475 на государственную ренту на капитал 1000 рублей // МА ГКМ КП-13387.

35. Декрет ВЦИК от 21 января 1918 г. «Об аннулировании государственных займов» // Декреты советской власти. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – С. 386.

P. E. Shcherbov's travels to the East in 1891–1893 according to the documents of the artist's estate cache

Aleksandra G. Zhuravleva

Pavel Egorovich Shcherbov, in addition to his artistic activities, traveled to the East for many years, was a corresponding member of the Russian Geographical Society. Shcherbov was attracted to oriental culture, echoes of oriental motifs can be found in his works and lifestyle. But at the same time, his travels are poorly studied, although they are of interest both in the context of the artist's biography and in the context of Oriental studies. The research is aimed at studying Pavel Egorovich's travels in 1891–1893 based on new materials found in the hiding place of the artist's estate in 2019. In the course of the work, existing sources were reviewed, and new ones analyzed, the chronology and routes of travel to China and the Caucasus were established, assumptions were made about the purpose of travel and about the reasons for laying the cache.

Key words: P.E. Shcherbov, travels of the late 19th century to the East, Chinese Turkestan, Xinjiang, Kuldzha, Chuguchak, Caucasus, history of the 44 Dragoon Nizhny Novgorod regiment, V.A. Potto, hiding place.

For citation: Zhuravleva, A.G. (2022). Puteshestviya P.E. SHCHerbova na Vostok v 1891–1893 gg. po dokumentam tajnika usad'by hudozhnika [P.E. Shcherbov's travels to the East in 1891–1893 according to the documents of the artist's estate cache]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 124–141. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_124

References

1. Savinov A.N. *Pavel Egorovich Shcherbov* [Pavel Egorovich Shcherbov]. Leningrad: Hudozhnik RSFSR, 1969. 107 p.
2. Chikina V.A. *Peterburgskie adresa Aleksandra Andreevicha Chikina* [St. Petersburg addresses of Alexander Andreevich Chikin] // *Peterburgskie issledovaniya* [St. Petersburg Studies]. 2016. № 6. pp. 196–207.
3. Lyashenko S.V. *Sovremenniki N.K. Reriha: hudozhnik-batalist N.S. Samokish i hudozhnik-karikaturist E.P. Shcherbov* [Contemporaries of N.K. Roerich: the battle artist N.S. Samokish and the cartoonist E.P. Shcherbov] // *Rerihovskoe nasledie: mezhd. konf. (Sankt-Peterburg, 7–9 oktyabrya 2016)* [Roerich's Legacy: international conf. (Saint Petersburg, October 7–9, 2016)]. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Sankt-Peterburgskoe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kultury "Muzej-institut sem'i Rerihov"», 2017. pp. 381–393.
4. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'no-gozumuzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Zagranichnyj pasport №15266 na imya Pavla Egorovicha SHCHerbova. Vydan v g. Vernom 12.08.1891* [Passport №15266 in the name of Pavel Egorovich Shcherbov. Issued in Verny on 12.08.1891] // MA GKM KP-13382.
5. *Adres-kalendar': Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchih i prochih dolzhnostnyh lic po vsem upravleniyam v Rossijskoj Imperii na 1892 god: (Ispr. po 31 dek. 1891 g.)* [Address-calendar': General painting' of superiors and other officials in all departments v Rossijskoj Imperii na 1892 god: (Ispr. po 31 dek. 1891)]. Sankt-Peterburg: Izd. Inspekt. otd. Sobstv. Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1892. Part 1-2, 14 p., 740 columns., 111 p.; 404 column, 53 p.
6. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'no-gozumuzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / [Ticket №397, podtverzhdayushchij, chto dvoryanin Pavel Shcherbov opravlyaetsya v kitajskie predely i vlasti Kitajskoj imperii dayut emu svobodnyj dostop] // MA GKM KP-13384
7. *Vseobshchij kalendar' na 1890 god: 24 g. izd.: S 2 pril.: 1) kartoj putej soobshcheniya Rossii i 2) stennym kalendarom* [General Calendar for 1890: 24th year of publication: With 2 appendices: 1) a map of Russian railways and 2) a wall calendar]. Sankt-Peterburg: P.P. Sojkin, 1890. XVI, 580 p.
8. Rodzevich A.I. *Ocherk postrojki Zakaspijskoj voennoj zheleznoj dorogi i ee znachenie dlya russko-sredneaziatskoj promyshlennosti, i trgovli* [An essay on the construction of the Transcaspien Military Railway and its significance for Russian-Central Asian industry and trade]. Sankt-Peterburg: tip. Muller i Bogel'man, 1894. 77 p.
9. Hohlov A.N. *Dunganskoe vosstanie v Kitae 1860-1870-h godov i poezdka akademika V.P. Vasil'eva v Kul'dzhu v 1890 godu* [The Dungan Uprising in China in the 1860s and 1870s and the trip of academician V.P. Vasiliev to Kuldzha in 1890] // *Vostochnyj arhiv* [Eastern Archive]. 2013. № 2(28). pp. 7–19.
10. *Obzor Semirechenskoj oblasti za 1890 god* [Overview of the Semirechensk region in 1890]. Verny: Tip. Semirech. obl. pravl., 1891. 119 p.
11. Sumarokov L.I. *Osobennost' pograničnoj ohrany Semirechenskogo uchastka gosudarstvennoj granicy Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka* [The peculiarity of the border guard

of the Semirechensk section of the state border of the Russian Empire in the late XIX – early XX century // *Vestnik KRSU* [Bulletin of the KRSU]. 2020. V. 20. № 10. pp. 36–41.

12. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'nogo muzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Pasport vydannyy hudozhniku P.E. Shcherbovu vo vremya puteshestviya po stranam Vostoka* [Passport issued to the artist P.E. Shcherbov during a trip to the countries of the East] // MA GKM KP-9546 III-3222.

13. Subbotin A.P. *Chaj i chajnyaya trgovlya v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie Chaya* [Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea]. Sankt-Peterburg: A.G. Kuznecov, 1892. 706 p.

14. *Korrespondenciya iz g. Vernogo ot 12 yanvarya 1891 goda* [Correspondence from Verny dated January 12, 1891] // *Trudy Vol'nogo imperatorskogo obshchestva* [Proceedings of the Free Imperial Society]. 1891. V. I. – № 3. pp. 283–396.

15. *Reklama siropa «Ne kashlyaj»* [Advertising of syrup "Don't cough"] // *Shut* [Jester]. 1892. № 4. P. 9.

16. *Niva*. Sankt-Peterburg: Tipografiya i Litografiya A. Transhelya, 1891. №1–26. 574 p.

17. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)]. F. 925. In. 1. C. 96.

18. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'nogo muzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Al'bom s lichnymi fotografiyami* [Album with personal photos] // GKM KP-4672 V-2123.

19. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'nogo muzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Bilet Imperatorskogo Rossijskogo konsul'stva* [Ticket of the Imperial Russian Consulate] // GKM KP-9544 III-3220.

20. Xue Zhongsan, Ouyang Yi bian zhu 兩千年中西曆對照表 [A Sino-Western calendar for two thousand years, 1-2000 A.D.]. – Changsha: Commercial Press, 1940. 438 p.

21. Al'medingen B.A. *Golovin i Shalyapin* [Golovin and Chaliapin]. Leningrad.: Hudozhnik RSFSR, 1975. 31 p.

22. *Karta yuzhnoj pograničnoj polosy Aziatskoj Rossii. List HKH (Kashgar), 1920, mashtab 1:1 680 000: kolleksiya Voенno-topograficheskogo upravleniya General'nogo shtaba VS RF (VTU GSH)* [Map of the southern border strip of Asian Russia. Sheet XX (Kashgar), 1920, scale 1:1 680 000: collection of the Military Topographic Directorate of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (VTU GSH)]. URL: <https://geoportal.rgo.ru/record/287> (12.07.2022).

23. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI)* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)]. F. Traktaty. Op. 3. 1884. D. 903/159.

24. RGALI. F. 925 Op. 1. D. 101.

25. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'nogo muzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Vospominaniya Chikina* [Chikin's Memories] // GKM KP-10520 III-4189.

26. RGALI. F. 925 Op. 1. D. 1.

27. Potto V.A. *Istoriya 44-go Dragunskogo Nizhegorodskogo polka. V 11 tomah* [The history of the 44th Nizhny Novgorod Dragoon Regiment. In 11 volumes]. Sankt-Peterburg: tipo-lit. R. Golike, 1895. V. 10. 230 p.

28. RGALI. F. 925 Op. 1. D. 2.

29. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'nogo muzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Otkrytyj list №5557 vydan nachal'nikom Terskoj oblasti i nakaznym atamanom terskogo kazach'ego vojska 21.05.1893 na imya dvoryanina Shcherbova* [Open sheet № 5557 was issued by the head of the Tersk region and the ataman of the Tersk Cossack army on 21.05.1893 in the name of the nobleman Shcherbov] // MA GKM KP-13383.

30. *Vseobshchij kalendar' na 1892 god: 26 g. izd.: S 2 pril.: 1) kartoj putej soobshcheniya Rossii i 2) stennym kalendar'em* [General Calendar for 1892: 26th year of publication: With 2 appendices: 1) a map of Russian railways and 2) a wall calendar]. Sankt-Peterburg: P.P. Sojkin, 1892. XII, 604 p.

31. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'nogo muzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Otkrytoe predpisanie sel'skim starostam Groznenskogo okruga ot 09.06.1893 goda №9069 po sodejstviyu dvoryaninu Pavlu Shcherbovu* [Open instruction to the village elders of the Grozny district dated 09.06.1893 №9069 on assistance to the nobleman Pavel Shcherbov] / MA GKM KP-13385.

32. RGALI. F. 925 Op. 1. D. 3.

33. RGALI. F. 925 Op. 1. D. 4.

34. *Fondovye predmety Gatchinskogo filiala GBUK LO «Muzejnoe agentstvo» Istoriko-memorial'nogo muzeya-usad'by P.E. Shcherbova* [Stock items of the Gatchina branch of the GBUK LO "Museum Agency" of the Historical and Memorial Museum-estate of P.E. Shcherbov] / *Cennaya bumaga. Svidetel'stvo №07475 na gosudarstvennuyu rentu na kapital 1000 rublej* [A security. Certificate №07475 for the state rent on the capital of 1000 rubles] // MA GKM KP-13387.

35. *Dekret VCIK ot 21 yanvarya 1918 g. «Ob annulirovanii gosudarstvennyh zajmov»* [Decree of the Central Executive Committee of January 21, 1918 "On cancellation of state loans"] // *Dekrety sovetskoj vlasti* [Decrees of the Soviet government]. 1957. V. 1. P. 386.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022

Одобрена после рецензирования 13.08.2022

Принята к публикации 21.08.2022

Архивно-следственное дело бывшего командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2 ранга Н. Д. Каширина как источник для исследования массовых политических репрессий в Красной армии в 1937–1938 гг.

В. С. Мильбах, А. В. Дусин

Феномен массовых политических репрессий 1937–1938 гг. в СССР по-прежнему привлекает внимание не только историков, но и простых граждан, интересующихся историей своей страны и её Вооруженных сил. Особый интерес вызывают вопросы политического преследования высшего командно-начальствующего состава Красной армии, значительная часть из которого была обвинена в заговоре против существующего строя. За 4,5 предвоенных года жертвами политики репрессий стали более 800 представителей «красного генералитета» (расстреляны по обвинению в контр-революционных преступлениях, умерли под стражей, покончили жизнь самоубийством).

В статье представлены результаты изучения материалов архивно-следственного дела одного из видных советских командиров межвоенного периода – командарма 2 ранга Н.Д. Каширина.

Ключевые слова: политические репрессии, командно-начальствующий состав, арест, заговор, казачество, следствие, протокол допроса, фальсификация, расстрел, реабилитация.

Для цитирования: Мильбах В.С., Дусин А.В. Архивно-следственное дело бывшего командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2 ранга Н.Д. Каширина как источник для исследования массовых политических репрессий в Красной армии в 1937–1938 гг. // История повседневности. 2022. № 3. С. 142–163. DOI 10.35231/25422375_2022_3_142

Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. в Советском Союзе затронули все слои общества и все социальные группы. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, в борьбе с которыми И.В. Сталин призвал применять «новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома» [1, с. 164]. Фактически это была четко сформулированная перед НКВД СССР задача на поиск и уничтожение «врагов народа». В стране за два года по обвинению в политических преступлениях аресту подверглись более полутора миллионов человек, большинство из которых (1 344 923 чел.) были осуждены за контрреволюционные преступления, из них половина приговорены к высшей мере наказания [2, с. 318].

Массовые политические репрессии бесцеремонно вторглись в повседневную жизнь многих советских людей. Радио, газеты и журналы были заполнены призывами уничтожить подлых изменников, «мешающих завершить построение коммунистического общества» [3]. Идеология борьбы с «врагами народа» пронизывала все поры советского общества. Личная жизнь, социальные институты, семья, образование, культура, наука, ни одна сфера общественной или другой жизни не были свободны от вмешательства государства, насаждавшего «сверхбдительность», формировавшего атмосферу агрессивности, подозрительности и тотального страха [4].

Период массовых политических репрессий в СССР 1937–1938 гг. вошел в мировую историографию как «большой террор» благодаря британскому историку Роберту Конквесту [5]. В качестве историографической основы исследования необходимо отметить несколько монографических изданий по истории репрессий следующих авторов: В.Н. Рапопорт и Ю.А. Геллер [6], О.В. Хлевнюк [7], В.Н. Земсков [8]. Отдельно следует выделить историков, которые в своих работах исследовали феномен политических репрессий в Красной армии: О.Ф. Сувениров [9], Н.С. Черушев [10], М.И. Мельтюхов [11], А.А. Печенкин [12].

К сожалению, длительное время основные источники для исследования – материалы архивно-следственных дел были недоступны широкому кругу историков. В настоящее время появилась возможность исследователям детально изучить не-

когда засекреченные документы, хранящиеся в ведомственных архивах.

С весны 1937 г. политические репрессии были развернуты по всей стране. Активно проводились они в армии и на флоте. Началом массовых репрессий в РККА стало дело так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» – по обвинению группы высших советских военачальников во главе с маршалом М.Н. Тухачевским в организации военного заговора с целью захвата власти в стране.

Дело о раскрытом органами НКВД военно-фашистском заговоре было рассмотрено 11 июня 1937 г. в Москве Специальным судебным присутствием Верховного суда Союза ССР в закрытом заседании без вызова свидетелей и без участия защиты. Все обвиняемые во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским¹ в суде признали себя виновными в инкриминируемых им контрреволюционных преступлениях и были осуждены к высшей мере наказания – расстрелу.

Сталинским руководством в состав Специального судебного присутствия Верховного суда 11 июня 1937 г. были включены: маршалы Советского Союза С.М. Буденный и В.К. Блюхер, командармы 1 ранга И.П. Белов и Б.М. Шапошников, командармы 2 ранга Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин и комкор Е.И. Горячев. Газета «Правда» называла их не иначе как «цвет нашей славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, цвет возвращенных партией Ленина – Сталина кадров обороны нашей великой родины» [13]. Почти все эти высокопоставленные командиры, привлеченные сталинским руководством для вершения правосудия от лица армейских масс, вскоре сами стали, за исключением С.М. Буденного и Б.М. Шапошникова, жертвами репрессий и не пережили 1938 г.

Одним из тех, кто входил в состав Специального судебного присутствия был видный советский военачальник командарм 2 ранга Николай Дмитриевич Каширин. В анкетах его данные сообщались следующим образом:

русский, член ВКП(б) с апреля 1918 г., родился в феврале 1888 г. в станице Верхнеуральской Троицкого округа Уральской области. Из казаков. В 1902 г.

¹ По делу «военно-фашистского заговора» к уголовной ответственности были привлечены восемь видных советских военачальников: маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, командармы 1 ранга И.П. Уборевич и И.Э. Якир, командарм 2 ранга А.И. Корк, комкомы В.К. Путьна, Р.П. Эйдеман, В.М. Примаков и Б.М. Фельдман.

окончил высшее начальное училище и стал работать учителем в Верхнеуральской школе. В 1906 г. поступил в Оренбургское юнкерское училище, которое окончил в 1909 г. После училища служил в Ташкенте, в 5-м казачьем полку. За революционную агитацию в 1911 г. подвергнут суду чести и в начале 1912 г. был уволен со службы. В связи с началом Первой мировой войны был призван в армию и назначен начальником конно-саперной команды 1-й Оренбургской казачьей дивизии. С марта 1915 г. – командир сотни 10-го казачьего полка. С 1916 г. – начальник разведки 9-го казачьего полка. За боевые заслуги награжден шестью боевыми орденами [14].

С января 1917 г. – начальник учебной команды 2-го запасного казачьего полка. После Февральских событий 1917 г. избран председателем полкового комитета. В апреле 1917 г. на кругу Оренбургского казачьего войска избран товарищем (заместителем) председателя президиума круга.

В РККА Н.Д. Каширин вступил в марте 1918 г., сформировал казачий добровольческий отряд, с которым участвовал в боях с частями атамана Дутова. В середине июля 1918 г. был избран главнокомандующим Уральской партизанской армии, в 1919 г. командовал 4-й Уральской (позже 30-й) стрелковой дивизии, затем был комендантом Оренбургского укрепленного района, начальником 49-й крепостной дивизии Туркестанского фронта. В октябре 1920 г. Н.Д. Каширин был назначен командиром 3-го конного корпуса, с которым участвовал в разгроме войск генерала Врангеля.

После Гражданской войны Н.Д. Каширин был командиром 14-го стрелкового корпуса. В 1924 г. окончил Высшие академические курсы (ВАК) при Военной академии РККА. С июня 1924 г. – командир и военком 1-го конного корпуса червонного казачества. С сентября 1925 г. – инспектор кавалерии и ремонта Украинского военного округа. С ноября 1925 г. – помощник командующего войсками Украинского, а с мая 1928 г. – Белорусского военных округов. С ноября 1928 г. – помощник командующего войсками Московского военного округа. С мая 1930 г. на такой же должности в Северо-Кавказском военном округе (СКВО). С июня 1931 г. по июль 1937 г. – командующий войсками СКВО. С июля 1937 г. – начальник Управления боевой подготовки РККА. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Член Военного совета при наркомате обороны СССР [15, с. 29–31].

Вскоре после назначения на должность начальника Управления боевой подготовки Красной армии Н.Д. Каширин оказался под подозрением в контрреволюционной деятельности. По сведениям отечественного историка О.Ф. Сувенирова, после ознакомления с протоколом допроса от 5 августа 1937 г. арестованного заместителя начальника Разведуправления РККА, И.В. Сталин написал Н.И. Ежову: «Арестовать: 1) Каширина, 2) Дубового, 3) Якимовича, 4) Дорожного (чекист), 5) и других» [9, с. 68]. Вскоре это было исполнено.

В документах, оформленных сотрудниками НКВД, отмечено, что арестованный Н.Д. Каширин восемь лет прослужил офицером в Оренбургских казачьих частях, последний чин – подъесаул. В протоколе обыска (ордер № 4434 от 19 августа 1937 г.) по адресу проживания Н.Д. Каширина – Лубянский проезд дом 17, квартира 15, наряду с документами, орденами, «секретными книгами военными», указано огнестрельное оружие (два пистолета, три винтовки, два охотничьих ружья) с боеприпасами и холодное оружие (три шашки и кавказский кинжал) [16, л. 2–3]. Примечательно, что при аресте командарм 2 ранга Каширин не пытался воспользоваться своим арсеналом, а дал спокойно себя арестовать, полагая, что все происходящее – нелепая случайность и что «там разберутся».

В анкете арестованного указано, что Н.Д. Каширин был арестован органами НКВД 20 августа 1937 г. и содержится в Лефортовской тюрьме, отмечено, что с ним проживали: мать – Лариса Матвеевна Каширина 84-х лет, жена – Валентина Александровна, сын Владимир 14 лет и дочь Люба 5 лет. Также в анкете указано: «Брат Алексей живет в Ростове, работает. Брат Иван, и Петр два м-ца назад арестованы орг. НКВД» [16, л. 7].

Протоколы допроса Н.Д. Каширина в первые дни после ареста в деле отсутствуют, но наличие заявления, полученного через три дня после его ареста, свидетельствует о том, что обработка арестованного сотрудниками НКВД проводилась. В результате чего Н.Д. Кашириным было написано заявление на имя наркома внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежова: «Я твердо решил порвать со своим контр-революционным прошлым и раскрыть следствию свою вражескую работу, которую я проводил.

Я признаю себя за участника контр-революционного военно-фашистского заговора

Я расскажу следствию о вражеской работе, проводимой мной в Северо-Кавказском военном округе и в крае, направленной на ослабление оборонных мероприятий и помощь Красной армии. 23 августа 1937 г. Каширин (подпись)» [16, л. 8].

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, подготовленное 19 сентября 1937 г. помощником начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитаном ГБ З.М. Ушаковым¹, гласило, что Н.Д. Каширин «изобличается в том, что он принимал активное участие в анти-советском военном заговоре, организовал казачий антисоветский центр, проводил подрывную и пораженческую работу в РККА, направленную к свержению советской власти и измене воинскому долгу (присяге). Постановил: привлечь гражданина КАШИРИНА Николая Дмитриевича в качестве обвиняемого по ст. 58-1 а, 7, 8 и 11 УК РСФСР» [16, л. 9].

В деле имеется машинописный вариант заявления Н.Д. Каширина от 3 октября 1937 г., адресованного начальнику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Н.Г. Николаеву², которое начинается следующим: «Я в течение длительного времени отрицал свое участие в антисоветском право-троцкистском заговоре; теперь перед лицом изобличающих меня данных, я решил искренне признать свое участие в заговоре и рассказать всё, что о нём мне известно. В заговор я был сначала вовлечен лидером правых РЫКОВЫМ А.И. в 1928 году, а затем завербован был в военный заговор Гамарником Я.Б. в 1934 году.

В группу правых я попал не случайно. Меня туда толкали прежде всего мое кулацко-казацкое происхождение и бывшая служба офицером в казачьих частях. <...> в 28 году я разделял взгляды белорусско-толмачевской оппозиции с их ориентировкой на правое руководство в партии» [16, л. 10].

¹ Ушаков (Ушаков-Ушимирский) Зиновий Маркович (1895–1940), капитан ГБ, помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, член ВКП(б) с 1930. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. За активную деятельность в годы массовых политических репрессий был награжден орденом Красной Звезды (22.07.1937 г.), орденом Знак Почета (22.02.1938 г.), повышен в звании (майор ГБ) 21.09.1937 г. За нарушение социалистической законности и фальсификацию следственных дел был арестован 5.09.1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 21.01.1940 г. приговорен к ВМН. В реабилитации отказано.

² Николаев-Журид Николай Галактионович (1897–1940), комиссар ГБ 3 ранга, член ВКП(б) с 1920 г., в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г., начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР (1936–1937), затем начальник Особого (5-го) отдела ГУГБ СССР (1937–1938), затем начальник Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД (1938). Депутат Верховного Совета РСФСР 1 созыва. Кавалер четырех орденов, в т.ч. за активную деятельность в годы массовых политических репрессий был награжден орденом Ленина (22.07.1937 г.), орденом Красного Знамени (22.02.1938 г.). За нарушение социалистической законности и фальсификацию следственных дел был арестован 25.10.1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 3.02.1940 г. приговорен к ВМН. Признан не подлежащим реабилитации.

На одиннадцать страниц машинописного текста изложены признания Н.Д. Каширина в антисоветской деятельности. Например, о подрывной работе в Азово-Черноморском крае после своего назначения в 1930 г. на должность командующего войсками СКВО им отмечено следующее: «...по работе в бюро крайкома я вскоре убедился в том, что и краевые руководители в лице ШЕБОЛДАЕВА, ПИВОВАРОВА, ЛАРИНА, РЯБОКОНЯ, ПУТНИНА и КОЖЕВНИКОВА в вопросах колхозного строительства проводят враждебную подрывную линию правых. Я включился в эту работу и поддерживал её на заседаниях бюро Крайкома» [16, л. 12]. Тут же следовали признания обвиняемого в организации повстанческого движения в крае: «Параллельно с работой по развалу колхозов шла работа по сколачиванию контрреволюционных казачьих повстанческих сил». Якобы, с этой целью завербованные Н.Д. Кашириным в 1931 г. командир 31 сд А.Г. Ширмахер, помощник командира 74 сд Г.Я. Килевейн и командир 69 кп П.С. Иванов создали «повстанческие группы из переменников в станциях Кубани и к середине 1932 года вовлекли в них больше 400 человек» [16, л. 13].

Далее Каширин сообщал следствию о вербовке его в заговор Гамарником в ноябре 1934 г. При этом Я.Б. Гамарник «прямо сказал о том, что состоялся блок правых и троцкистов, что ему известно о моем участии в организации правых и что группа ТУХАЧЕВСКОГО в армии является тайной, заговорщической организацией в армии для борьбы право-троцкистского блока со Сталинским руководством, имея конечной целью совершить государственный переворот в стране и реставрацию капитализма». Затем, как написано в заявлении Н.Д. Каширина, «Гамарник назвал как участников заговора СКВО ШИФРЕСА и ПРИМАКОВА, предложил мне связаться с участником заговора ФЕЛЬДМАНОМ и поручил мне вербовку нужных для контрреволюционной работы людей...» [16, л. 15].

В заявлении указаны фамилии участников заговора, «работающих в СКВО», о которых обвиняемый узнал со слов Фельдмана (3 чел.), Шифреса (4 чел.), Примакова (3 чел.) и Вакулича (5 чел.), а также тех, кто был завербован лично Кашириным (13 чел.) и тех, кого Каширин подозревал как участников заговора (9 чел.) [16, л. 17–18].

Также в заявлении Н.Д. Каширина содержатся его признания в шпионской деятельности: «...через бывших офицеров оренбургцев – братья КОЛОКОЛЬЦОВЫ и СУКИН была установлена связь с агентами японо-немецкой разведки – генералом СЕМЕНОВЫМ и ХОРВАТ» [16, л. 19].

Завершают заявления признанием Каширина в терроризме: «Кроме того, были решены и подготовлялись в период 1935 и 36 годов гнуснейшие террористические акты против вождей партии и правительства – СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА на случай приезда их на территорию края» [16, л. 19–20].

В конце документа напечатано: «Заявление отобрали: помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД майор ГБ Ушаков и заместитель начальника 5-го отделения 5-го отдела старший лейтенант Петровых» [16, л. 20]. Отсутствие в деле рукописного варианта заявления наталкивает на мысль, что данные сотрудники не «отобрали заявление», а непосредственно участвовали в появлении его машинописной версии.

Далее в материалах дела присутствует протокол допроса Н.Д. Каширина от 9–11 октября 1937 г. Уникален объем этого документа – 181 страница машинописного текста! Если учесть, что в среднем протокол допроса продолжительностью один час умещался на 2–3 страницах машинописного текста, то на такой объем текста потребовалось бы 4–6 суток допросов по 15 часов подряд, но следователи, якобы, уложились в трое суток (9–11 октября).

Значительный объем текста протокола посвящен самобичеванию подследственного, его признаниям в контрреволюционной деятельности. Например, о своей службе в Украинском военном округе он сообщал: «...за период 1926–1928 гг. я оформился как вполне сложившийся антисоветский человек. <...> За этот же период я действовал и как участник антисоветской троцкистской банды террористов и шпионов, которая группировалась вокруг Якира и его квартиры» [16, л. 42].

Анализ текста протокола показывает, что его содержание соответствует тексту «заявления» Н.Д. Каширина от 3 октября с внесенными в него вопросами следователей. Причем вносились вопросы, как правило, не требующие конкретных уточнений. Так, на вопрос-требование: «Показывайте по существу Вашей заговорщической работы», последовал ответ более чем

на три страницы машинописного текста (л. 42–45). Подобное встречается в тексте протокола неоднократно, например, ответ на вопрос следователя в виде риторического повествования о контрреволюционной деятельности на четыре страницы (л. 46–49) или на семь страниц (л. 207–213).

Некоторые показания Н.Д. Каширина о способах вредительской деятельности вызывают сомнения в достоверности предоставления их высокопоставленным военным. Например, он сообщил: «Мы натравливали друг на друга командиров и политработников и держали их в состоянии двух враждующих лагерей» [16, л. 38]. Показания Каширина о шпионаже (не в пользу «генерала Семенова и Хорвата», как он признавал ранее, а некоего Догмара из неизвестной страны) достаточно наивны: «Я связался с Догмаром у меня на квартире и через него передавал интересующие его сведения. Эта передача сведений продолжалась систематически в период 1931–1934 гг. включительно. За всё это время я давал Догмару по одному или два раза сведения ежегодно» [16, л. 69].

Во втором томе дела имеются подписанные Н.Д. Кашириным 22 октября 1937 г. собственноручные показания, которые уникальны по своему объему (110 страниц рукописного текста, а машинописный экземпляр – 225 страниц) [17, л. 1–225]. В этих показаниях содержатся признания о контрреволюционной деятельности Каширина и о его активной работе непосредственно в военном заговоре, приводятся фамилии командиров, известных ему по совместной контрреволюционной работе. Документ являлся своеобразным сборником показаний, которые можно было использовать для предъявления обвинения командирам, о которых было написано в этом документе. Обилие приведенного Кашириным компрометирующего материала на различных людей вызывает сомнение в том, что документ подготовлен одним человеком. Вместе с тем, говоря о 1934 г., годе вербовки его в заговор, Каширин подчеркивает: «В этот период времени я сильно болел сердечными припадками и невольно вынужден был отойти как от своей официальной работы по должности комвойск так и от работы по заговору» [17, л. 256].

В объемном (40 страниц) протоколе допроса от 9–11 ноября 1937 г. [16, л. 214–153] фактически повторяются предыдущие

показания Н.Д. Каширина о его контрреволюционной деятельности, в частности он ещё раз подтверждает: «В ноябре 1934 г. я был завербован ГАМАРНИКОМ в антисоветский военный заговор» [16, л. 252]. Совершенно очевидно, что следователи преследовали цель получить от Н.Д. Каширина как можно больше признательных показаний в различных контрреволюционных преступлениях и компрометирующей информации на других лиц. Личность покончившего жизнь самоубийством 31 мая 1937 г. армейского комиссара 1 ранга Я.Б. Гамарника в качестве вербовщика вызывает сомнение, так как исключительно выгодна следствию, поскольку он уже не мог опровергнуть данную версию.

В этом же ключе был выстроено письменное обращение Каширина помощнику начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД майору ГБ Ушакову от 27 ноября 1937 г. В нем подследственный «вспоминает» некоторые важные для следствия факты и называет новые фамилии. Представляют интерес новые сведения о бывшем своем заместителе: «Я упустил некоторые обстоятельства в своих показаниях о комкоре ГРИБОВЕ. Ранее я уже сообщал, что УБОРЕВИЧ в разговоре со мной летом 1936 года назвал ГРИБОВА "своим и близким" человеком» [16, л. 255]. На этом основании Н.Д. Каширин посчитал С.Е. Грибова заговорщиком. Данные показания были использованы против комкора С.Е. Грибова, который через некоторое время был арестован.

Далее в этом документе Н.Д. Каширин сообщает: «Я упустил двух участников заговора в СКВО: РЕДКИН (штаб 4 кк), ФЕДИЧКИН (командир эскадрона кавполка 13 кд)» [16, л. 256]. Затем он вспоминает, что Кожевников Сергей Николаевич «очень близко стоял к ТУХАЧЕВСКОМУ» [16, л. 257], что «НЕРОНОВ Иван Григорьевич (в 1936 г. начальник ПУ СКВО) имел близкие отношения с участниками военного заговора МЕЛИНОВЫМ и БЕРЕЗИНЫМ» и что «КОРЗУН (был помощником комдива 10 кд) является близким человеком к ГОРБАЧЕВУ» [16, л. 258]. Появление этих «уточнений» объясняется тем, что все указанные командиры и политработники, кроме переведенного из СКВО в августе 1937 г. полковника П.П. Корзуна, уже находились в застенках НКВД, и следователям были необходимы дополнительные показания об их контрреволюционной деятельности.

В ходе допроса 29 ноября 1937 г., протокол которого содержал 70 страниц машинописного текста [16, л. 265–334], следователи Н.Г. Николаев и З.М. Ушаков в очередной раз добились признания Н.Д. Кашириным своей вины и показаний на других лиц, якобы участвующих в заговоре. Одним из первых ставится вопрос: «Кем и когда Вы были завербованы?». Следователи получают известный им ответ: «В ноябре 1934 года». Однако далее подследственный добавляет: «Я в 1934 году болел» [16, л. 266]. Очевидно, Н.Д. Каширин давал понять, что, находясь длительное время на излечении, он был не в состоянии проводить активную контрреволюционную работу, о которой давал показания.

В феврале 1938 г. в деле Н.Д. Каширина появились новые собственноручные показания. Так, 8 февраля им были датированы показания, которые назывались «О методах вербовки участников казачьего и военно-фашистского заговора» [17, л. 339–359]. Подследственный сообщал: в период с 1929 г. по 1933 г. «мною было завербовано в заговор только 5 человек», а также «в 1934–1935 годах, когда мною было завербовано 17 (семнадцать) заговорщиков» [17, л. 340–341]. В «показаниях» приводятся примеры вербовки: «В апреле или мае 1931 года мною был вовлечен в заговор бывший командир 74-й стрелковой дивизии КИЛЕВЕЙН Георгий Яковлевич» [17, л. 343]. Бывший поручик Русской императорской армии выражал недовольство условиями службы в Красной армии, это и было использовано Кашириным при вербовке его в заговор.

Далее в «показаниях» следует информация о вербовке другого бывшего офицера: «Начальник артиллерии СКВО МИРОЕВСКИЙ был завербован мною в военно-фашистский заговор летом 1935 года в Саратовском артиллерийском лагере» [17, л. 345]. Якобы, Н.Д. Каширин использовал расположение бывшего штабс-капитана к маршалу Тухачевскому, которого считал самым талантливым полководцем Красной армии и отзывчивым командиром. Всего же, как показал Н.Д. Каширин, из числа бывших офицеров в СКВО им были завербованы: полковники М.А. Турчанинов, Б.Н. Сперанский, С.В. Метин, В.Г. Чернов, интендант 1 ранга Н.И. Федоровский.

При вербовке командиров из рабочих и крестьян приходилось применять нестандартные подходы. Например, Каши-

рин показал, что он наметил для вербовки командира 55-й авиабригады Ф.Г. Мичугина. Зная, что в бригаде «в его командование было три катастрофы и много аварий», командующий СКВО решил запугать Мичугина, пригрозив отдать под суд. Потом, сменив гнев на милость, Каширин сообщил ему, что в Красной армии существует большая группа командиров, которые, проводят вредительскую работу в армии. В результате «поставленный мною в тупик таким оборотом, МИЧУГИН мне ответил, что он вероятно присоединился бы к этой группе командиров» [17, л. 356]. Из показаний Н.Д. Каширина так и осталось непонятным – завербовал он командира авиабригады Ф.Г. Мичугина в заговор или нет? Известно, что Ф.Г. Мичугин аресту не подвергался.

Следует отметить, что сама идея поставленной на поток вербовки командующим войсками округа своих подчиненных в антисоветский военный заговор не выдерживает критики. Содержание последующих документов в деле говорит о том, что следователи, получив нужный им массив информации, временно закрыли вопрос о деятельности Каширина по вербовке в заговор.

Следующее заявление Н.Д. Каширина адресовано следователю майору ГВ Ушакову. Это обращение на 26 страницах рукописного текста открывает новое направление в следственном деле. Каширин повествует о действующей в Красной армии контрреволюционной группировке: «Я ничего не рассказал о моих связях с контр-революционной группировкой, которая сложилась в РККА в период 1931–1935 года вокруг двух маршалов – Егорова Александра Ильича и Буденного Семёна Михайловича. Эта группировка, являясь военным центром правых, вела свою к-рев деятельность параллельно и за спиной организовавшегося тогда же военно-фашистского заговора во главе с Тухачевским, Гамарником, Якиром и др. Контр-революционная группа Егорова-Буденного складывалась постепенно и вбирала в себя самые разнообразные анти-советские элементы» [18, л. 23].

Дата написания Кашириным обращения отсутствует, вполне вероятно, что это конец января – начало февраля 1938 г. – именно тот период, когда замнаркома обороны А.И. Егоров впал в немилость и был назначен командовать Закавказским

военным округом. Относительно С.М. Буденного было отмечено, что именно на его счет относится контрреволюционная работа на кавалерийских курсах и на военно-конских заводах, так как Буденный «эту работу держал только в своих руках» [18, л. 23 об.].

Далее в «обращении» Н.Д. Каширин сообщает подробно о контрреволюционной работе в области ПВО А.И. Седякина, о контрреволюционной работе в национальных частях САВО командующего войсками округа М.Д. Великанова и его заместителя О.И. Городовикова. Много внимания в «обращении» уделено националистическому заговору на Украине и работе украинских повстанческих организаций [18, л. 34–35]. Следователи даже не задавались вопросами: каким образом вопреки элементарной конспирации могла поступать к Каширину информация от различных контрреволюционных организаций и групп, с какой целью он собирал эту информацию?

Представляет интерес заявление, которое Н.Д. Каширин 17 февраля 1938 г. адресовал наркому внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежову. Все 22 страницы этого заявления посвящены разоблачению маршала А.И. Егорова как заговорщика. Заявление отпечатано на машинке, рукописная версия отсутствует, это наталкивает на мысль, что авторство документа не принадлежит полностью Каширину. Начинается оно следующим образом: «В своих предыдущих показаниях я не сказал всего о своей контрреволюционной деятельности, не рассказал ещё о некоторых важных фактах. Я ничего не рассказал о моих связях с группировкой, которая сложилась в РККА вокруг Маршала ЕГОРОВА Александра Ильича. Эта группировка являлась военной группой правых, особым их военным центром, и вела свою контрреволюционную деятельность одновременно с группой военного заговора во главе с Тухачевским, Гамарником, Якиром и другими. Группа ЕГОРОВА складывалась постепенно и по моим наблюдениям являлась блоком разнообразных антисоветских элементов, проводивших вражескую работу в Красной Армии и вокруг нея» [18, л. 1].

Далее Н.Д. Каширин сообщает, что в июле-августе 1932 г. во время разговора с А.И. Егоровым тот назвал «своим общником и главной опорой БУДЕННОГО Семена Михайловича». Из других лиц, связанных или примыкающих к группе

«сам же ЕГОРОВ назвал мне следующих военных работников: комвойск МВО, а затем БВО – БЕЛОВА Ивана Панфиловича, комвойск ПРИВО, а затем ЛВО – ДЫБЕНКО Павла Ефимовича, бывшего начальника вооружений ХАЛЕПСКОГО, бывшего начальника УБП РККА СЕДЯКИНА Александра Игнатьевича, комвойск ККА, а затем Приморской группы ЛЕВАНДОВСКОГО; комвойск ХВО ДУБОВОГО Ивана Наумовича; комвойск САВО, а затем ЗАБВО – ВЕЛИКАНОВА Михаила Дмитриевича» [18, л. 3].

Об идейных руководителях и задачах группы Егорова в заявлении Каширина написано следующее: «Общее политическое руководство группой ЕГОРОВА, по его словам, осуществлялось центром правых во главе с РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и ТОМСКИМ. ...деятельность группы ЕГОРОВА отличалась от работы военного заговора, руководимого ТУХАЧЕВСКИМ, ЯКИРОМ и другими. Мне, как участнику фактически обоих к-р групп, было известно, что перед обоими этими военными группами стояла одна общая задача – совершить государственный переворот в СССР с целью реставрации в стране капитализма, причем этот переворот мыслилось совершить при помощи иностранцев и путем поражения Красной армии в военных конфликтах. Однако, к решению этой задачи оба центра подходили по разному» [18, л. 4–5]. По словам Каширина: «Основные свои расчеты ЕГОРОВ строил на использовании казаков Дона-Кубани-Терека, а также на казаках Урала» [18, л. 8–9].

Принципиально, что в заявлении Каширина присутствует признание о том, что в Красной армии существует второй заговор: маршалами Егоровым и Буденным готовится вооруженное восстание с опорой на национальные и кавалерийские формирования. Выстроенная следователями НКВД при помощи признаний Каширина версия «совместного заговора правых и кавалерии» или «повстанческо-националистического восстания, поддерживаемого конницей» получилась примитивной и нелогичной.

Руководство НКВД решило устроить 26 февраля 1938 г. очную ставку Каширина с Егоровым. Позже бывший заместитель наркома внутренних дел НКВД СССР М.П. Фриновский описывал это следующим образом: «Могу рассказать еще один факт с быв. командующим Северокавказским военным окру-

гом Кашириным. Он давал в своих показаниях Егорова. Было решено устроить очные ставки ряду арестованных, которые давали показания на Егорова, в частности и Каширину с Егоровым, который еще не был арестован. Эта очная ставка должна была проводиться Ежовым в присутствии Молотова и Ворошилова в кабинете у Ежова. Первым был вызван Каширин. Егоров уже сидел в кабинете. Когда Каширин вошел и увидел Егорова, он попросил, чтобы его выслушали предварительно без Егорова. Егорова попросили выйти, и Каширин заявил, что показания на Егорова им были даны под физическим воздействием следствия, в частности, находящегося здесь Ушакова» [19, л. 556]. При этом Н.Д. Каширин, обращаясь к К.Е. Ворошилову, сказал: «Не верьте ничему, чтобы я не написал в своих дальнейших показаниях» [18, л. 39].

Подобную дерзость следователи НКВД не могли простить тому, кто находился в их полной власти. После соответствующей обработки Н.Д. Каширина в деле появились документы, в которых обвиняемый категорически отказывался от своих слов на очной ставке. Так, в машинописном тексте заявления, поданного им на имя Н.И. Ежова от 3 апреля 1938 г., значится следующее: «Прошло уже больше месяца с того момента, когда я 26 февраля с.г. сделал Вам и находящемуся у Вас в кабинете Народному Комиссару Обороны Советского Союза – Маршалу ВОРОШИЛОВУ К.Е. провокационное заявление, направленное на дискредитацию органов НКВД. Еще у Вас в кабинете, во время Вашей и Ворошилова беседы со мною, для меня стала совершенно очевидной и ясной вся бессмысленность этой моей чудовищной провокации» [18, л. 36]. Осознав всю бесперспективность обращения к руководству наркомата обороны и наркомата внутренних дел, Каширин окончательно распрощался с мыслью о восстановлении справедливости и продолжал давать «покаянные показания»: «Моё провокационное заявление о том, что я не являюсь участником заговора, а в НКВД существует застенки, в котором содержится много невинных командиров, не было случайным и неожиданным. Наоборот, оно сложилось у меня уже давно и вытекало из моего непримиримого враждебного отношения к советской власти» [18, л. 36–37]. То, как Каширин раскаивался в попытках обогатить честных сотрудников НКВД и с особой беспощадно-

стью говорил о себе свидетельствовало, что заявление Ежову ему написать помогли: «Я убежденный и закоренелый враг Советской власти с 1928 года примкнув к заговорщической организации РЫКОВА» [18, л. 38–39].

Имеющиеся в деле более поздние документы свидетельствуют, что сломленный морально и физически командарм Каширин подписывал многостраничные показания, которые изобиловали новыми подробностями его и других контрреволюционной деятельности. Например, в объемных показаниях (94 страницы машинописного текста) Каширин сообщал, что начальник Генерального штаба ставил ему задачу по развалу своих войск и созданию неких антиправительственных формирований. Затем, в подписанном Кашириным документе под названием «Продолжение показаний, прерванных по моей личной вине на время с 26 февраля по 5 апреля 1938 года» говорится о наличии на Дону, Кубани и Тереке казачьей повстанческой организации, численность которой «к концу 1936 г. достигла до 1900–2000 человек» [18, л. 97].

В деле последним документом, написанным от руки, являются «Собственноручные показания арестованного Каширина Н.Д.», которые были адресованы следователю 5 отдела УГБ НКВД СССР майору ГБ Ушакову. Часть из 68 страниц этих «собственноручных показаний» повторяют уже полученную следователями информацию о контрреволюционной деятельности Каширина и известных ему лиц, но другая часть в большей степени посвящена существенным недостаткам в состоянии войск Красной армии. Вероятно, осознавая, что его участь уже решена и это его последние строки, он профессионально и обстоятельно говорит о проблемах в военном строительстве и состоянии боеспособности войск. Данные показания вызвали интерес у майора ГБ Ушакова, который наложил визу для своего подчиненного младшего лейтенанта ГБ Ф.Е. Афанасенко: «Это ценный и срочный материал. Прошу срочно напечатать в 4-х экземплярах. 8/IV 38. Ушаков» [18, л. 205 об.].

Подобные заявления были написаны накануне суда и другими советскими военачальниками, обвиненными в контрреволюционной деятельности, например, М.Н. Тухачевским [20] и И.Э. Якиром [21]. Как военные профессионалы, они ясно представляли неизбежность мировой войны, поэтому стара-

лись обратить внимание на подготовку к войне и возможные сценарии её начала. Направляя свои последние строки в руки НКВД, они надеялись, что всё-таки будут услышаны, старались донести тревогу за судьбу армии, страны.

Сотрудники НКВД неоднократно продлевали сроки следствия на один-два месяца. Например, последнее имеющееся в деле постановление о продлении срока следствия до 7 апреля 1938 г. датировано 23 февраля того же года. Примечательно, что в нем Н.Д. Каширин значится обвиняемым по ст. 58-1 п. «а», 58-6 и 58-11 УК РСФСР [16, л. 337], т. е., как гласил Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1927 г.: «За измену родине, то есть за действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории», «За шпионаж» и «За любую организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение» контрреволюционных преступлений.

Суд над Н.Д. Кашириным состоялся 14 июля 1938 г. В выписке из закрытого судебного заседания Выездной сессии ВКВС под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха, члены заседания – диввоенюристы А.М. Орлов и И.М. Зарянов, секретарь военюрист 1 ранга А.А. Батнер, значилось, что рассматривалось дело по обвинению Каширина Николая Дмитриевича в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Метаморфоза с изменением статей обвинения (исчезло обвинение в шпионаже, но появились статьи обвинения во вредительстве и терроризме) произошла не в ходе судебного заседания, а раньше и отражено это было в протоколе подготовительного заседания ВКВС [16, л. 347]. Примечательно, что данные статьи (58-1 п. «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР) прописаны комиссаром ГБ 3 ранга Н.Г. Николаевым ещё 9 декабря 1937 г. в обвинительном заключении – документе сомнительной подлинности, небрежно составленном, с различными исправлениями, в котором имеется ссылка на статьи обвинения по делу №13226: 58-1 п. «а», 58-6, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР [16, л. 343].

Подсудимый ответил, что он полностью признает себя виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения

и полностью подтверждает все данные им на предварительном следствии показания [16, л. 340]. Судебным заседанием Выездной сессии ВКВС Н.Д. Каширин был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

В протоколе заседания отмечено, что оно было начато 14 июля 1938 г. в 22.10, а закрыто в 22.55 [16, л. 349]. За такой короткий срок даже поверхностно ознакомиться с материалами трехтомного многостраничного дела было невозможно.

Имеющаяся в деле справка свидетельствует, что приведение приговора в исполнение состоялось в тот же день [16, л. 352].

Высокопоставленные военные юристы не пожелали увидеть явных несоответствий в материалах дела, прежде всего в показаниях обвиняемого и других арестованных. Например, кроме отмеченного выше, следует подчеркнуть: на допросах и в своих заявлениях Н.Д. Каширин показывал, что знал о группе правых во главе с А.И. Егоровым с 1931 г., активно сотрудничал и лично общался с Егоровым по вопросам контрреволюционной деятельности в 1932 г. Однако сам Егоров на допросе 2 апреля 1938 г. показал, что он завербовал Каширина в антисоветскую организацию правых в 1933 г. [22, с. 250]. Следующее: в сводке важнейших показаний арестованных Управлениями НКВД за 28 апреля 1938 г. говорится об участии Н.Д. Каширина в офицерской монархической организации [22, с. 378]. Однако Каширин на допросах признавал только то, что вербовал бывших офицеров в казачий и военно-фашистский заговор, но о деятельности офицерской монархической организации показаний не давал.

Значительно позже дело Н.Д. Каширина было пересмотрено. Военная прокуратура СССР 29 мая 1956 г. подготовила заключение, в котором отражены следующие основания для прекращения дела: в протоколах допроса Каширина, в протоколе судебного заседания ВКВС записано, что Каширин виновным себя признал, однако, как видно из материалов дела, он продолжительное время отрицал свою вину; как установлено в процессе проверки, Каширин признал себя виновным в результате применения к нему мер физического воздействия, а следователи Николаев и Ушаков осуждены за антисоветскую деятельность к высшей мере наказания; кроме показаний Каширина в деле нет никаких других документов его

виновности и по делу никто не допрашивался; в обвинительном заключении указано, что Каширин был завербован для антисоветской деятельности Рыковым и Гамарником, но проверкой Прокуратуры СССР установлено, что обвинение Гамарника в антисоветской деятельности необоснованно, и он посмертно реабилитирован; по показаниям Рыкова, Тухачевского, Семёнова Каширин не проходил; якобы завербованные Кашириным Сперанский и Жгучев показали, что они завербованы другими лицами; «шпион» Догмар – А.И. Васильев, которому Каширин якобы передавал для иностранной разведки шпионские сведения, показаний о шпионской деятельности Каширина не дал; протокол допроса 9–11 октября 1937 г. сфальсифицирован [16, л. 343–356]. Неуклюже выглядят попытки следователей НКВД сделать командарма 2 ранга Н.Д. Каширина предателем и врагом, объявляя в ходе следствия то монархистом, то правым, то шпионом, то троцкистом, то руководителем повстанческой организации.

В сложившейся ситуации сотрудники репрессивного аппарата выполняли политический заказ – ликвидировать Н.Д. Каширина как одаренного военачальника и выдающуюся личность, поскольку он мог представлять опасность для сталинского режима. В итоге вся деятельность репрессивного аппарата с изнуряющим предварительным следствием и скоротечным судом являлась постановкой, аранжировкой убийства неугодного политическому руководству человека. Дело в том, что фамилия командарма 2 ранга Н.Д. Каширина фигурировала в «Списке лиц, подлежащих суду ВКВС Союза ССР», подписанном Сталиным и его ближайшим окружением (К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, В.М. Молотов) ещё 1 ноября 1937 г. [23, л. 133]. Повторно фамилия командарма 2 ранга появилась в расстрельных списках 10 июня 1938 г. [23, л. 204], т.е. за четыре дня до суда.

Таким образом, несмотря на заслуги перед страной, героическое прошлое, авторитет и уважение у подчиненных, Н.Д. Каширин был безжалостно уничтожен на основании одних подозрений и полученных незаконными методами признательных показаний. Методами запугивания, физического воздействия и фальсификаций материалов дела следователи ГУТБ НКВД добились необходимых им результатов. В закры-

том заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР явные несоответствия и противоречия были проигнорированы должностными лицами, вершившими суд.

Репрессии затронули все слои советского общества и все социальные группы. Разделить судьбу расстрелянного командарма мог любой гражданин. Атмосферу общества в 1937–1938 гг. определяли государственное беззаконие и произвол, страх, двойная мораль, единомыслие.

Командарм 2 ранга Н.Д. Каширин был посмертно реабилитирован определением ВКВС от 1 сентября 1956 г. Его архивно-следственное дело является ценным источником о распространенных в НКВД в период большого террора недозволенных методах получения «признательных показаний» и следовательских фальсификаций.

Список литературы

1. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 14. – Март 1934–1940. – М., 1997. 334 с.
2. Население России в XX веке: в 3 т. – Т. 1. – М., 2000. 463 с.
3. Правда. – 1937. – 27 января.
4. Кропачев С.А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – Вып. 2 (80). – С. 65–76.
5. Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. – L.: Macmillan, 1969; Большой террор. В 2-х томах. – Рига: Ракстниекс, 1991. 416 с.+ 432 с.
6. Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена родине. – М.: Стрелок, 1995. 462 с.
7. Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А.А. Данилов. – М., 2004. – С. 433–451.
8. Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. – М.: Алгоритм, 2014. 239 с.
9. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
10. Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. – М.: Вече, 2003. 544 с.
11. Мельтюхов М.И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечеств. история. – 1997. – № 5. – С. 109–121.
12. Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. – М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.
13. Правда. – 1937. – 11 июня.
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Оп. 243–352. В Послужном списке Н.Д. Каширина числятся знаки за боевые отличия: орден «Св. Анны 4-й степени» с надписью «За храбрость», ордена «Св. Анны 2-й и 3-й степени» с мечами, ордена «Св. Станислава 2-й и 3-й степени» с мечами и бантом, орден «Св. Владимира 4-й степени» с мечами и бантом.
15. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. – М., 2012. 496 с.
16. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-23554: в 3 т. Т. 1. (здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены).

17. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23554: в 3 т. Т. 2.
18. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-23554: в 3 т. Т. 3.
19. Справка КГБ СССР и Генеральной прокуратуры СССР в Комиссию Политбюро ЦК КПСС о дополнительном изучении материалов, связанных с репрессиями в РККА. 24 февраля 1988 г. // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2008. – С. 551–560.
20. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-9000. Т. 1.
21. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-9000. Т. 12.
22. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / сост. В.Н. Хаустов. – М.: МФД, 2011. 528 с.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 171. Д. 412.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 417.

Archival and investigative file of the former commander of the North Caucasus Military District, army commander of the 2nd rank N.D. Kashirin as a source for the study of mass political repressions in the Red Army in 1937–1938

Vladimir S. Milbakh, Aleksey V. Dusin

The phenomenon of mass political repressions of 1937–1938 in the USSR continues to attract the attention of not only historians, but also ordinary citizens interested in the history of their country and its Armed Forces. Of particular interest are the issues of political persecution of the supreme commanding staff of the Red Army, a significant part of which was accused of conspiracy against the existing system. In 4,5 pre-war years, more than 800 representatives of the "red generals" became victims of the policy of repression (shot on charges of counter-revolutionary crimes, died in custody, committed suicide). The article presents the results of studying the materials of the archival and investigative case of one of the prominent Soviet commanders of the interwar period – commander of the 2nd rank N.D. Kashirin.

Ключевые слова: political repressions, commanding staff, arrest, conspiracy, Cossacks, investigation, interrogation protocol, falsification, execution, rehabilitation.

For citation: Milbakh, V.S., Dusin, A.V. (2022). Arhivno-sledstvennoe delo byvshego komanduyushchego vojskami Severo-Kavkazskogo voennogo okruga komandarma 2 ranga N.D. Kashirina kak istochnik dlya issledovaniya massovyh politicheskikh repressij v Krasnoj armii v 1937–1938 gg. [Archival and investigative file of the former commander of the North Caucasus Military District, army commander of the 2nd rank N.D. Kashirin as a source for the study of mass political repressions in the Red Army in 1937–1938]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 142–163. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_142

References

1. Stalin I.V. *Sochineniya* [Essays]. T. 14. Mart 1934–1940. M., 1997. 334 p.
2. *Naselenie Rossii v XX veke* [The population of Russia in the twentieth century]: v 3 t. T. 1. M., 2000. 463 p.
3. *Pravda*. 1937. 27 yanvary.
4. Kropachev S.A. *Sovetskaya propaganda 1937–1938 godov o masshtabah massovykh politicheskikh represij* [Soviet propaganda of 1937–1938 on the scale of mass political repression] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University]. 2011. Vyp. 2 (80). pp. 65–76.
5. Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. L.: Macmillan, 1969; *Bol'shoj terror*: v 2 t. Riga: Rakstnieks, 1991. 416 p.+ 432 p.
6. Rapoport V.N., Geller Y.U.A. *Izmena rodine* [Treason to the motherland]. M., «Strelec», 1995. 462 p.
7. Hlevnyuk O.V. «*Bol'shoj terror*» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii [The "Great Terror" of 1937–1938 as a problem of scientific historiography] // *Istoricheskaya nauka i obrazovanie na rubezhe vekov* [Historical Science and education at the turn of the century] / sost. A. A. Danilov. M., 2004. pp. 433–451.
8. Zemskov V.N. *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* [Stalin and the people. Why was there no uprising]. M.: «Algoritm», 2014. 239 p.
9. Suvenirov O.F. *Tragediya RKKa 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. M.: TERRA, 1998. 528 p.
10. CHERUSHEV N.S. *1937 god: Elita Krasnoj Armii na golgofe* [1937: The elite of the Red Army at Golgotha]. M.: Veche, 2003. 544 p.
11. Mel'tyuhov M.I. *Repressii v Krasnoj Armii: itogi novejsih issledovanij* [Repression in the Red Army: the results of the latest research] // *Otechestv. istoriya* [Fatherland. History]. 1997. № 5. pp. 109–121.
12. Pechenkin A.A. *Voennaya elita SSSR v 1935–1939 gg.: repressii i obnovlenie* [The military elite of the USSR in 1935–1939: repression and renewal]. M.: VZFEI, 2003. 172 p.
13. *Pravda*. 1937. 1 iyunya.
14. *Rossiiskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive]. Op. 243–352. V *Posluzhnom spiske N.D. Kashirina chisl'yatsya znaki za boeyle otlichiya: orden «Sv. Army 4-j stepeni» s nadpis'yu «Za hrabrost'», ordena «Sv. Army 2-ji 3-j stepeni» s mechami, ordena «Sv. Stanislava 2-ji 3-j stepeni» s mechami i bantom, orden «Sv. Vladimira 4-j stepeni» s mechami i bantom*.
15. CHERUSHEV N.S., CHERUSHEV YU.N. *Rasstrelyannaya elita RKKa* (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im равные). 1937–1941. Biograficheskij slovar' [The executed elite of the Red Army (1st and 2nd rank commanders, komkor, komdiv and their equals). 1937–1941. Biographical Dictionary]. M., 2012. 496 p.
16. *Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii (CA FSB RF)* [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. D. R-23554 v 3-h tomah. T. 1. (zdes' i dalje orfografiya i punktuciya istochnika sohraneny).
17. CA FSB RF. D. R-23554: v 3 t. T. 2.
18. CA FSB RF. D. R-23554: v 3 t. T. 3.
19. *Spravka KGB SSSR i General'noj prokuratury SSSR v Komissiyu Politbyuro CK KPSS o dopolnitel'nom izuchenii materialov, svyazannyh s repressiyami v RKKa*. 24 fevralya 1988 g. [Reference of the KGB of the USSR and the General Prosecutor's Office of the USSR to the Commission of the Politburo of the Central Committee of the CPSU on additional study of materials related to repression in the Red Army. February 24, 1988] // *Voennyj sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. 1–4 iyunya 1937 g.: Dokumenty i materialy* [Military Council under the People's Commissar of Defense of the USSR. June 1–4, 1937: Documents and materials]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. pp. 551–560.
20. CA FSB RF. D. R-9000. T. 1.
21. CA FSB RF. D. R-9000. T. 12.
22. *Lubyanka. Sovetskaya elita na stalinskoj golgofe. 1937–1938. Arhiv Stalina: Dokumenty i kommentarii* / Sost. V.N. Haustov [Lubyanka. The Soviet elite on Stalin's Golgotha. 1937–1938. Stalin's Archive: Documents and comments]. M.: MFD, 2011. 528 p.
23. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F.17. Op. 171. D. 412.
24. RGASPI. F.17. Op. 171. D. 417.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022
Одобрена после рецензирования 10.08.2022
Принята к публикации 22.08.2022

Малоизвестные страницы биографии генерал-лейтенанта И. Д. Попко

И. Г. Иванцов, И. В. Дубинин

В каждом регионе есть свои исторические персонажи, внесшие значительный вклад в ту или иную область познания. Одним из таких людей для Кубани и Ставрополя является историк, этнограф, просветитель и библиофил Иван Диомидович Попко. Родившись в станице Тимашевской Черноморского казачьего войска и начав службу рядовым казаком на родине, закончил он ее генерал-лейтенантом Казачьих войск в статусе предводителя дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей. Прожив последние годы жизни в Ставрополе, он оставил после себя значительное наследие – архив, книги и статьи по истории казачества и огромную библиотеку, уцелевшая часть которой хранится в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. Большая часть материалов, посвященная ему, отличается некоторой однобокостью и рассказывает об уже известных фактах его жизни. И поэтому множество небольших, кажущихся незначительными фактов, ускользают от внимания исследователей. Но именно из таких сведений и складывается настоящий портрет человека. В статье на основе архивных сведений делается попытка рассмотреть некоторые малоизвестные факты биографии и первые дни после смерти Ивана Диомидовича Попко.

Ключевые слова: архив, библиотека, И.Д. Попко, история казачества, литературные штудии, похороны.

Для цитирования: Иванцов И.Г., Дубинин И.В. Малоизвестные страницы биографии генерал-лейтенанта И.Д. Попко // История повседневности. 2022. № 3. С. 164–177. DOI 10.35231/25422375_2022_3_164

В статье рассматриваются некоторые частные, творческие, служебные взаимоотношения, эпизоды личной жизни, смерти, обстоятельства похорон и судьба личного архива генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска – И.Д. Попко.

Жизнь воина, историка, просветителя, библиофила и предводителя дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей была долгой и наполненной событиями. Многим этих событий хватило бы не на одну жизнь. Было в ней все: и нелегкое детство, учеба в Астраханской духовной семинарии и в Московской духовной академии; служба рядовым казаком, письмоводителем и адъютантом у атаманов Черноморского (затем Кубанского) казачьего войска, Григория Антоновича Рашпиля¹ и Николая Степановича Завадовского²; взлет по карьерной лестнице от есаула до генерал-лейтенанта; участие в Крымской войне (1853–1856), и Русско-турецкой (1877–1878).

Преуспев на военной стезе и закончив службу начальником Карской области в 1877–1878 гг., Иван Диомидович вплотную занялся изучением родного края. Конечно, первые попытки исследовательской деятельности относились еще к далекому 1850 г., но то были отрывочные случаи из задуманного им уже тогда большого дела – написания истории кавказских казачьих войск.

Те или иные стороны жизни историка описаны в достаточном количестве работ кавказских исследователей, среди которых особо нужно отметить публикации С.В. Фарфоровского, который одним из первых в начале прошлого века собрал и систематизировал биографические данные генерала [1; 2].

Неизвестные и малоизвестные биографические факты из жизни И.Д. Попко стали темой публикаций Б.А. Трехбратова [3; 4].

Статьи, касающиеся личной библиотеки И.Д. Попко, в свое время самого крупного книжного собрания на Северном Кавказе и некоторых биографических исследований жизни генерала, были изданы А.И. Слущким [5; 6].

Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко освещается в статье Т.А. Колосовской [7].

¹ Рашпиль Григорий Антонович (1801–1871) – генерал-лейтенант, исполняющий должность наказного атамана Черноморского казачьего войска.

² Завадовский Николай Степанович (1788–1853) – генерал, командующий войсками на Кавказской линии и Черномории, наказной атаман Черноморского казачьего войска.

Все эти исследования занимают важное место в отечественной историографии по истории казачества, поскольку индивидуально-биографическая составляющая исторических исследований расширяет границы наших представлений об эпохе, о месте человека в исторической среде, о самой этой среде в ее различных формах, состояниях и сущностных проявлениях.

Еще в далеком 1855 г., после публикации в журнале «Русский инвалид» своей статьи «Пластуны», И.Д. Попко писал другу детства – В.Ф. Золотаренко¹ – в Ставрополь о том, что это лишь начало задуманного им серьезного дела.

Первое крупное произведение краеведа «Черноморские казаки в их военном и гражданском быту» [8] было выпущено в 1858 г., второе – «Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско» [9] увидело свет в 1880 г. после отставки от военной службы.

Кроме этого, были статьи в газетах «Кавказ», «Русский инвалид», «Кубанские областные ведомости», «Ставропольские губернские ведомости» и журнале «Военный сборник». Судя по всему, были еще (пока не выявленные) материалы в других периодических изданиях.

Многое Иван Диомидович Попко не успел. В его квартире в Дворянском доме Ставрополя еще остались неразобранные документы. Когда Григорий Николаевич Прозрителев², в будущем друг и соратник, пришел знакомиться с ним, то: «Открыв дверь на парадную лестницу, ... был поражен, увидев массу архивных дел, в порядке лежавших на лестнице, так что для прохода оставалась лишь узенькая дорожка. Дела были старые, видна была синяя бумага, таинственные связки дел были в холщовых переплетах... Те же дела лежали целыми грудками на площадке и шли в следующую комнату, оставляя узкий проход. В этой последней комнате за столом среди тех же дел и шкапов с книгами сидел Иван Диомидович» [10, л. 112–113].

Печальна судьба его личного архива. Данная проблема исследовалась в работах Г.Н. Прозрителева [11, с. 653] и В. Загорской [12, с. 170–172].

¹ Золотаренко Василий Федорович (1818–1872) – писатель, кубанский этнограф и мемуарист.

² Прозрителев Григорий Николаевич (1849–1933) – русский учёный, краевед, общественный деятель. С 1884 редактировал газету «Северный Кавказ» (Ставрополь). 2 марта 1906 г. возглавил Ставропольскую губернскую ученую архивную комиссию. Член Таврической ученой архивной комиссии.

Вероятно, чувствуя приближение скорого конца, Иван Диомидович принял решение удочерить Нину, которую воспитывал до этого 7 лет. «Генерал-Лейтенант Иван Диомидович Попко и опекун над малолетнею Ниною, дочьрью неизвестных родителей, отставной подпоручик Валентин Михайлович Плеханов 17 января 1892 г. входили в Ставропольский Окружной суд с прошением, при котором представляя требуемые законом документы, пояснили: первый просьбу об усыновлении ему, на основании Высочайше утвержденного 12 марта 1891 г. мнения Государственного Совета, названной семилетней девочки Нины, подкинутой к дому его и крещенной 14 января 1885 года, с передачею ей его фамилии, а второй изъявил на то свое согласие» [13, л. 18 об.].

«Государь Император, снисходя на всеподданейшую просьбу Г. Губернского Предводителя Дворянства, генерал-лейтенанта Попко, в 25 день июля сего 1892 года, все милостивейше соизволил: разрешить воспитанницы его, Нине, усыновленной ему определением Ставропольского окружного суда от 22 января сего 1892 года, принять фамилию и отчество его...» [13, л. 18].

После смерти И.Д. Попко все имущество, в том числе рукописи и документы, достались ей в наследство. По решению Дворянского собрания над Ниной был назначен опекун, друг историка, Николай Николаевич Безменов. По официальной версии, именно из-за тщеславия и непомерной гордыни этого человека большая часть документов была утеряна [14, с. 653]. Впрочем, в газете «Казачий Терек» № 4 за 2016 г. была опубликована статья Н.А. Гребеньковой в которой правнук Н.Н. Безменова – Сергей Дмитриевич Филиппович – приводит совершенно другую версию частичной гибели архива историка [15]. Г.Н. Прозрителев обвинял Безменова, что на просьбы о передаче архива тот отвечал отказом, оправдывая это тем, что сам желал бы продолжить дело И.Д. Попко. Но, по версии Филипповича, опекун, являясь юристом, всего лишь следовал букве закона. Поэтому, когда Нина Ивановна Попко вышла замуж за Ивана Николаевича Панова, и тот стал ее опекуном, архив был передан архивной комиссии, которую возглавлял Г.Н. Прозрителев. Краевед утверждал, что описи архива он не видел, но правнук предполагает, что она все же существовала, потому что на сохранившихся папках стоит подпись судебного пристава.

Да и сам Прозрителев отмечал, что после перевозки архива в Ставрополь, он хранился у разных лиц без должной охраны, поэтому, предполагает Сергей Дмитриевич, часть дел могла пропасть именно тогда.

Кроме этого, по его словам, нет задокументированных свидетельств о том, что дом его прадеда когда-то горел, т.е. говорить о том, что часть архива сгорела, мы не можем.

Не нам судить, чья версия более правдоподобна – Г.Н. Прозрителева или С.Д. Филипповича, но даже та часть документов, которая сумела пройти через десятилетия, представляет собой огромное поле для деятельности исследователей.

Загадочна история некоторых его произведений. К примеру, в письме своему другу В.Ф. Золотаренко от 27 марта 1858 г. Иван Диомидович с гордостью писал о том, что отправил в редакцию газеты «Русский инвалид» статью «Русское управление в Карском пашалыке в 1856 году» [10, л. 183–183 об.]. К сожалению, до сегодняшнего дня судьба этого материала неизвестна.

А 21 ноября 1873 г. Иван Диомидович в докладной записке «По предмету, касающемуся историографии кавказского казачества и края» на имя начальника окружного штаба Кавказской армии Александра Павловича Свистунова¹ заявлял: «с давнего времени я неуклонно преследую мысли составить военно-историческое описание своего края и войска, в такой полноте, чтобы труд мой мог послужить со временем существенным пособием для историографа Кавказской войны...» [16, л. 23].

Для реализации своего плана он просил, во-первых, чтобы ему «разрешен был, собственно для исторических изысканий, беспрепятственный доступ в правительственные архивы Ставрополя, Георгиевская, Тифлиса и, отчасти, Владикавказа и Новочеркасска». Во-вторых, «чтобы мне дано было назначение, без исключения из войскового сословия, состоять при Кавказской армии, с получаемым мною ныне содержанием, дабы я, не испытывая крайности в средствах к жизни и не отвлекаясь другими служебными требованиями...» [16, л. 24 об.].

¹ Свистунов Александр Павлович (1830–1919) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант, начальник штаба Кавказского военного округа, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска, командир 5-го армейского корпуса. Принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг., в кампании 1864 г. на Кавказе. В 1896 г. под псевдонимом «А.С.» издал книгу «Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году».

Далее он предлагал, в качестве отчетов за проделанную работу публиковать статьи в известных периодических изданиях в Тифлисе, в которых бы он рассказывал о интересных исторических фактах, а «то и представлять формальный отчет» [16, л. 24 об.].

Исходя из последних строк, можно предположить, что в каких-либо периодических изданиях, выходявших в Тифлисе, вполне могли быть опубликованы доселе не известные произведения историка.

Самой загадочной является судьба второй неопубликованной части другого масштабного произведения «Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1: Гребенское войско...». В Государственном архиве Ставропольского края хранится любопытное письмо, посланное из Владикавказа 19 мая 1886 г. и адресованное И.Д. Попко его другом, Гавриилом Андреевичем Абрамовым¹, атаманом 1-го Военного отдела Терского Казачьего войска, с которым он познакомился еще в Санкт-Петербурге. Письмо на данный момент является единственным свидетельством, что вторая часть «Терских казаков...» была почти готова, но по причине финансовых трудностей и обиды историка на И.О. атамана Терского казачьего войска генерала Евгения Корнильевича Юрковского², она не была издана.

Гавриил Андреевич писал: «Разговорившись с ним (Евгением Корнильевичем Юрковским) на днях о Вашем сочинении "Терские казаки", я высказал ему причину, почему с Вашей стороны приостановлены дальнейшие выпуски их, тогда он поручил мне обратиться к Вам с просьбой о том, не можете ли Вы продолжать Ваше сочинение, если не встретится особенных каких-либо препятствий с Вашей стороны к этому, то он ручается исходатайствовать необходимые на это средства из войсковых сумм.

Я заметил ему, что теперь уже трудно рассчитывать на Вашу любезность в отношении дальнейшего продолжения работ, что нужно было вовремя прийти на помощь к Вам с материальными средствами, а теперь уже, пожалуй, это будет позд-

¹ Абрамов Гавриил Андреевич (1822–1885) – генерал-майор казачьих войск. Начиная службу в Гребенском полку Кавказского линейного казачьего войска. С 15 июля 1860 адъютант 3-й Кавказской казачьей бригады. В 1873–1877 гг. член Комитета иррегулярных войск по Терскому казачьему войску. С 1881 по 1885 гг. атаман 1-го Военного отдела Терского казачьего войска. Участвовал во многих экспедициях против горцев.

² Юрковский Евгений Корнильевич (1833–1899) – генерал-лейтенант, в 1881–1887 гг. исправляющий должность наказного атамана Терского казачьего войска. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

но, но сколько помню (из Ваших писем ко мне в Петербург) у Вас почти окончен второй выпуск, так нельзя ли просить, что бы хотя это сочинение увидело свет; Юрковский схватился за это и просит выпустить хотя это сочинение на войсковые средства, а об других выпусках пока будем ждать Вашего ответа» [13, л. 32–33 об.].

Далее он просил И.Д. Попко дать свой ответ на это предложение. Из письма видно, что Гавриил Андреевич пытался примирить историка и атамана, обещая первому: «лично я приму все меры к тому, чтобы были отпущены средства на издание Вашего сочинения. Сам Юрковский сознается, что к Вашим трудам местная администрация отнеслась с таким, более чем непростительным, равнодушием и хочет по возможности загладить прежние грехи» [13, л. 32 об.–33].

Но сильна была обида Ивана Диомидовича на руководство Терского казачьего войска, потому что сверху письма стоит резолюция историка, написанная его рукой, и поставившая крест на дальнейшей публикации выпусков, посвященных Терскому войску – «Отписано в отрицательном смысле 21 июня (1886 г.)» [13, л. 32].

В государственном архиве Ставропольского края, в фонде №52, хранится дело №261 – «Переписка дворянского собрания с ставропольским губернатором о смерти губернского предводителя дворянства Ивана Попко».

В материалах, посвященных жизни и творчеству Ивана Диомидовича, о его последних днях жизни и прощании с его телом, не упоминается вовсе или просто пишется, что он умер от рака в Харькове 30 сентября 1893 г.

Так же, в далеком 1872 г. в холодном Санкт-Петербурге умирал от рака его лучший друг – Василий Федорович Золотаренко, писавший в письме от 28 января 1872 г. о том, что «совсем захирел. Вот с 14 числа этого месяца (14 января 1872 г.) ни на службу и никуда не выхожу... Пошлая Питерская зима колом в горле стала...» [10, л. 112–113].

Во многих материалах о жизни Ивана Диомидовича Попко сказано, что он отправился в Харьков для лечения, но в повестке дня заседания Ставропольского дворянского собрания от 16 сентября 1893 г., за подписью и.д. губернского предводи-

теля дворянства Константина Алексеевича Рослякова¹, сказано, что «Ставропольский Губернский Предводитель Дворянства Генерал-лейтенант Иван Диомидович Попко, выбывший из города Ставрополя по делам службы 11 мая сего 1893 года в разные города Российской империи, 30 минувшего августа скончался в гор. Харьков» [17, л. 9].

Данная цитата, позволяет предположить, что Иван Диомидович, будучи в деловом путешествии по России и страдая раком желудка, 27 августа 1893 г. приехал в Харьков к профессору Вильгельму Федоровичу Грубе² для срочной операции, но, к сожалению, либо операцию сделать не успели, либо она не помогла, и историк скончался там же 30 августа.

Возможно, этот город был для историка очередным пунктом в его вояже по России, где давно мучившая болезнь взяла над ним верх. Иван Диомидович до конца своих дней занимался поиском фактов из жизни кавказских казаков и, быть может, в этой служебной командировке он занимался именно этим.

К сожалению, в деле нет медицинских документов о его смерти. Как нет и сведений о том, как решалась проблема с транспортировкой тела историка из Харькова. Но из доклада К.А. Рослякова за № 208 от 4 сентября 1893 г. на имя ставропольского губернатора Николая Егоровича Никифораки³ можно узнать, что «секретарь Дворянства подпоручик (Валентин Михайлович) Плеханов уведомил меня телеграммой, что он сего 4-го сентября утром выехал из города Харькова в Ставрополь с телом умершего Генерал-Лейтенанта Попко, сообщая об этом Вашему Превосходительству, имею честь покорнейше просить Вашего распоряжения относительно отдания назначения воинской почести покойному при встрече и погребении.

Имею честь уведомить господ депутатов дворянства, что тело скончавшегося Губернского Предводителя Дворянства, генерал-лейтенанта Попко, прибудет в дом его сегодня в 2 ½ часа

¹ Росляков Константин Алексеевич – надворный советник, после смерти И.Д. Попко с 30.08.1893 по 04.01.1896 гг. исполнял должность предводителя дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей.

² Грубе Вильгельм Федорович (1827–1898) – русский ученый-медик, хирург, доктор медицины, заслуженный профессор, инициатор создания Харьковского медицинского общества. С профессор Харьковского университета по кафедре оперативной хирургии и хирургической клиники. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. После войны вернулся в Харьков и продолжил преподавательскую и лечебную деятельность на факультетской хирургической клинике Харьковского университета.

³ Никифораки Николай Егорович (1838–1904) – генерал-лейтенант, российский государственный и военный деятель, участник Кавказской и русско-турецких войн, начальник Черноморского округа, с 1887 по 1904 гг. губернатор Ставропольской губернии.

дня по полудни и по сему покорнейше прошу их пожаловать в указанное время к панихиде 6 сентября 1893 г.» [17, л. 1–2].

В срочном порядке были составлены списки приглашенных. На панихиде и похоронах были друзья и знакомые в основном из Ставрополя. Все происходило быстро и в спешке, поэтому из других городов, близкие люди просто бы не успели прибыть. Тело И.Д. Попко пролежало в Харькове с 30 августа по 4 сентября, далее было отправлено в Ставрополь, куда и прибыло 6 сентября во второй половине дня.

Доказательством тому служат списки присутствовавших на столь печальном событии 79 чел. [17, л. 3–5 об.]. Причем составители разделили приглашенных на две части, в первую вошли потомственные дворяне, а во вторую – люди, которые были обозначены просто – знакомые.

О том, что списки составлялись в спешке, говорит, то что последние три персоны были записаны в самый последний момент, другим почерком и карандашом. Некоторые фамилии были вычеркнуты, а затем восстановлены вновь.

Смерть генерал-лейтенанта, историка, просветителя и библиофила вызвала печаль и скорбь не только среди местного казачьего населения. Некрологи о его кончине появились и в столичных изданиях: журналах «Всемирная иллюстрация», «Исторический вестник», «Новое время», газете «Новости» и др.

В последние десятилетия в регионах Российской Федерации растет интерес к собственной, региональной истории. Не являются исключением Кубань и Ставрополье, имеющие «общих» исторических персонажей. И.Д. Попко, являясь довольно значимой личностью на Северном Кавказе XIX в., оказал огромное влияние на развитие историографии не только кавказского казачества, но и российского.

Тем не менее, в его биографии довольно много пробелов и неясностей, которые еще ждут своего исследователя.

Попка
И. Д. Попка родился 28-го августа 1819 года, получил образование в московской духовной академии; на военную службу поступил 1-го июля 1841 года, в первый офицерский чин хорунжого произведенъ былъ за боевые отличія въ 1843 г., чинъ войскового старшины получилъ также за боевые отличія въ 1852 году, въ полковника произведенъ въ 1861 году, черезъ девять лѣтъ былъ уже генераль-майоромъ и чинъ генераль-лейтенанта также получилъ за боевые отличія. Служба его вся протекла на Кавказѣ. Съ 1864 по 1871 годъ онъ командовалъ Перекопскимъ полкомъ кубанскаго войска. Съ 1874 г. до конца своей жизни былъ ставропольскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Ген.-лейт. Попка принадлежалъ къ заслуженнымъ боевымъ

2369

Попка
генераламъ нашей арміи, одно время служилъ въ гвардіи, участвовалъ въ кампаніяхъ: 1841—1846, 1848, 1849, 1852—1855, 1877 годахъ. Имѣлъ русскіе ордена включительно до св. Александра Невскаго. И турецкій Меджидіе 4-й степени, полученный еще въ 1856 году. Покойный около года страдалъ ракомъ въ желудкѣ, прибылъ въ Харьковъ 27-го августа, чтобы сдѣлать операцію у професора В. Ф. Грубе. Не смотря на всѣ принятые мѣры, продлить жизнь его не удалось. Въ виду того, что похороны состоятъ по прибытіи родственниковъ и депутатовъ ставропольскаго дворянства, тѣло покойнаго набальзамировано. Миръ праху твоему, до блестный воинъ и честный гражданинъ.

2370

Списки приглашенных на прощание с телом И. Д. Попко:

1. Действительный статский советник Петр Яковлевич Букло; 2. Капитан Иван Осипович Бирюков; 3. Статский советник Иван Федорович Богданович; 4. Полковник Михаил Осипович Бржезицкий; 5. Статский советник Василий Степанович Воскресенский; 6. Коллежский советник Игнатий Иванович Вейтко; 7. Надворный советник Семен Григорьевич Воинов; 8. Губернский секретарь Дмитрий Степанович Воскресенский; 9. Коллежский секретарь Петр Вячеславович Варяжский; 10. Подполковник Михаил Михайлович Гладко-Сацкий; 11. Штабс-капитан Федор Рамианович Гриельский; 12. Чиновник контрольной палаты Константин (Мияч) Гладкий; 13. Капитан Николай Рамианович Гриельский; 14. Подпоручик Виктор Максимович Горбаконь; 15. Коллежский ассессор Тимофей Михайлович Григоревский; 16. Учитель Духовной семинарии Василий Михайлович Григорьев; 17. Надворный советник Федор Иосифович Губаревский; 18. Статский советник Василий Филиппович Долгов; 19. Коллежский секретарь Николай Филиппович Долгов; 20. Полковник Павел Андреевич Есаулов; 21. Коллежский ассессор Владимир Георгиевич Ермаков; 22. Поручик Валериан Георгиевич Ермаков; 23. Надворный советник Степан Алексеевич Елфимов; 24. Надворный советник Василий Степанович Иноземцев; 25. Статский советник Савва Прокофьевич Кривцов; 26. Статский советник Михаил Васильевич Краснов; 27. Майор Павел Степанович Кушнарев; 28. Полковник Матвей Дмитриевич Лосков; 29. Коллежский советник Павел Корнеевич Любомирский; 30. Полковник Николай Прокофьевич Евстафьев; 31. Полковник Павел Александрович (Майканин); 32. Статский советник Николай Степанович Мальзевский; 33. Коллежский советник Александр Федорович Макаровский; 34. Надворный советник Федор Андреевич Миклашевский; 35. Статский советник Болеслав Осипович Новицкий; 36. Капитан Павел Петрович Никольский; 37. Подпоручик. Титулярный советник Павел Дмитриевич Невтонов; 38. Штабс-капитан Александр Дмитриевич Невтонов; 39. Провизор Ришард Антониович-Орловский; 40. Генерал-майор Алексей Никитич Попов; 41. Титулярный советник Петр Дионисович Парамонов; 42. Титулярный советник Корнилий Георгиевич Пышненко; 43. Губернский секретарь Григорий Николаевич Прозрителев; 44. Действительный статский советник Адриан Осипович Рудановский; 45. Майор Алексей Васильевич Списовский; 46. Надворный советник Александр Серафимович Сестрицын; 47. Подпоручик Дмитрий Васильевич Фостиков; 48. Статский советник Иван Васильевич (Хмылов); 49. Коллежский советник Юлий Федорович Шульц; 50. Дворянин Платон Федорович Шиповалов; 51. Надворный советник Иосиф Спиридонович Спиридонов; 52. Коллежский советник Иван Петрович Янчевский; 53. Титулярный советник Семен Григорьевич Ягуненко; 54. Титулярный советник Петр Фадеевич Моравский; 55. Надворный советник Илья Ильич Розин; 56. Статский советник Алексей Васильевич Архангельский; 57. Действительный статский советник Михаил Андреевич Перепилицын; 58. Преподаватель Владимир Алексеевич Богословский; 59. Подпоручик Василий Алексеевич Богословский; 60. Надворный советник Георгий Иванович Галатузов; 61. Подполковник Константин Карпович Позе; 62. Штабс-капитан Федор Григорьевич Сергиенко; 63. Надворный советник Николай Иванович Стоянов; 64. Подпоручик Сергей Николаевич Флоринский; 65. Кирилл Николаевич Флоринский; 66. Аркадий Матвеевич Штукин; 67. Иван Николаевич

Безменов; 68. Николай Николаевич Безменовы; 69. Статский советник Александр Васильевич Архангельский; 70. Статский советник Алексей Ефимович Косташ; 71. Действительный статский советник Михаил Андреевич Перепилицы; 72. Действительный статский советник Генрих Львович Виккерман; 73. Действительный статский советник Николай Иосифович Роковский; 74. Статский советник Николай Алексеевич Цареградский; 75. Статский советник Петр Семенович Случевский; 76. Введенский Аполлон Никитич; 77. Александр Степанович Ключарев; 78. Анна Яковлевна Ахвердова; 79. Иван (...) Кувшин (...).

Список литературы

1. Фарфоровский С.В. Биографические сведения о И.Д. Попко // Русский архив. – М.: Синодальная типография, 1910. – №1. – С. 93–95.
2. Фарфоровский С.В. Литературная деятельность И.Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1910. – Вып. 1.
3. Трехбратов Б.А. Чтобы память была долгой и доброй: общий обзор биографии писателя, историка и воина // Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. – Краснодар: Традиция, 2021. – С. 10–41.
4. Трехбратов Б.А. Неизвестное об известном: новые факты из творческой биографии генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. – Краснодар: Традиция, 2021. – С. 99–115.
5. Слуцкий А.И. Заметки о библиотеке Ивана Диомидовича Попко и ее каталоге // Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко. – Краснодар: Альбатрос, 2017. – С. 22–41.
6. Слуцкий А.И. Рукопись И.П. Максимова «к биографии Ивана Диомидовича Попко» // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГУКИ, 2011. – № 4 (42) – С. 123–126.
7. Колосовская Т.А. «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления». Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. – М.: Министерство обороны РФ, 2014. – № 4. – С. 53–58.
8. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в семнадцати рассказах, с эпилогом, картоно и четьгьрья рисунками с натуры: в 2 ч. – СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1858. 292 с.
9. Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен: Ист. Очерк. Вып. 1: Гребенское войско: Со вступ. очерком, примеч. и прил. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880. – [2], XLIV, [2], IV, 517 с.
10. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.
11. Прозрителев Г. Н. Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. / под ред. В.А. Шаловалова, К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – Т. 3. – С. 653.
12. Загорская В. Архив покойного генерала Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 2. – Ставрополь: Тип. Губ. прав., 1910. – С. 170–172.
13. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 244.
14. Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. / под ред. В.А. Шаловалова, К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – Т. 3. – С. 653.
15. Гребенькова Н.А. «Злой дух» утраченного архива: новый поворот. – Казачий Терек. 2016. № 4.
16. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 28.
17. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 261.

Little-known pages of the biography of Lieutenant General I. D. Popko

Igor G. Ivantsov, Igor V. Dubinin

Each region has its own historical characters who have made significant contributions to a particular area of knowledge. One of these people for the Kuban and Stavropol is the historian, ethnographer, enlightener and bibliophile Ivan Diomidovich Popko. Born in the village of Timashevskaya of the Black Sea Cossack army and starting service as an ordinary Cossack in his homeland, he finished it as lieutenant general of the Cossack troops in the status of Leader of the Nobility of the Stavropol province, Kuban and Terek regions. Having lived the last years of his life in Stavropol, he left behind a significant legacy – an archive, books and articles on the Cossacks history and a huge library, the survived part of which is stored in the Stavropol Regional Universal Scientific Library named after M.Yu. Lermontov. Most of the materials devoted to him are distinguished by some one-sidedness and tell about the already known facts of his life. And so a lot of small, seemingly insignificant facts escape the attention of researchers. But, it is from such information that a real portrait of a person is formed. The article, based on scarce archival information, attempts to consider some little-known facts of his biography and the first days after the death of Ivan Diomidovich Popko.

Key words: archive, library, I.D. Popko, history of the Cossacks, literary studies, funerals.

For citation: Ivantsov, I.G., Dubinin, I.V. (2022). Maloizvestnye stranicy biografii general-lejtenanta I.D. Popko [Little-known pages of the biography of Lieutenant General I.D. Popko]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 164–177. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_164

References

1. Farforovskij S.V. *Biograficheskie svedeniya o I.D. Popko* [Biographical information about I.D. Popko] // *Russian archive*. Moscow: Synodal printing house, 1910. No. 1. pp. 93–95. (In Russ.)
2. Farforovskij S.V. *Literaturnaya deyatel'nost' I.D. Popko* [Literary activities of I.D. Popko] // *Trudy Stavropol'skoj uchenoj arhivnoj komissii* [Proceedings of the Stavropol Scientific Archival Commission]. Stavropol: Type. Provincial Board, 1910. Issue 1. (In Russ.)
3. Trekhbratov B.A. *Chtoby pamyat' byla dolgoj i dobroj: obshchij obzor biografii pisatelya, istorika i voina* [So that the memory is long and kind: a general review of the biography of the writer, historian and warrior] // *Sud'ba kubanskogo oficera v kontekste obshchej istorii kraja* [The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region]. Krasnodar: Tradition, 2021. pp. 10–41. (In Russ.)
4. Trekhbratov B.A. *Neizvestnoe ob izvestnom: novye fakty iz tvorcheskoy biografii general-lejtenanta I.D. Popko* [Unknown about the famous: new facts from the creative biography of Lieutenant General I.D. Popko] // *Sud'ba kubanskogo oficera v kontekste obshchej istorii kraja* [The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region]. Krasnodar: Tradition, 2021. pp. 99–115. (In Russ.)

5. Sluckij A.I. *Zametki o biblioteke Ivana Diomidovicha Popko i ee kataloge* [Notes on the library of Ivan Diomidovich Popko and its catalog] // *Materialy k bibliograficheskoj rekonstrukcii kataloga lichnoj biblioteki Ivana Diomidovicha Popko* [Materials for the bibliographic reconstruction of the catalog of the personal library of Ivan Diomidovich Popko]. Krasnodar: Albatros, 2017. pp. 22–41. (In Russ.)

6. Sluckij A.I. *Rukopis' I.P. Maksimova «k biografii Ivana Diomidovicha Popko»* [Manuscript of I.P. Maksimov "To the biography of Ivan Diomidovich Popko"] // *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the south of Russia]. – Krasnodar: KSUKI, 2011. No. 4 (42). pp. 123–126. (In Russ.)

7. Kolosovskaya T.A. «Poka arhivy ne sdelalis' dobychej pozhara ili tleniya». *Istoriko-issledovatel'skaya deyatel'nost' general-lejtenanta I.D. Popko* ["Until the archives have become the prey of a fire or smoldering." Historical and research activities of Lieutenant General I.D. Popko] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. Moscow: Ministry of Defense of the Russian Federation, 2014. No. 4. pp. 53–58. (In Russ.)

8. Popko I.D. *Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: ocherki kraya, obshchestva, vooruzhennoj sily i sluzhby: v semnadcati rasskazah, s epilogom, kartoyu i chetyr'mya risunkami s natury: v 2 ch.* [Black Sea Cossacks in their civil and military everyday life: essays on the region, society, armed forces and services: in seventeen stories, with epilogue, cards and four drawings from nature: in 2 hours]. Sankt-Peterburg: Tip. P. A. Kulisha, 1858. 292 p. (In Russ.)

9. Popko I.D. *Terskie kazaki s starodavnih vremen: Ist. Ocherk. Vyp. 1. Grebenskoe vojsko: So vstup. ocherkom, primech. i pril.* [Terek Cossacks since ancient times: East. Feature article. Ext. one: Grebensky army: with entry. Essay, note. and adj]. Sankt-Peterburg: Tip. Dep. udelov, 1880. [2], XLIV, [2], IV, 517 p. (In Russ.)

10. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraya (GASK)* [State Archive of the Stavropol Territory]. F. 377. Op. 1. D. 7.

11. Prozritelev G.N. *Pamyati kavkazskogo istorika generala Popko i sud'ba ego arhiva* [Memory of the Caucasian historian General Popko and the fate of his archive] // *Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Antologiya* [Disgraced: Russian writers reveal the Caucasus. Anthology: In 3 volumes]: v 3 t. / pod red. V.A. Shapovalova, K.E. Shtajn. Stavropol': izd-vo SGU, 2011. T. 3. P. 653. (In Russ.)

12. Zagorskaya V. *Arhiv pokojnogo generala Popko* [Archive of the late General Popko] // *Trudy Stavropol'skoj uchenoj arhivnoj komissii. Vyp. 2. Stavropol': tip. Gub. prav., 1910. pp. 170–172.* (In Russ.)

13. GASK. F. 52. Op. 1. D. 244.

14. *Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Antologiya: V 3 t.* [Disgraced: Russian writers reveal the Caucasus. Anthology: In 3 volumes] / Pod red. V.A. Shapovalova, K.E. Stein. Stavropol': publishing house of SSU, 2011. Vol. 3. 1104 p. (In Russ.)

15. Greben'kova N.A. «Zloj duh» *utrachennogo arhiva: novyj povорот.* [The "Evil Spirit" of the lost archive: a new turn. [Archive of the late General Popko]. *Kazachij Terek.* 2016. № 4. (In Russ.)

16. GASK. F. 377. Op. 1. D. 28.

17. GASK. F. 52. Op. 1. D. 261.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022
Одобрена после рецензирования 21.07.2022
Принята к публикации 13.08.2022

Повседневная жизнь одной семьи «бакинских» немцев в годы депортации (по воспоминаниям, архивным и экспедиционным материалам)

Е. А. Скоп

Вопрос сохранения исторической памяти о событиях определенного периода, о судьбах своих предков, ставшими их свидетелями, и толкование прошлого через призму документальных свидетельств является очевидной необходимостью.

История миграции немцев-колонистов разнообразна. С учетом внешних и внутренних факторов она позволяет проследить судьбу конкретных людей, установить причины их перемещения от одного места жительства к другому с учетом географических особенностей местности и семейных, религиозных связей.

В статье рассматривается жизнь немецкого населения Азербайджана в начале XX в. На основе разнообразных источников раскрывается судьба одной из семей «бакинских» немцев, подвергнутых репрессиям в сталинские годы. Описываются сюжеты, связанные с их жизнью в трудовой армии, на спецпоселении и после реабилитации. Рассказывается о попытке сохранения исторической памяти о депортированных «советских», в том числе, «бакинских», немцев о нашей поездке в составе совместной экспедиции «Воркута 2022» Немецкого молодежного объединения России и Музея ГУЛАГ к месту проживания семьи автора в г. Воркуте (на спецпоселении).

Ключевые слова: бакинские немцы, Азербайджан, депортация, российские немцы, трудармия, трудармейцы, Воркутлаг, сохранение исторической памяти, Немецкое молодежное объединение.

Для цитирования: Скоп Е.А. Повседневная жизнь одной семьи «бакинских» немцев в годы депортации (по воспоминаниям, архивным и экспедиционным материалам) // История повседневности. 2022. № 3. С. 178–188. DOI 10.35231/25422375_2022_3_178

После распада СССР у исследователей разных областей знаний возрос интерес к изучению темы, связанной с жизнью «советских», а впоследствии российских немцев. Это – вопросы языка, быта, культуры, литературы, вероисповедания, жизни в различных исторический период на просторах Российской империи и Советского Союза.

Не иссякает интерес и к вопросам депортации, ставшей во многом переломным моментом в жизни отдельных людей, семей и целого народа. Немало исследователей данной темы являются выходцами из немецких родов, на личном опыте испытавших этот политический эксперимент.

Исследуя прошлое своей семьи, автор пытается воссоздать повседневную жизнь ее членов, пройти дорогами, которые так или иначе связаны с его предками; на основе документальных материалов подтвердить или опровергнуть сохранившиеся воспоминания и уменьшить количество «белых пятен» в истории народа на примере конкретных лиц.

Представленная статья является частью объемного исследования, которое проводится автором по истории его предков – немецких колонистов; попыткой рассмотреть жизнь «бакинских немцев», семьи Роот в местах их проживания; установить время их появления в Азербайджане; причины, побудившие к переезду из Поволжья; и отдельные эпизоды судьбы после депортации в контексте конкретных исторических событий.

В настоящее время жизнь «бакинских немцев» в разный хронологический период описана в трудах таких исследователей, как Т.Н. Чернова-Дёке [1–3], М.Ш. Джафарли [4; 5], Х.Ю. Вердиева [6–8], С.М. Зейналова [9–11] и некоторых других [12; 13]. Устные свидетельства, воспоминания, сведения из ранее не публиковавшихся архивных документов Информационного центра ГУ МВД Новосибирской области [14; 15] послужили основными источниками статьи.

По данным семейного архива, Соломон Роот родился в семье потомственного кузнеца Гейнриха Гейнриховича Роота и его жены Эмилии Христиановны Роот (Рейнхерт) в 1904 г., в с. Сусанненталь Рязанского уезда Самарской губернии Унтервальденского кантона, когда Эмилия гостила у родителей. В начале 1900 г. Гейнрих (Андрей) Роот решил на переезд

в г. Баку в поиске лучшей жизни. Весной 1905 г., после того, как ребенок окреп, жена с сыном вернулись к Гейнриху.

Соломон был старшим ребенком в семье, в которой вскоре стали рождаться девочки: София (1910), Розалия (1913), Ольга (1915). В период 1905–1926 гг. Роот жили в г. Баку по ул. 28 апреля, дом 15 [14; 15].

Амалия Фридриховна Роот (Прахт) родилась в с. Екатери-ненштадт в семье немцев-поселян Иоганна Фридриха Прахта и Марии-Доротей Кениг, став младшим из четырех детей (Анны, Карла и Давида). Ее предки, как и предки Соломона Роота, были первыми жителями этого села. Волею судеб семья Амалии в 1924 г. переехала в Азербайджан, в г. Баку, спасаясь от голода после смерти отца в 1922 г. [14]. Так они стали «бакинскими» немцами.

Как указывает один из исследователей, М.Ш. Джафарли, «бакинскими немцами» называли в следственных делах, меморандумах, сводках ГПУ-НКВД не только немцев, проживавших постоянно в Баку, но и колонистов, переехавших в столицу Азербайджана временно, на учебу или на работу, а также иноспециалистов из Германии и сотрудников германского консульства в Баку [4, с. 21].

Немецкие семьи в Азербайджане отличались высокой рождаемостью. Анализ анкетных данных арестованных показывает, что во многих семьях количество детей достигало порою шести человек. С начала XX в. численность населения в колониях Азербайджана увеличилась почти в четыре раза. Однако с 1930-х гг. начал происходить обратный процесс. Это было обусловлено несколькими причинами: сокращением рождаемости из-за резкого ухудшения уровня жизни, выездом части молодежи для получения высшего образования в Баку, другие крупные города страны и массовыми арестами колонистов [4, с. 26].

В г. Баку, по данным на 1913 г., было зарегистрировано 3 274 немца, а по переписи 22 октября 1917 г., проведенной Статистическим отделом в г. Баку, их было только 2 777 человек. К 1928 г. в Баку проживало ок. 3000 немцев, при этом большая часть из них (ок. 2500) были колонисты-волжане, переселенные в Баку из голодного Поволжья в начале 20-х годов прошлого столетия [6, с. 394].

По воспоминаниям Амалии Роот, после смерти отца в 1922 г. у сестры и братьев уже были свои семьи, часть из них жили в г. Баку. По их рассказам, фрукты там росли на улице на деревьях и их можно было срывать. Один из братьев Амалии был женат на сестре Соломона, к ним и решили ехать [16].

В Баку Амалия училась на портниху-белошвейку и работала домработницей. В 1929 г. Амалия Прахт и Соломон Роот поженились [14]. Стали рождаться дети: в 1930 г. – дочь Ольга, в 1933 г. – дочь Эрика, в 1940 г. – сын Адольф. Также в семье жила дочь Соломона от первого брака – Эрну (1925 г.) [15].

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в республике численность немцев составляла 23 133 чел., они старались вдали от исторической родины сохранить культурные ценности, черты национального самосознания, и те традиционные особенности, привезенные ими из Германии в Азербайджан, который стал для них второй родиной [9, с. 77].

К началу XX в. немецкое население Азербайджана имело достаточно высокий уровень экономического развития, о чем свидетельствует их хозяйственная и промышленная деятельность, приносящая им значительную прибыль.

С конца 20-х и в 30-е гг. XX в. в Азербайджанской ССР, как и во всех союзных республиках, проводилась политика сплошной коллективизации сельского хозяйства. С 1929 г. в немецких селениях началась кампания по коллективизации и записи бедняков и середняков в колхозы. К середине 1930-х гг. в немецких поселениях проводились усиленные меры против кулачества. Аресты и репрессии усилились во второй половине 30-х гг. – период проведения массовых репрессий. Большая часть репрессированных немцев была выслана из Азербайджана в лагеря НКВД в Сибирь, Алтайский край, либо степи Казахстана, и связь с ними для родных сразу прекратилась [10, с. 85, 89, 90]. Эти люди стали первыми немцами, которые испытали на себе действие репрессий.

С началом Великой Отечественной войны наступил последний этап пребывания немцев на азербайджанской земле.

Во второй половине октября 1941 г. на совещаниях ЦК КП(б) Азербайджана первый секретарь М.Д. Багиров подчеркивал, что во многих местах фашистским бандам удастся сравнительно легко работать, создать панику, дезорганизацию по-

сылать шпионов, диверсантов и всякую другую нечисть для того, чтобы распространять провокационные слухи. Ответом стало усиление репрессий [7, с. 251, 252].

Оставшееся к середине 1941 г. приблизительно 20-тысячное население колоний и 5 000 немцев, проживавших в Баку, Гяндже и других районах Азербайджана, были депортированы в Акмолинскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Новосибирскую, Павлодарскую и Северо-Казахстанскую области азиатской части СССР. По архивным данным НКВД СССР, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации, численность депортированных немцев из Закавказья выражалась следующими цифрами: Азербайджанская ССР – 25 625 чел., Грузинская ССР – 20 423 и Армянская ССР – 212 [4, с. 26].

Согласно Книге Памяти Астраханской области, семья Соломона Андреевича Роота (1904 г. р.), грузчика в тресте столовых, включая жену Амалию Фридриховну Роот (1907 г. р.), детей: Эрну Соломоновну Роот (1925 г. р.), Эрику Соломоновну Роот и Адольфа Соломоновича Роота (1940 г. р.), проживавших в г. Баку по ул. Низами, д. 48, была выселена на спецпоселение в Казахскую ССР [17].

По документам личного дела № 12597 спецпоселенца С.А. Роота можно проследить хронологию событий перемещения семьи. Из материалов следует, что в 1941 г. после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», Соломон решил переехать в Чкаловскую область, где жила мать Амалии с сестрой, которая была эвакуирована вместе с заводом «Крекинг» из Баку. В Чкаловскую область они приехали в конце октября 1941 г. Там он устроился на завод, но позже, семью выслали в Чкаловскую область, Кваркенский район, прииск (станция) Андерляр.

В начале декабря 1941 г. вместе с другими лицами немецкой национальности Соломона переселили в колхоз «Красный уралец», откуда в феврале 1942 г. он был мобилизован в трудармию в Волжлаг НКВД в г. Ульяновске.

Как указывал сам Соломон, в 1941 г. он выехал из Баку самостоятельно, на руках остался паспорт, военный билет, трудовая книжка и другие документы. Выписался из 5-го отделе-

ния милиции г. Баку и снялся с военного учета. По прибытии в г. Орск прописался в милиции данного города и встал на военный учет.

В апреле 1942 г. из г. Орска Чкаловской области был мобилизован из с. Верхняя Кардаиловка Кваркенского района Чкаловской области в трудовую армию. Трудовая книжка и профсоюзный билет были изъяты райвоенкоматом в Волжлаге.

С 1942 г. по 1943 г. он содержался в г. Ульяновске, Волжлаге, трудился на строительстве железной дороги Ульяновск-Казань.

В 1943 г. был направлен в лагерь Воркутлага, где ему пришлось работать в угольной шахте № 4 комбината «Воркутуголь» в качестве взрывника, затем десятником в карьере.

В 1945 г. Соломону разрешили вызвать к себе семью. Она находилась к тому времени в колхозе и, так как не имела опыта крестьянской работы, жила плохо. Амалия на учете спецпоселения не состояла и только по прибытии в г. Воркуту была взята местными органами МВД на спецучет.

В Воркуте семья проживала по адресу: поселок шахты № 4, д. 52, подъезд 3, кв. 3. В 1949 г. Соломон был переведен в Кожвинский район д. Усть-Воя на точильную фабрику, где работал в качестве слесаря, и семья проживала в пос. Пиня-из, барак № 1, кв. 3, спецкомендатура № 3.

Соломон Рот, как и многие другие, писал письма на имя Сталина, начальников лагерей различных уровней, в Верховный Совет СССР, министру юстиции СССР, редактору газеты «Правда», в которых рассказывал об ошибочности его депортации. Он искренне верил, что те, кому он адресовал сообщения, во всем разберутся, вернут его и всю семью в родной Баку или разрешат воссоединиться с матерью и сестрами, переехав в Новосибирскую область на ст. Кривощекково, 53 квартал, д. 2, кв. 4, где они на тот момент проживали.

В результате его настойчивых письменных обращений семье все-таки разрешили приехать в Новосибирск [15].

К тому времени из трех детей в живых остался только один младший сын, Адольф – голубоглазый мальчик с кудрявыми волосами. Сам Соломон подорвал свое здоровье, и из веселого, улыбочивого франта, которым его помнили друзья по Баку, стал трудноузнаваемым, похудевшим и болезненным человеком. В Баку ему так и не удалось вернуться.

Он был трудоустроен на одно из производственных предприятий Новосибирска, где, по воспоминаниям Адольфа Соломоновича, трудился честно и добросовестно. Но по причине своей прямолинейности, нетерпимости к несправедливости и непорядочности, часто вступал в спор с одним из бригадиров. На него стали писать жалобы, а после очередной ссоры с руководителем, в соответствии с приказом, его отстранили от работы и выселили за 101 км, в Тогучинский район Новосибирской области. Семья последовала за ним.

После смерти Сталина и последовавшего затем послабления режима содержания, в 1956 г., семья поселилась в одном из домов Кировского района г. Новосибирска, где уже компактно проживали несколько немецких семей. Однако подорванное тяжелой работой здоровье стало ухудшаться, и через несколько лет Соломон скончался на руках своей верной супруги и сына.

Амалия Фридриховна замуж больше не вышла, посвятила себя семье сына и воспитанию внуков и правнуков. Она была очень молчаливой, не любила рассказывать о былом, но часто вспоминала свое детство на Волге, счастливую жизнь с детьми и мужем в ставшем таким родным городе ее молодости Баку, куда она больше никогда не возвращалась.

С.А. Роот до последнего мечтал оказаться в г. Баку, именно этот город он считал своим родным, там родились его дети, прошла большая часть его жизни, остались его друзья и любимый дом.

В письме к Молотову Соломон просил снять «с него наказание (спецпоселение), так как быть крепостным даже у своей советской власти очень неприятно. Я хочу прожить остаток своих дней дома, в своем родном городе Баку» [15].

В 1958 г. Соломон предпринял попытку побывать в г. Баку, но ему не разрешили... В письме своему другу по Воркутлагу Теодору он сообщал, что прибыл в г. Мацхета, «домой, в г. Баку не пустили, нам нет прописки...» [18]. Приехать в такой любимый и родной Баку никому из ранее живших там членов семьи Роот так и не удалось...

Депортация немцев (и коренных горских народов) нанесла серьезный удар по экономическому и культурному потенциалу районов Кавказа. Произошла непоправимая утрата трудо-

любивого, успешного сельского и городского населения. Мало немцев оставалось или вернулось сюда [1, с. 195].

Изучение всех этапов жизни семьи Роот является частью авторского исследования. Запланированы экспедиции во все места проживания семьи автора по уже известным адресам, что поможет открыть новые, ранее неизвестные страницы жизни «бакинских» немцев в Поволжье, Баку, Орске, Воркуте и одном из «немецких поселков» Новосибирска.

В настоящее время ведется подготовительная работа по изданию Книги Памяти советских немцев, депортированных в Новосибирскую область и оказавшихся сибиряком поневоле, в том числе из Азербайджанской ССР. Осуществляется поиск информации по архивным учреждениям Новосибирской области и Новосибирска с целью увековечивания их имен, что позволит родным, близким и всем заинтересованным лицам облегчить поиск, узнать имеющиеся данные о своих родных.

В январе 2022 г. исполнилось 80 лет с начала мобилизации лиц немецкой национальности в трудовые колонны (в трудовую армию). К этой скорбной дате Немецкое молодежное объединение России совместно с Музеем истории ГУЛАГа (Москва) организовало экспедицию в Воркуту, подготовка к которой продлилась не один месяц.

Автор статьи также смог стать участником данной экспедиции, пройти дорогами его предков, посетить место нахождения угольной шахты № 4, где отбывал трудовую повинность Соломон Роот, в поселке угольной шахты № 4, в котором проживали Амалия Фридриховна и Адольф.

Уникальность этой экспедиции состоит в возможности не только пройти тропами семейной истории, узнать о влиянии немцев-спецпереселенцев на архитектуру, культуру, развитие Воркуты, но и побывать на местах захоронений немцев-трудармейцев, пообщаться с их потомками. Одним из самых важных моментов в экспедиции для автора – участие в социальной акции по благоустройству и облагораживанию Мемориала советским немцам-трудармейцам в Воркуте, установленного в 2012 г. на месте, где ранее располагалась спецкомендатура; внести свой вклад в проведение таких работ; возложить цветы от имени всех потомков трудармейцев

в знак того, что мы помним этот период истории нашего народа, и эту память мы передаем своим детям.

В Новосибирске уже много лет действует Музей памяти жертв политических репрессий при СОШ № 94, в котором ученики при непосредственном участии руководителя музея С.С. Седюко самостоятельно разрабатывают и проводят авторские экскурсии для ровесников и репрессированных горожан старшего поколения, реставрируют и пополняют музейных фонд новыми экспонатами. После обработки и формирования материалы экспедиции «Воркута 2022» также будут переданы в коллекцию музея.

Список литературы

1. Выселить с треском. Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: сб. науч. статей и воспоминаний / под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. – М.: МСНК-пресс, 2011. 352 с.

2. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на Северном Кавказе Российской империи = Deutsche Siedlung im Nordkaukasus des Russischen Imperiums. – М.: Институт этнокультурного образования, 2020. 224 с.

3. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). – М.: МСНК-пресс, 2008. 208 с.

4. Джафарли М.Ш. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Стамбул-1998. Второе издание, Баку-2003. 129 с.

5. Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа в 1941 г // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие, 1941–1955 гг.: материалы 7-й Международной научной конференции, 19–22 октября 2000 г., Москва. – М.: Готика, 2019. 136 с.

6. Врдиева Х. Социально-политические аспекты жизни Азербайджана в первой половине XX века // Этнические немцы России: Исторический феномен «Народ в пути»: материалы XII Международной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. – М.: МСНК-Пресс, 2009. – С. 632.

7. Врдиева Х. Последняя осень немцев в Азербайджане // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы 15-й Международной конференции, 5–9 августа 2015 г., Маркс. – М.: РусДойчМедиа, 2016. – С. 352.

8. Немцы в Азербайджане: неизвестные страницы / Чингиз Абдуллаев, Аббас Сеидов, Хаджар Врдиева. – М.: Lambert Academic Publishing, 2019. 130 с.

9. Зейналова С. Немецкое население в Азербайджане: проблемы адаптации, обособленности, взаимовлияния и толерантности // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, обособленности, взаимовлияния и толерантности: материалы международной науч. конф., 14–19 сентября 2004 г., Саратов / под ред. А.А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 358.

10. Зейналова С. Самоорганизация хозяйственной деятельности немцев Азербайджана. // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: материалы научно-практической конференции, 29–30 октября 2007 г., Москва. – М.: МСНК-пресс, 2008. – С. 120.

11. Зейналова С.М. Немцы на Кавказе. – Баку: Мутарджим, 2008. 424 с.

12. Назим Аллахверди оглы Ибрагимов. Немецкие страницы азербайджанской истории. – Баку: Азербайджан, 1995. 200 с.
13. Тамара Гумбатова. Баку и немцы. – Баку: Çaşıoğlu, 2008. 462 с.
14. Информационный центр ГУ МВД Новосибирской области. Л. д. № 12596.
15. Информационный центр ГУ МВД Новосибирской области. Л. д. № 12597.
16. Архив автора. Воспоминания Ротт А.Ф.
17. Книга Памяти Астраханской области [Электронный ресурс]. URL: [\(https://ru.openlist.wiki/Ротт_Соломон_Андреевич_\(1904\)\)](https://ru.openlist.wiki/Ротт_Соломон_Андреевич_(1904)) (дата обращения: 22.02.2022).
18. Архив автора. Письмо Ротт С.А.

Daily life of one family of "Baku" Germans during the years of deportation (based on memoirs, archival and expedition materials)

Evgenia A. Skop

The issue of preserving the historical memory of events of a certain period, the fate of their ancestors, who witnessed them and the interpretation of the past through the prism of documentary evidence is an obvious necessity. The history of the German colonists' migration is diverse. Depending on external and internal factors, it allows to trace the fate of specific people, establish cause-and-effect relationships of their movement from one place of residence to another, taking into account geographical features of the area and family, religious ties.

In the article, the author examines the life of German population of Azerbaijan at the beginning of the 19th century. On the basis of reliable sources, the fate of one of the families of "Baku" Germans, subjected to repression in the Stalinist years, is revealed. The moments of their subsequent life in the labor army, in the special settlement and after rehabilitation are described. It is told about the attempt to preserve the historical memory of the deported "Soviet", including "Baku" Germans, about the experience of the author's trip as part of the joint expedition "Vorkuta 2022" of the German Youth Association of Russia and the GULAG Museum to the place of residence of the family in Vorkuta on the special settlement.

Key words: Baku Germans, Azerbaijan, deportation, Russian Germans, labor army.

For citation: Skop, E.A. (2022). Povsednevnyaya zhizn' odnoj sem'i «bakinskih» nemcev v gody deportacii (po vospominaniyam, arhivnym i ekspedicionnym materialam) [Daily life of one family of "Baku" Germans during the years of deportation (based on memoirs, archival and expedition materials)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 178–188. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_178

References

1. *Viselit' s treskom. Ochevidzi i issledovateli o tragedii rossijskih nemecev* [Evict with a bang. Eyewitnesses and researchers about the tragedy of the Russian Germans]. *Sb. nauchnih statej i vospominanij* [Collection of scientific articles and memoirs] / otv. Redakторы: A.A. Herman, O.Y. Silant'eva. Moscow: MSNK-press, 2011. 352 p. (In Russ).
2. Chernova-Deke T.N. *Nemeckie poselenij na Severnom Kavkaze Rossijskoj Imperii* [German settlements in the North Caucasus of the Russian Empire = Deutsche Siedlung im Nordkaukasus des Russischen Imperiums]. Moscow: Institute of Ethnocultural Education, 2020. 224 p. (In Russ).
3. Chernova-Deke T.N. *Nemeckie poselenij na periferii Rossijskoj Imperii. Kavkaz: vzgljd skvoz' stoletija (1818–1917) (K 190-letiju osnovanij nemeckih kolonij)* [German settlements on the periphery of the Russian Empire. The Caucasus: a Look through a century (1818–1917) (To the 190th anniversary of the founding of the German colonies)]. Moscow: MSNK-press, 2008. 208 p. (In Russ).
4. Jafarli M.S. *Politicheskiy terror i sud'bi azerbajdzhanskih nemecev* [Political terror and the fate of Azerbaijani Germans]. Stanbul, 1998. Second edition. Baku, 2003. 129 p. (In Russ).
5. Jafarli M. *Deportacija nemeckogo naselenija iz Juznogo Kavkaza v 1941 g.* [The deportation of the German population from the South Caucasus in 1941] // *Nemci SSSR v godi Velikoj Otechestvennoj vojny i pervoe poslevoennoe desjatiletie, 1941–1955 gg.* [The Germans of the USSR during the Great Patriotic War and the first post-war decade, 1941–1955]. Materialy 7 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 19–22 oktjbrja 2000 g., Moscow. Moscow: Gothic, 2019. P. 136. (In Russ).
6. Verdjeva H. *Sozial'no-politicheskie aspekti jizni Azerbajdžana v pervoj polovine XX v* [Socio-political aspects of the life of Azerbaijan in the first half of the XX century] // *Etnicheskie nemci Rossii: Istoricheskiy fenomen «Narod v puti»* [Ethnic Germans of Russia: The historical phenomenon of "People on the Road"]. Materialy XII Mezhdunarodnoj konferencii, 18–20 sentjbrja 2008 g., Moscow. Moscow: MSNK-Press, 2009. P. 632. (In Russ).
7. Verdjeva H. *Poslednij osen' nemecev v Azerbajdžane* [The last autumn of the Germans in Azerbaijan] // *Obrasovanie, zisn' i sud'ba nemeckih poselenij v Rossii* [Education, life and fate of German settlements in Russia]. Materialy 15 mezhdunarodnoj konferencii, 5–9 avgusta 2015 g., Marx. Moscow: RusDoysMedia, 2016. P. 352. (In Russ).
8. Chingiz Abdullayev, Abbas Seyidov, Hajar Verdjeva. *Nemci v Azerbajdžane: netzvestnie stranici* [Germans in Azerbaijan: Unknown pages]. Moscow: Lambert Academic Publishing, 2019. P. 130. (In Russ).
9. Zeynalova S. *Nemeckoe naselenie v Azerbajdžane: problemi adaptacii, obosoblennosti, vsaimovlijanij i tolerantnosti* [The German population in Azerbaijan: problems of adaptation, isolation, mutual influence and tolerance] // *Rossijskie nemci v inonacional'nom okruženii: problemi adaptacii, obosoblennosti, vsaimovlijanij i tolerantnosti* [Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, isolation, mutual influence and tolerance] Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 14–19 sentjbrja 2004 g., Saratov / otv. Redakторы: A.A. Herman. Moscow: MSNK-press, 2005. P. 358. (In Russ).
10. Zeynalova S. *Samoorganizacija hojsjstvennoj dejtelnosti nemecev Azerbajdžana* [Self-organization of economic activity of the Germans of Azerbaijan] // *Nemci Rossii: istoricheskiy opit i sovremennii problemi samoorganizacii* [Germans of Russia: historical experience and modern problems of self-organization]. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. 29–30 oktjbrja 2007 g., Moscow. Moscow: MSNK-press, 2008. P. 120. (In Russ).
11. Zeynalova S.M. *Nemci na Kavkaze* [Germans in the Caucasus]. Baku: Mutarjim, 2008. 424 p. (In Russ).
12. *Nazim Allahverdi oglu Ibragimov. Nemeckie stranici azerbajdžanskoj istorii* [German pages of Azerbaijani history]. Baku: Azerbaijan Publishing House, 1995. 200 p. (In Russ).
13. *Tamara Gumbatova. Baku i nemci* [Baku and the Germans]. Baku: Çaşıoğlu, 2008. 462 p. (In Russ).
14. *Informacionnij zentr GU MVD Novosibirskoj oblasti* [Information Center of the GU of the Ministry of Internal Affairs of the Novosibirsk region]. L. d. 12596.
15. *Informacionnij zentr GU MVD Novosibirskoj oblasti* [Information Center of the GU of the Ministry of Internal Affairs of the Novosibirsk region]. L. d. 12597.
16. *Vospominanija A.F. Roht (Root) iz semejnego arhiva avtora* [Memories of A.F. Root from the author's family archive] (In Russ).
17. *Kniga Pamjti Astrahanskoj oblasti* [The Book of Memory of the Astrakhan region] [Electronic resource]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Root_Solomon_andreevich_\(1904\)](https://ru.openlist.wiki/Root_Solomon_andreevich_(1904)) (date of address: 02.22.2022).
18. *Pismo S.A. Roht (Root) iz semejnego arhiva avtora* [Letter from S.A. Root from the author's family archive].

*Статья поступила в редакцию 2.06.2022
Одобрена после рецензирования 7.07.2022
Принята к публикации 24.07.2022*

Детская тыловая повседневность в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по воспоминаниям З. М. Астафьевой)

Д. А. Астафьев

В статье представлены личные воспоминания З.М. Астафьевой о детских годах, проведенных в тылу на Урале. Автор повествует о повседневной жизни детей, оказавшихся в сложных условиях военного времени. Из них мы узнаем, как жили, трудились, играли и учились сельские ребята, детство которых пришлось на трудные годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). На конкретных примерах показаны ключевые элементы детской тыловой повседневности: семья, школьная жизнь, трудовая деятельность, отношения с взрослыми и друзьями, досуг.

Данные воспоминания представляют собой взгляд взрослого человека, возвращающегося спустя долгие годы в мир своего детства. При этом, читая их, возникает ощущение, что Зинаида Максимовна как будто бы записывала их сразу после происходящих событий, каждого дня своего детства в те далекие годы, просто рассказывая, каким видел ребенок мир вокруг него. Несмотря на все сложности и трудности, жизнь ребенка все равно состояла из простых, понятных вещей, радостей и горестей, всегда оставалось время для дружбы, шалостей, игр и забав.

Ключевые слова: эго-документ, личные воспоминания, детство, повседневность, детская тыловая повседневность, школьная повседневность, Великая Отечественная война, З.М. Астафьева.

Для цитирования: Астафьев Д.А. Детская тыловая повседневность в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по воспоминаниям З.М. Астафьевой) // История повседневности. 2022. № 3. С. 189–201. DOI 10.35231/25422375_2022_3_189

Исследование детской тыловой повседневности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) – одно из направлений в истории повседневности. Основные источники, применяемые для изучения повседневности детей в годы войны: нормативно-правовые документы, делопроизводственная документация различных учреждений, ведомств и партийных органов, материалы периодической печати, источники личного происхождения. Большая часть данных источников показывает нам повседневную жизнь советских детей в тылу через призму статистической отчетности, официальных документов, идеологических установок. При изучении повседневности важную роль играют источники личного происхождения, которые дают возможность почувствовать эмоциональную сторону происходивших событий, течение обыденной жизни в суровых условиях того времени, проанализировать аспекты повседневности, не учтенные официальными документами, выявить мотивы совершаемых людьми поступков. Цель настоящей статьи – представить детскую тыловую повседневность через эго-документ – воспоминания моей бабушки Астафьевой (Самойленко) Зинаиды Максимовны (1931–2022 гг.). Воспоминания записаны ею собственноручно.

Отечественные исследователи в последние годы стали активно обращаться к анализу и интерпретации эго-документов. Термин «эго-документ» впервые был введен в научный оборот профессором Амстердамского университета Жаком Прессером (Jacques Presser) в 50-х гг. XX в. [1] для обозначения группы источников, носящих субъективный характер (автобиографии, мемуары, личные дневники и письма), поскольку они фиксируются на личной интерпретации происходящих событий и несут в себе эмоциональный заряд, не присущий другим источникам.

Приращение российской историографией таких направлений, как история повседневности, военно-историческая антропология, гендерная история, устная история стало своеобразным плацдармом для смещения локуса исследований от изучения событий к изучению состояний, что ориентировало историков к широкому массиву эго-текстов, позиционируемых, в отличие от источника личного происхождения, не столько в качестве поставщика информации, сколько как

хранителя и транслятора личных переживаний, внутренних ощущений и авторской идентичности [2, с. 69].

Изучение детской повседневности в годы Великой Отечественной войны является одним из актуальных направлений в истории детской повседневности. В большинстве своем данные публикации написаны на основании материалов отдельных регионов Российской Федерации, а также ряда бывших советских республик. Например, А.Н. Соболева на основе неопубликованных архивных источников характеризует особенности детской повседневности в Бурят-Монгольской АССР [3]. Основной вывод – главное место в повседневной жизни женщин и детей того времени заняла трудовая деятельность. В статьях А.В. Сушко и М.С. Носовой представлено положение эвакуированных из Ленинграда детей на омской земле, отражены и проблемы, возникавшие на местах в связи с организацией размещения детей [4; 5].

В статье историков из Республики Казахстан З.Г. Сактагановой и Ж.К. Абдукаримовой исследуются оздоровительные кампании для детей в годы Великой Отечественной войны, основываясь на региональных материалах Карагандинской области [6]. Авторы отмечают, что, несмотря на определенные трудности, практика оздоровления детей в годы войны осуществлялась достаточно успешно.

Л.Э. Мезит обращается к исследованию повседневной жизни эвакуированных из Ленинграда детских домов в Красноярский край, таким образом, выделяя еще одно направление в изучении детской повседневности в годы войны [7]. Р.Н. Сулейманова, основываясь на архивных документах, материалах периодической печати, воспоминаниях детей войны, на примере Башкирской АССР показывает отдельные аспекты поддержки детства на государственном уровне, отмечая их противоречивый характер [8].

Среди исследователей детской тыловой повседневности на Урале можно выделить В.М. Коренюк [9], Т.С. Крапивину [10], А.Б. Сулова [11], Е.В. Протасову [12], М.В. Ромашову [13], Р.Р. Хисамутдинову [14; 15]. Научные публикации этих авторов основаны на материалах Молотовской области (современного Пермского края), Курганской области, Чкаловской области (современной Оренбургской области). Н.П. Палецких подвѣргает

исследованию семейно-бытовые аспекты повседневной жизни населения Урала в годы Великой Отечественной войны, в т.ч. анализируя положение детей в этот период [16].

Значительное количество научных публикаций последних лет [17–23 и др.] основано на устных и письменных воспоминаниях людей, детство которых пришлось на годы Великой Отечественной войны.

Основой настоящей статьи послужил источник личного происхождения – воспоминания о детских годах, записанные З.М. Астафьевой. Источники личного происхождения позволяют расширить границы исторических исследований, особенно в рамках изучения истории повседневности в различных ее аспектах.

З.М. Астафьева родилась 13 июня 1931 г. в с. Рождественка Буртинского района Чкаловской области в семье колхозников Самойленко Максима Александровича и Самойленко Татьяны Фоминичны. Затем с родителями она переехала в п. Караванный Буртинского района, где и прошло ее детство.

Значительную часть жизни Зинаида Максимовна проработала в Троицкой средней школе Бузулукского района Оренбургской области: учителем биологии и домоводства, заведовала библиотекой и школьным интернатом, своими руками создала школьный музей, посвященный жителям села Троицкое – участникам Великой Отечественной войны. Она удостоена звания «Труженик тыла», награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», а в 2022 г. – памятной медалью «Дети войны».

Война началась, когда Зинаиде Максимовне исполнилось 10 лет. Так вспоминает она об этом событии: «22 июня ровно в 4 часа нам объявили, что началась война. В это время папа работал на поле. Тогда мужчины на ночь не приезжали домой, ночевали в вагончиках в поле. В это утро папа приехал по повестке. Стал бриться, и увидел, что его бритвой я точила карандаши. Он сказал мне так: "Твое счастье, что я уезжаю, а то бы тебе попало"¹.

Большинство мужчин призвали на фронт, и, как следствие, женщина выполняла одновременно женские и муж-

¹ Здесь и далее. Личный архив Астафьева Д.А. Воспоминания Астафьевой З.М.

ские функции, а дети помогали матери по хозяйству или устраивались на работу.

В качестве основных составляющих элементов детской тыловой повседневности можно выделить следующие: семья, школьная жизнь, труд, отношения с взрослыми и друзьями, досуг. Нельзя сказать, что детская повседневность совершенно изменилась в годы войны, по ряду позиций она оставалась такой же, как и в предвоенные годы. При этом необходимо отметить, что на одно из первых мест в военные годы вышел такой элемент детской повседневности, как трудовая деятельность. Дети начали раньше работать и относились ответственно к трудовой деятельности. «Все для фронта, все для победы!» – это слова были не просто словами, взрослые и дети доказывали это делами.

Дети с ранних лет собирали ягоды, грибы, съедобные и лекарственные растения, ловили рыбу, заготавливали дрова, помогали дома по хозяйству. Стоит отметить и такой факт, что для сельских детей трудовая деятельность выступала исконным элементом их повседневности, только в годы войны объемы выполняемых работ стали значительно больше.

Зинаида Максимовна вспоминала: «С началом войны мы повзрослели. Все лето мы что-нибудь добывали. Ходили за щавелем, хмелем. Переплывали или переходили вброд Урал и рвали там черемуху. Ловили рыбу. Из тряпок шили бредень и забредали. Ловилась мелкая рыба, но мы и ей были рады.

Возле барака была летняя печка с плитой, вечерами женщины готовили на ней ужин. Наше дело было заготовить топливо. И вот мы с шитыми сумками ходило на стойло коров, и собирали подсохшие коровьи "котяхи".

Вишню рвали по степным оврагам. Это было очень далеко. Видели журавлей, они на нас не обращали внимания, но мы их боялись, потому что они очень большие. А еще мы боялись орла. Не раз находили гнезда с птенцами, никогда их не трогали и старались быстрее уйти от них, особенно если видели летящего орла. Нас всегда мучила жажда, не знаю, почему мы не брали с собой воду.

До сих пор в памяти, когда зимой стоишь на берегу Урала, видишь, как по белому ледяному полю двигаются черные точ-

ки, это дети на саночках везут дрова. Иногда можно увидеть поводу на быках или верблюдах.

Мне приходилось с мамой возить на верблюдах. Это такая скотина, если захочет – везет, а нет – встанет и стоит, только плюется, а то и вообще ляжет. Лучше его не бить, а ждать, пока ему надоест лежать. Встанет сам и пойдет, а то и побежит».

В период Великой Отечественной войны дети привлекались и к трудовой деятельности в колхозах и совхозах, чем оказали существенную помощь для тыла и фронта. Дети трудились наравне со взрослыми работниками, также выполняя установленные нормы.

З.М. Астафьева так характеризует эту сторону трудовой деятельности: «В совхозе была организована бригада детей. Мы работали на совхозном огороде. Денег нам не давали, но зато в обед кормили, особенно запомнилась гороховая каша. Нам доверяли полоть только то, что мы не могли съесть, помню только лук порей. Нами руководил старик, которому дали прозвище "Осот".

Родители тоже работали на огороде, но овощи детям они не могли унести, так как на полпути их встречала заведующая огородом и проверяла сумки».

Однако даже в такие времена с детьми происходили веселые и интересные истории, они общались, дружили, играли, и жизнь текла своим чередом. Несмотря на все сложности, дети позитивно смотрели на мир.

Вот как описывала это З.М. Астафьева: «У меня были друзья Брехунцовы Лида и Коля. Однажды мы нашли низину, которая затапливалась Уралом. Там крупная рыба (щука) задыхалась. Она хватала воздух, и мы просто брали ее руками. Вот была радость, когда вечером нас похвалили. На другой день с утра нам опять повезло. Но мы не торопились домой, купались, загорали. А вечером поняли, что рыба протухла.

У меня была подруга Солопова Вера, наши двери в барак были напротив, и в школе мы сидели за одной партой. По арифметике решали задачи вместе, я составляла вопросы, а она решала. По русскому я была более грамотной и потому, когда был диктант, я проверяла ее работу. Однажды я получила двойку по диктанту. Может, чтобы проучить меня, учительница сказала: "Когда будешь учительницей, тогда можешь

проверять работы других, а пока проверяй свою работу" (*слуха годы З.М. действительно стала учителем – Д. А.*).

С Верой постоянно что-нибудь случалось. Например, по истории получила двойку и возле школы громко говорит: "Вот лысый Павел поставил двойку", а позади Павел Андреевич, директор школы спрашивает: "Кто тебя обидел?".

По вечерам мы играли в прятки. Вера спряталась на сарае и когда прыгала с него, зацепилась шубой за кол и висит. Мы все, кто сверху, кто снизу, снимали ее, долго не могли снять. Совершенно новое платье как-то ухитрилась порвать и боялась идти домой. Платье было каким-то мелким рисунком. Я выдерживала из лоскутков нитки и штопала. Дома заметили, только когда после стирки сестра его гладила».

Школьная повседневность являлась одним из важных элементов детской повседневности, поскольку многие дети продолжали учиться и ходить в школу. Советская школа выполняла не только образовательную функцию, но воспитывала советского гражданина. Партийное руководство было заинтересовано не только в рабочих руках, но и одновременно в том, чтобы дети получали образование, поскольку прекрасно понимало, что государству необходимы образованные и квалифицированные кадры как на фронте, так и в тылу, на производстве. Руководство школ, комсомольские организации, профсоюзы приняли активное участие в борьбе за возвращение детей в школы.

Несмотря на то что некоторым детям иногда нечего было надеть, чтобы пойти в школу, они все равно бежали в школу с удовольствием. Ведь там можно было не только узнать новое, но и поесть!

Зинаида Максимовна училась в Караванной школе, которая перед началом войны получила статус средней 10-летней школы, при этом она располагалась в бараке, и в школе не хватало классных комнат на всех учащихся. Неудовлетворительная материально-техническая база выступала одной из серьезных проблем общеобразовательных школ того времени. В школах практически всегда было холодно, поскольку их не отапливали, не хватало учебников и учебных принадлежностей. Учебники зачастую передавались от одного ученика к другому, а затем к следующему. Школьные тетради делали из старых газет,

разных листовок, писали между строк в книгах и журналах, чернила самостоятельно изготавливали из молока и сажи.

Существовала проблема кадрового обеспечения общеобразовательных школ: учителя-мужчины ушли на фронт, многие педагоги вели несколько разных предметов, в сельских школах один учитель мог вести все предметы. В тыловых областях, в т. ч. и на Урале, данная проблема во многом решалась за счет эвакуированных педагогов из Москвы, Ленинграда и других городов центральных областей нашей страны. Данное обстоятельство положительно сказалось на уровне обучения в провинциальных тыловых районах.

Для многих детей обучение в школе становилось невозможным из-за отдаленности проживания (часто школа находилась за несколько километров от дома учащегося), занятости их трудовой деятельностью, сложного материального положения семьи, во многих случаях детям просто нечего было надеть в школу.

По воспоминаниям З.М. Астафьевой: «В школе всегда было холодно. Здание большое, с высокими потолками. Сидели в пальто. Чтобы чернила не замерзали, у каждого с внутренней стороны пальто был пришит карман. Чернила делали из печной сажи. Писали на газетах. Складывали газету как тетрадь и сшивали.

Однажды я "стащила" из библиотеки книгу и спрятала под пальто. Книга была тонкая, я использовала листочки для диктанта или контрольной по арифметике.

В начальных классах преподавала эвакуированная старушка Екатерина Эдуардовна. Жила она в бараке с дочерью и рыжей собачкой. Мы знали, что они, как и все эвакуированные, жили впроголодь, ведь у них не было своего хозяйства. Еду они получали из столовой. Девочки решили приносить им хлеб по очереди. Первая девочка принесла какие-то крендельки, положила их на стол и сказала, что это собачке. На уроке Екатерина Эдуардовна вызвала эту девочку отвечать, а она была не готова. И учительница сказала: "Чем крендельки печь, лучше бы урок выучила". На этом и закончилась наша благотворительность».

Таким образом, при изучении истории детской тыловой повседневности обращение к эго-документам позволяет исследователю посмотреть на исторические события с пози-

ции ребенка, если источник, с которым мы работаем, детский дневник, или глазами взрослого человека, современника тех событий, обращающегося к воспоминаниям о своем детстве спустя годы. Эго-документы позволяют прочувствовать эмоциональные переживания людей, повседневную деятельность и «мелочи жизни». Из воспоминаний З. М. Астафьевой видим, как Великая Отечественная война изменила детскую повседневность: они стали больше работать, активнее помогать взрослым по хозяйству, но при этом по-прежнему оставались детьми с простым и ясным взглядом на мир, со своими радостями и горестями. В своих воспоминаниях «дети войны» часто отмечают, что война заставила их рано повзрослеть. Однако, несмотря на это, многие из них по-прежнему играли со своими сверстниками, дружили, ходили в школу, ценили каждый момент своей жизни.

Список литературы

1. Dekker R.M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*. – 2002. – № 5. pp. 13–14.
2. Чуркин М.К., Умнов Е.Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Томского государственного университета*. – 2020. – № 65. – С. 69–74. DOI 10.17223/19988613/65/9.
3. Соболева А.Н. Женская и детская повседневность в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // *Манускрипт*. – 2020. – Т. 13. – № 11. – С. 63–66. DOI 10.30853/mns200511
4. Сушко А.В., Носова М.С. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // *Новейшая история России*. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 330–347. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.204.
5. Сушко А.В., Носова А.С. «Дети вышли из всякого терпения ждать посулы, написали письмо тов. СТАЛИНУ...». Спецзаписка начальника районного отделения НКВД о размещении эвакуированных детей из города Ленинграда в Калачинском районе Омской области // *Вестник архивиста*. – 2020. – № 1. – С. 236–248. DOI 10.28995/2073-0101-2020-1-236-248.
6. Сактаганова З.Г., Абдукаримова Ж.К. Повседневность детей Карагандинской области в годы Великой Отечественной войны: оздоровительные кампании в период летних и зимних каникул // *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*. – 2021. – № 2(135). – С. 63–78. DOI 10.32523/2616-7255-2021-135-2-63-78.
7. Мезит Л.Э. Повседневная жизнь эвакуированных ленинградских детских домов в годы Великой Отечественной войны // *Манускрипт*. – 2021. – Т. 14. – № 9. – С. 1801–1805. DOI 10.30853/mns210327.
8. Сулейманова Р.Н. Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2021. – Т. 13. – № 3. – С. 46–60. – DOI 10.17748/2075-9908-2021-13-3-46-60.
9. Кореньков В.М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки*. – 2015. – Вып. 2. – С. 72–76.

10. Коренюк В.М., Суслов А.Б. Военная повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 6 (44). – С. 44–52.
11. Крапивина Т.С. Детская повседневность в годы Великой Отечественной войны по материалам газеты «Красный Курган» // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 382–384.
12. Протасова Е.В. Военное детство в воспоминаниях уральцев о 1941–1945 годах // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 355–367.
13. Ромашова М.В. Вспоминая войну: детский взгляд на большую историю // Вестник Пермского университета. История. – 2010. – № 1 (13). – С. 65.
14. Хисамутдинова Р.Р., Апткиев А.Х. Тыловая повседневность войны глазами детей (по материалам Южного Урала) // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2020. – № 4. – С. 78–87.
15. Хисамутдинова Р.Р. Материально-бытовые условия жизни сельских детей Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны по их воспоминаниям // Великая Отечественная война и Казахстан: проблемы исторической памяти: материалы Республиканской науч.-практ. конф. с международным участием. 13 мая 2020. – Караганда: РГП «Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова», 2020. – С. 355–361.
16. Палещких Н.П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной // Социум и власть. – 2018. – № 5(73). – С. 121–129.
17. Тихонов С.С. Воспоминания детей о войне и глубина исторической памяти // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, Новосибирск, 21–22 сентября 2020 г. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2020. – С. 55–60.
18. Калдузова В.А. Воспоминания детей войны в контексте устной истории: по страницам одной судьбы // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: сборник статей Международной науч.-практ. конф. к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией, Оренбург, 23–25 апреля 2020 г. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. – С. 152–155.
19. Хубулова С.А. Трансформация «детского мира» в период оккупации части Северо-осетинской АССР // История, археология и этнография Кавказа. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 622–637. DOI 10.32653/СН173622-637.
20. Федорова А.В., Богданова Е.Г. Дети военной поры (по материалам Южного Урала) // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума, Екатеринбург, 08–09 июня 2018 г. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. – С. 217–228.
21. Эмирханов И.А. Повседневность дагестанских школьников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История повседневности. – 2018. – № 1(6). – С. 52–62.
22. Уваров С.Н. Устная история: Великая отечественная война глазами сельских подростков Удмуртии (на примере воспоминаний Е.А. Викметьевы) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28. – № 4. – С. 570–579.
23. Фернандес-Эрес А.П. Испанские военнопленные в Карелии: личный опыт одного из «детей войны» // История повседневности. – 2019. – № 2(10). – С. 115–122.

Children's rear everyday life during the Great Patriotic War of 1941–1945 (according to the memoirs of Z. M. Astafieva)

Dmitry A. Astafiev

The article presents personal memories of Z.M. Astafieva about the childhood years spent in the rear in the Urals. The author of the memoirs tells about the daily life of children who found themselves in difficult wartime conditions. From them we will learn how rural children, whose childhood fell during the hard years of the Great Patriotic War (1941–1945), lived, worked, played and studied. Concrete examples show the key elements of children's rear everyday life: family, school life, work, relationships with adults and friends, leisure.

These memories represent the view of an adult returning after many years to the world of his childhood. At the same time, while reading them, it seems that Zinaida Maksimovna wrote them down immediately after the events that took place, every day of her childhood in those distant years, simply describing how the child saw the world around. Despite all the difficulties and complications, the child's life still consisted of simple, understandable things, joys and sorrows, there was always time for friendship, pranks, games and fun.

Key words: ego-document, personal memories, childhood, everyday life, children's rear everyday life, school everyday life, the Great Patriotic War, Z.M. Astafieva.

For citation: Astafiev, D.A. (2022). Detskaya tylovaya povsednevnost' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (po vospominaniyam Z.M. Astaf'evoj) [Children's rear everyday life during the Great Patriotic War of 1941–1945 (according to the memoirs of Z.M. Astafieva)]. *Istorija povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 189–201. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_189

References

1. Dekker R.M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*. 2002. № 5. pp. 13–14.

2. CHurkin M.K., Umnov E.E. *Vospominaniya kak ego-tekst: detskaya tylovaya povsednevnost' sibirskoj provincii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Memories as an ego-text: children's rear everyday life of the Siberian province during the Great Patriotic War] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2020. № 65. pp. 69–74. DOI 10.17223/19988613/65/9. (In Russ.)

3. Soboleva A.N. *ZHenskaya i detskaya povsednevnost' v Buryat-Mongol'skoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Women's and children's daily life in the Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War] // *Manuskript* [The manuscript]. 2021. Vol. 14. № 9. pp. 1801–1805. DOI 10.30853/mns210327. (In Russ.)

4. Sushko A.V., Nosova M.S. *Deti Leningrada na Omskoj zemle v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Children of Leningrad on Omsk land during the Great Patriotic War] // *Novejshaya istori-*

ya Rossii [The Modern History of Russia]. 2020. Vol. 10. № 2. pp. 330–347. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.204. (In Russ.)

5. Sushko A.V., Nosova M.S. «*Deti vyshli iz vsyakogo terpeniya zhdat' posuly, napisali pis'mo tov. STALINU...»*. *Speztsapiska nachal'nika rajonnogo otdeleniya NKVD o razmeshchenii evakuirovannykh detej iz goroda Leningrada v Kalachinskom rajone Omskoj oblasti* [«The children went out of all patience to wait for promises, wrote a letter to Comrade STALIN...». A special note from the head of the district department of the NKVD about the placement of evacuated children from the city of Leningrad in the Kalachinsky district of the Omsk region] // *Vestnik arhivista* [Gerald of an archivist]. 2020. № 1. pp. 236–248. DOI 10.28995/2073-0101-2020-1-236-248. (In Russ.)

6. Saktaganova Z.G., Abdukarimova ZH.K. *Povsednevnost' detej Karagandinskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: ozdorovitel'nye kampanii v period letnih i zimnih kanikul* [Everyday life of children of the Karaganda region during the Great Patriotic War: health campaigns during the summer and winter holidays] // *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. [Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious studies]. 2021. № 2(135). pp. 63–78. DOI 10.32523/2616-7255-2021-135-2-63-78. (In Russ.)

7. Mezit L.E. *Povsednevnyaya zhizn' evakuirovannykh leningradskih detskih domov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Daily life of evacuated Leningrad orphanages during the Great Patriotic War] // *Manuskript* [The manuscript]. 2021. Vol. 14. № 9. pp. 1801–1805. DOI 10.30853/mns210327. (In Russ.)

8. Sulejmanova R.N. *Mery po zashchite detstva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: iz regional'noj istorii* [Measures to protect childhood during the Great Patriotic War: from regional history] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2021. Vol. 13. № 3. pp. 46–60. DOI 10.17748/2075-9908-2021-13-3-46-60. (In Russ.)

9. Korenyuk V.M. *Provincial'noe detstvo v 1941–1945 gg. (na materialah Molotovskoj oblasti)* [Provincial childhood in 1941–1945. (based on the materials of the Molotov region)] // *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 3. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Ser. 3. Humanities and Social Sciences]. 2015. № 2. pp. 72–76. (In Russ.)

10. Korenyuk V.M., Suslov A.B. *Voennaya povsednevnost' detej repressirovannykh roditel'ev v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Molotovskoj oblasti)* ["Military everyday life of children of repressed parents during the Great Patriotic War (based on the materials of the Molotov region)"] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2016. № 6(44). pp. 44–52. (In Russ.)

11. Krapivina T.S. *Detskaya povsednevnost' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny po materialam gazety «Krasnyj Kurgan»* [Children's daily life during the Great Patriotic War based on the materials of the newspaper "Krasny Kurgan"] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, December 2–3, 2016. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. pp. 382–384. (In Russ.)

12. Protasova E.V. *Voennoe detstvo v vospominaniyah ural'cev o 1941–1945 godah* [Military childhood in the memories of the Urals about 1941–1945] // *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. 2017. № 10. pp. 355–367. (In Russ.)

13. Romashova M.V. *Vspominaya vojnu: detskij vzglyad na bol'shuyu istoriyu* [Remembering the War: a child's view of the Big Story] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History]. 2010. № 1 (13). P. 65. (In Russ.)

14. Hisamutdinova R.R., Aptikiev A.H. *Tylovaya povsednevnost' vojny glazami detej (po materialam YUzhnogo Urala)* [The rear everyday life of war through the eyes of children (based on the materials of the Southern Urals)] // *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [Modern problems of humanities and social sciences]. 2020. № 4. pp. 78–87. (In Russ.)

15. Hisamutdinova R.R. *Material'no-bytovyye usloviya zhizni sel'skih detej CHkalovskoj (Orenburgskoj) oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny po ih vospominaniyam* [Material and living conditions of rural children of the Chkalovsky (Orenburg) region during the Great Patriotic War according to their memories] // *Velikaya Otechestvennaya vojna i Kazahstan: problemy istoricheskoy pamyati* [The Great Patriotic War and Kazakhstan: problems of historical memory]. Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 13 maya

2020. Karaganda: RGP «Karagandinskij gosudarstvennyj universitet imeni E.A. Buketova», 2020. pp. 355–361. (In Russ.)

16. Paleckih N.P. *Semejno-bytovye aspekty tylovoj povsednevnosti: na materialah Uralskogo Velikoj Otechestvennoj* [Family and household aspects of rear everyday life: on the materials of the Urals of the Great Patriotic War period] // *Socium i vlast'* [Society and Power]. 2018. № 5(73). pp. 121–129. (In Russ.)

17. Tihonov S.S. *Vospominaniya detej o vojne i glubina istoricheskoy pamyati* [Children's memories of the war and the depth of historical memory] // *Velikaya Otechestvennaya vojna v istoricheskoy pamyati naroda: izuchenie, interpretaciya, uroki proshlogo* [The Great Patriotic War in the historical memory of the people: study, interpretation, lessons of the past]. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 21–22 sentyabrya 2020 goda / Institut istorii SO RAN. Novosibirsk: Izdatel'stvo Parallel', 2020. pp.55–60. (In Russ.)

18. Kalduzova V.A. *Vospominaniya detej vojny v kontekste ustnoj istorii: po stranicam odnoy sud'by* [Memories of war children in the context of oral history: according to the pages of one fate] // *Velikaya Otechestvennaya vojna i problemy nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii* [The Great Patriotic War and the problems of national security of modern Russia]. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 75-letiyu Pobedy Sovetskogo Soyuza nad fashistskoj Germaniej. Sbornik statej, Orenburg, 23–25 aprelya 2020 goda. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2020. pp. 152–155. (In Russ.)

19. Hubulova S.A. *Transformaciya «detskogo mira» v period okkupacii chasti Severo-osevinskoj ASSR* [Transformation of the «children's world» during the occupation of a part of the North Ossetian ASSR] // *Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus]. 2021. Vol. 17. № 3. pp. 622–637. DOI 10.32653/CH173622-637. (In Russ.)

20. Fedorova A.V., Bogdanova E.G. *Deti voennoj pory (po materialam Yuzhnogo Uralskogo)* [Children of the wartime (based on the materials of the Southern Urals)] // *emograficheskaya i semejnaya politika v kontekste celej ustojchivogo razvitiya* [Demographic and family policy in the context of sustainable development Goals]. Sbornik statej IX Uralskogo demograficheskogo foruma, Ekaterinburg, 08–09 iyunya 2018 goda. Ekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN, 2018. pp. 217–228. (In Russ.)

21. Emirhanov I.A. *Povsednevnost' dagestanskih shkol'nikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Everyday life of Dagestan schoolchildren during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. 2018. № 1(6). pp. 52–62. (In Russ.)

22. Uvarov S.N. *Ustnaya istoriya: Velikaya otechestvennaya vojna glazami sel'skih podrostkov Udmurtii (na primere vospominanij E. A. Bikmet'eva)* [Oral history: The Great Patriotic War through the eyes of rural teenagers of Udmurtia (on the example of the memoirs of E.A. Bikmet'ev)] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series]. 2018. Vol. 28. № 4. pp. 570–579. (In Russ.)

23. Fernandes-Eres A.P. *Ispanskie voennoplennye v Karelii: lichnyj opyt odnogo iz «detej vojny»* [Spanish prisoners of war in Karelia: personal experience of one of the «children of war»] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. 2019. № 2(10). pp. 115–122. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.07.2022

Одобрена после рецензирования 7.08.2022

Принята к публикации 18.08.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астафьев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры профсоюзного движения, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Оренбургский филиал Академии труда и социальных отношений, г. Оренбург, Российская Федерация;
e-mail: astafev25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8374-0498

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, главный научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7637-2949

Веремко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: v.a.veremko@ya.ru

Дубинин Игорь Владимирович, библиотекарь, Динский механико-технологический техникум; председатель, Динское районное отделение «Российского общества историков-архивистов», станица Динская, Краснодарский край, Российская Федерация;
e-mail: titlo@mail.ru

Дусин Алексей Владимирович, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: mvaa@mil.ru

Журавлева Александра Геннадьевна, заведующий, Историко-мемориальный Музей-усадьба П.Е. Щербова, г. Гатчина, Российская Федерация;
e-mail: asya.zhuravleva.00.00@mail.ru

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент 1 кафедры, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, г. Краснодар, Российская Федерация;
e-mail: IIG23@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3820-3642

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН; доцент, Пермский государственный национально-исследовательский университет (ПГНИУ), г. Пермь, Российская Федерация;
e-mail: mkamenskih27@gmail.ru; ORCID: 0000-0002-4041-086X

Красникова Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

e-mail: julia2404@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1883-1553

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

e-mail: v.levashko@lengu.ru

Мильбах Владимир Спартакович, доктор исторических наук, проф., профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

e-mail: v.milbach@yandex.ru

Скоп Евгения Александровна, и.о. руководителя отдела, Городской межнациональный центр МКУ Координационного центра «Активный город», г. Новосибирск, Российская Федерация;

e-mail: skop.e.82@mail.ru

Трегубова Марина Сергеевна, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

e-mail: marina_tregubova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4794-6699

ABOUT AUTHORS

Astafiev Dmitry A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Trade Union Movement, Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Orenburg branch of Educational Institution of the Trade Unions of Higher Education «Academy of Labor and Social Relations», Orenburg, Russian Federation;
e-mail: astafev25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8374-0498

Brezhneva Svetlana N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru

Dubinin Igor V., Librarian of Dinsky Mechanics and Technology College. Chairman of the Dinsky District branch of the Russian Society of Historians and Archivists. The village of Dinskaya, Krasnodar Territory, Russian Federation;
e-mail: titlo@mail.ru

Dusin Aleksey V., Lecturer of the Department of Military-Political Work in the Troops (forces), Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: mvaa@mil.ru

Ivantsov Igor G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the 1st Department of the Krasnodar Higher Military School named after S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: IIG23@yandex.ru

Kamenskikh Mikhail S., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of History, Archeology and Ethnography, Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia; Assistant Professor, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation;
e-mail: mkamenskih27@gmail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4041-086X

Krasnikova Yuliya N., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Saint-Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: julia2404@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1883-1553

Milbakh Vladimir S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Military-Political Work in the Troops (forces), Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: v.milbach@yandex.ru

Levashko Vadim O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: v.levashko@lengu.ru

Skop Evgenia A., Acting Head of the Department "City Interethnic Center" MCU Coordination Center "Active City", Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: skop.e.82@mail.ru

Tregubova Marina S., Postgraduate Student, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: marina_tregubova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4794-6699

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Zhuravleva Aleksandra G., Director, Historical and Memorial Museum-Estate of P.E. Shcherbov, Gatchina, Russian Federation;
e-mail: asya.zhuravleva.00.00@mail.ru

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен двумя файлами:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- оригинальная статья / Article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

3. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация** должна быть структурирована по формату IMRAD в соответствии с текстом статьи на русском и английском языках объемом 120–150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение целесообразно завершить формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Обзор литературы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных.
- **Материалы и методы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит описание методики исследования, ее объекта и последовательности.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы).

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

- **Обсуждение и выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). Список оформляется по ГОСТ Р 7.0.5–2008 с учетом следующих положений:

1. список литературы в порядке упоминания источников в тексте;
2. внутритекстовые ссылки имеют вид типа

[3, с. 46], [5, л. 81] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы

[5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;

[8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;

[1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

- **Информация об авторе.** Необходимо указать Фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание, полное название организации без указания организационно-правовой формы, город, страну, идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>), e-mail. Возможно указание информации о вкладе каждого автора.

5. Убедитесь, что на английском языке представлены следующие метаданные: **заголовок, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова. References должны быть представлены в латинице.** Необходимо учитывать, что

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке;
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы.

Правила оформления библиографического списка

Настоящие правила оформления списков источников и литературы (престатейных библиографических списков) основаны на требованиях ГОСТ Р 7.0.5-2008, регламенте представления журналов в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), требованиях высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК) и Chicago Manual of Style (17 ed., "Notes and Bibliography System").

Источники различных типов необходимо описывать следующим образом

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.". Внимание!: запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.» – обязательна.

Недопустимо сокращать (или иным способом изменять) названия статей и названия журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить в официальном (!) сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать CAS Source Index, библиотеку WorldCat или каталог Web of Science (ISI), каталог названий базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала найти не удалось – необходимо указывать его полное название.

Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* (Digital Object Identifier – DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие doi у источника следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке. Подавляющее большинство зарубежных журнальных статей с 2000 года и многие русскоязычные статьи (опубликованные после 2013 года) зарегистрированы в системе CrossRef и имеют уникальный DOI.

Книга с одним автором

Езерский Н.Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с.

Книга с двумя и более авторами

Веремко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.

Сабеникова И.В., Тентшке В.Л., Ловцов А.С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с.

Статья в журнале

Веремко В.А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320–354.

Володарская И.Ю., Панченко О.А. Философские основы современного научного знания // Вопросы философии. – 2019. – № 3(172). – С. 10–15.

Статья в сборнике

Зайцева С.В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2 т. / отв. ред.: Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. – М.: ИЭА РАН, 2018. – Т. 1. – С. 180–182.

Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2

Ссылки на интернет-ресурсы, нормативные правовые акты, учебные издания, диссертации и авторефераты диссертаций оформляются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 исходя из следующих рекомендаций.

Интернет-ресурсы

Статистический отчет за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://otchetnost.2018.ru> (дата обращения: 11.11.2019).

Нормативные правовые акты

Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

Учебные издания

Пасечник С.В. логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

Диссертация и автореферат диссертации

Иванов И.А. Психологическое развитие школьников 13–14 лет: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 189 с.

Иванов И.А. Психологическое развитие школьников 13–14 лет: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 19 с.

References

Для статей

Sinova I.V. *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the working population in urban society in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical Bulletin]. 2016. № 3 (52). p. 62–69. (In Russ.)

Для книг

Abramov YA.V. *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday schools. Their past and present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva, 1900. 352 p. (In Russ.)

Примеры представления в References источников различных типов

Статья в сборнике

Zajceva S.V. *Sud'ba nezakonno-rozhdennyh detej i ih materej v rossijskikh gorodah vo vtoroj polovine XIX v.* [The fate of illegitimate children and their mothers in Russian cities in the second half of the XIX century] // *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the XIV–XXI centuries]. *Materialy Odinnadcatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod. V 2-h tomah* / Otv. redakторы: N.L. Pushkareva, N.A. Granskaya, N.K. Radina. Moscow: IEA RAN, 2018. T. 1. pp. 180–182. (In Russ.)

Архивные документы

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. F. 1287. Op. 7. D. 2513.

Обратите внимание!

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах. При обозначении интервала используется тире без пробелов (1941–1941 гг.; с. 1–10, но с поясняющими словами с пробелами: конец XIX – начало XX в.).

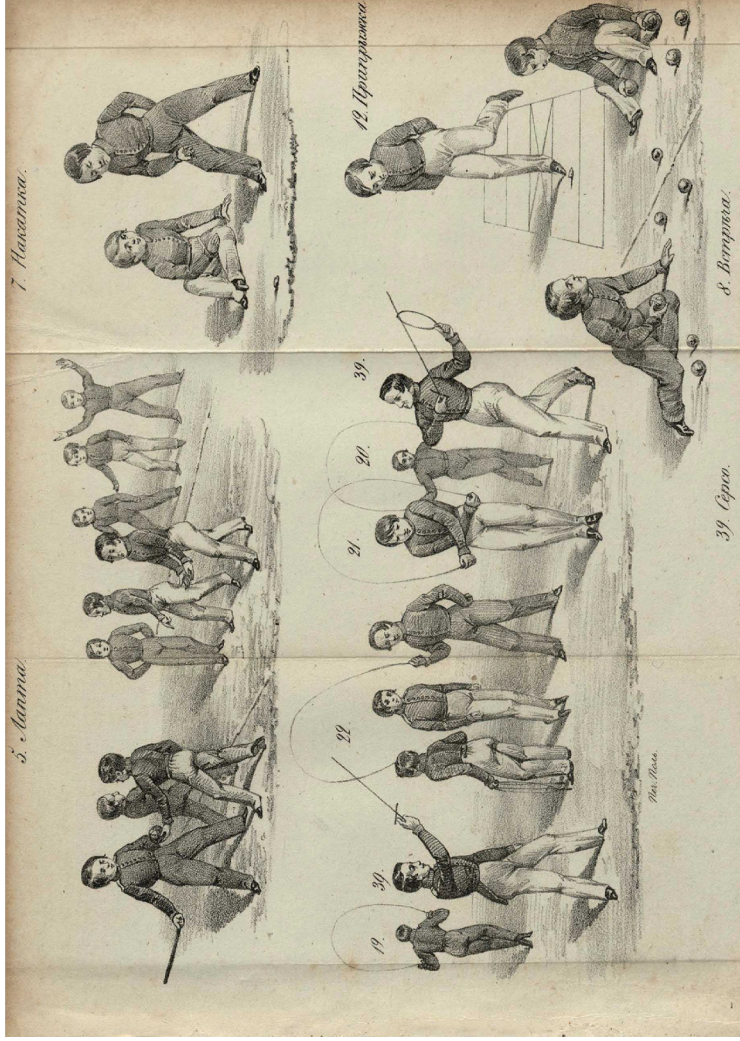
Кавычки должны быть внешние («...») и внутренние (“...”).

Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами, при переводе на английский – арабскими. **Римские цифры** набираются с переключением на латинскую клавиатуру: XIX –XX вв.

Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением иноязычных имен и фамилий.

Сокращения в тексте используются общепринятые, например: тысячелетие – тыс., век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг. и др. Возможны сокращения: др. (другие), т. п. (тому подобное), т. д. (так далее), т. е. (то есть), чел. (человек).

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, **направляются в электронном виде на e-mail журнала** everyday.history@lengu.ru

К статье В. А. Беременко

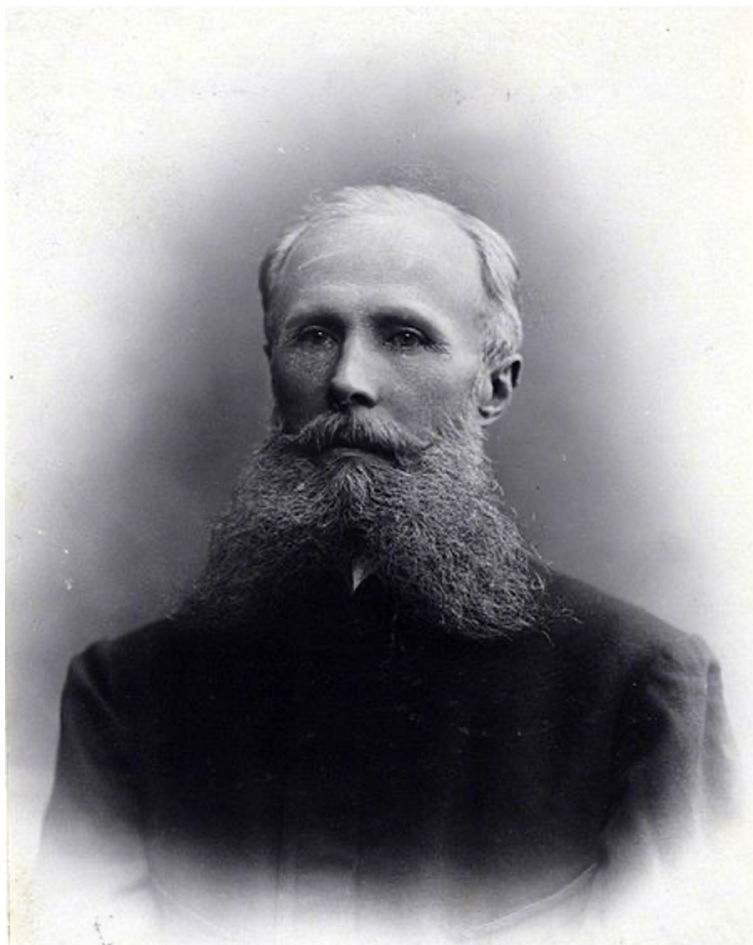
Группа занимавшихся в отчетном году гимнастикой

К статье В. А. Веретенко

Михаил Иванович Венюков (1832–1901)

К статье С. Н. Брежневой

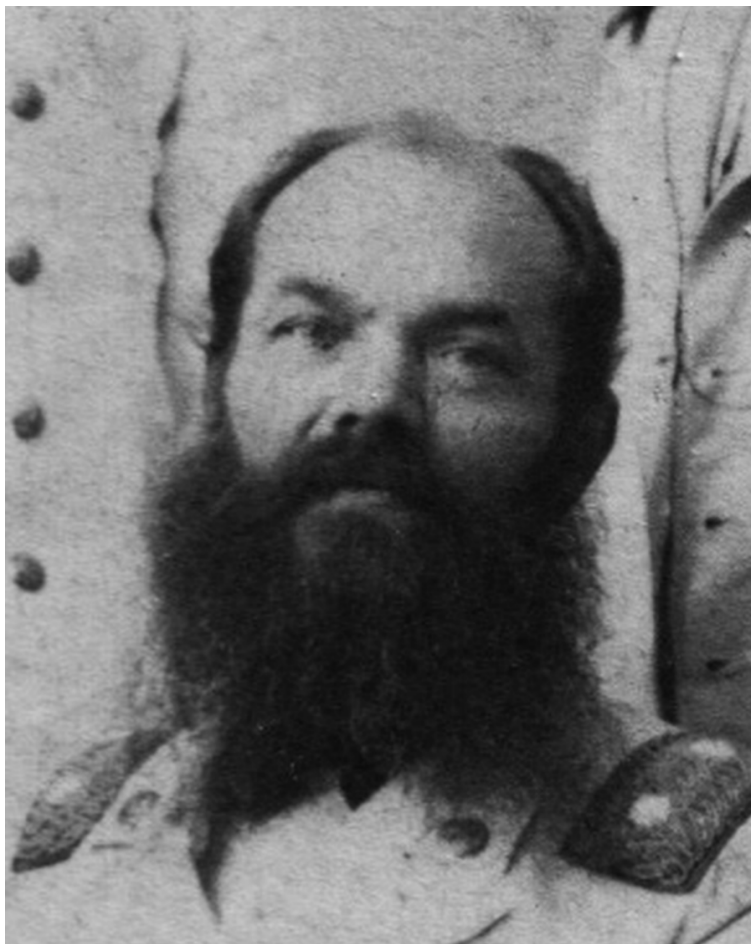
Владимир Петрович Наливкин (1852–1918)

К статье С. Н. Брежневой

Дмитрий Николаевич Логофет (1865–1922)

К статье С. Н. Брежневой

Николай Петрович Остроумов (1846–1930)

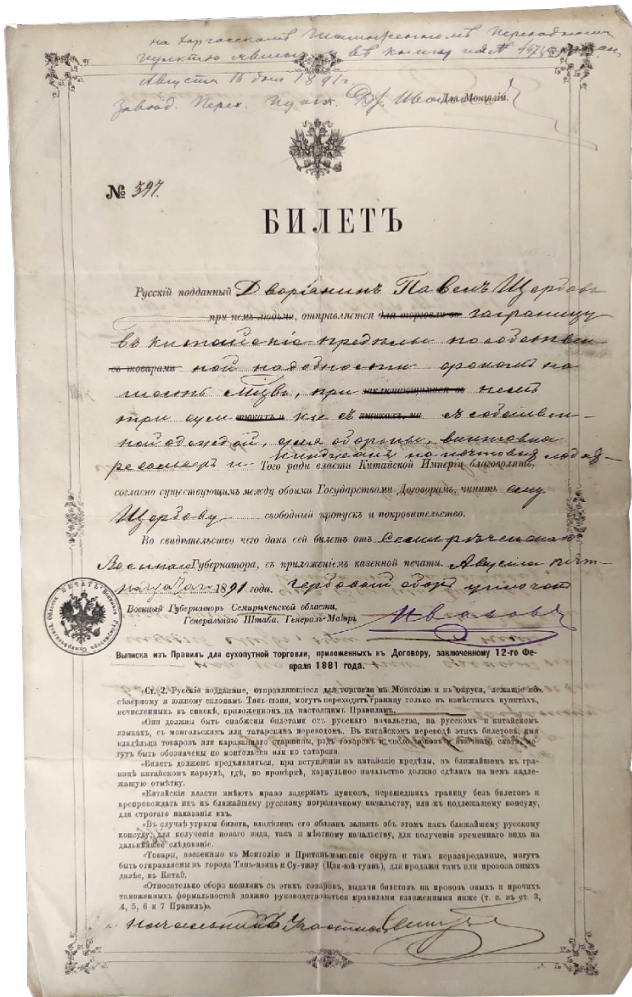
К статье С. Н. Брежневой

Василий Владимирович Бартольд (1869–1930)

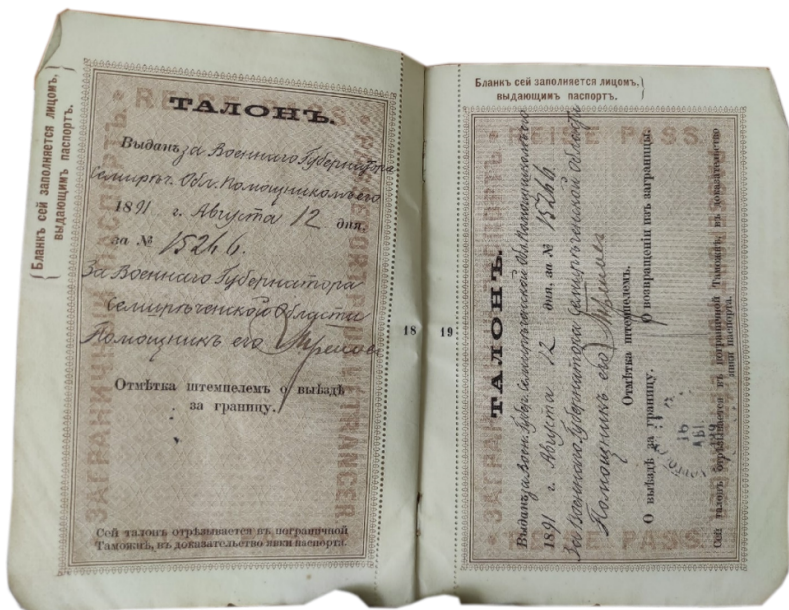
К статье С. Н. Брежневой

Билет, подтверждающий, что власти Китайской империи дают П.Е. Щербову свободный доступ. 1891.
Из коллекции Музея-усадьбы П.Е. Щербова

К статье А. Г. Журавлевой

Заграничный паспорт на имя П.Е. Щербова. 1891.
Из коллекции Музея-усадьбы П.Е. Щербова

К статье А. Г. Журавлевой

П.Е. Щербов на Кавказе (из альбома с личными фотографиями). Конец XIX в.
Из коллекции Музея-усадьбы П.Е. Щербова

К статье А. Г. Журавлевой

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (23)

2022

Редакторы **Т. Г. Захарова, А. А. Титова**
Технический редактор **Н. П. Никитина**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягина**

Подписано в печать 30.09.2022. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif 4.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,75.
Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ №1817

На обложке размещена репродукция картины
Н.С. Гончаровой «Велосипедист», 1913 г.,
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru